

СМЕНА

№ 2 ЯНВАРЬ 1983

**ПЕДАГОГИКА:
ПРИЗВАНИЕ
И ПРИЗНАНИЕ**

БОРРЕВШОВ

ШКОЛА ДИСЦИПЛИНЫ, ОРГАНИ

Социалистическое соревнование немислимо без дисциплины. Кто-то из знатных рабочих сказал, что среди серьезных профессионалов не может быть людей недисциплинированных. Это точно, потому что это подтверждают миллионы фактов трудовой жизни. Великое свойство соревнования и в том, что, требуя четкости, организованности, оно поднимает уровень труда, его результат на новую ступень. Соревнование, убивая халтуру, расхлябанность, необязательность, учит экономности, бережливости в работе.

Именно эти черты трудовой инициативы играют ведущую роль сегодня, когда в нашей стране идет реконструкция предприятий и рабочих мест, ведется деятельная борьба за качество труда, внедряется бригадный подряд.

О месте и роли комсомольских организаций, широких масс молодежи в выполнении планов XI пятилетки рассказывают материалы, предлагаемые читателю.

НА ПОРЯДОК ВЫШЕ

Нина ВИСЛОВА,
первый секретарь
Ивановского обкома ВЛКСМ

Складывалась необычная для традиций нашей области ситуация: кадровые текстильщики все чаще стали возражать, если их дети собирались пойти по стопам родителей. Наши комсомольские работники, занимаясь профориентацией в школах, не раз сталкивались с такой проблемой — юноша или девушка и хотели бы пойти в текстильное ПТУ, на фабрику, да родители противятся.

Позиция родителей имела под собой серьезную основу. «Зачем моей дочери, — рассуждала ткачиха (прядильщица, красильщица), — попадать в такие условия? Шум, пыль, жара, влажность, химические испарения, бытовых удобств никаких, станки допотопные...» Может быть, рисуется слишком мрачная картина? Факт есть: возраст многих наших текстильных предприятий выражается трехзначной цифрой. Даже сравнительно недавно — это и на моей памяти — старость фабрик видна была не только в старых стенах, но и в старо-

сти, отставании от времени многого другого: оборудования, условий труда, социального строительства. Ткацкие станки с ременной передачей, грохочущие, вибрирующие, запыленные, знакомы мне не по учебникам текстильного института... Когда жили мы беднее, когда не хватало тканей и главным было поскорей одеть людей, не до всего доходили руки, не на все доставало сил и средств. Конечно, за много-то лет происходили изменения и на старых фабриках, но не в тех объемах и не такими темпами, как хотелось бы. Словом, сама жизнь подвела к моменту, когда подход к обновлению предприятий должен был совершенно измениться.

Прежде всего отмену масштабы: за несколько лет коренной реконструкции подверглись около пятидесяти текстильных фабрик и комбинатов области; в плане на ближайшие годы — полное обновление еще тридцати двух. Реконструкция и техническое перевооружение текстильных предприятий Ивановской области объявлены Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Но суть, конечно, не в одних масштабах. Принципиальная основа современной реконструкции — комплексность. Создание здорового микроклимата, вентиляция и кондиционеры,

шумопоглощающие потолки, устройство хороших бытовых помещений, механизация и автоматизация ручного труда — это встало в один ряд с обновлением оборудования. Вместе с перестройкой фабричных корпусов строятся жилье, объекты соцкультбыта, детские учреждения — все в одном плане реконструкции, в комплексе.

Как велась реконструкция, к примеру, на родниковском меланжевом комбинате «Большевик»? Параллельно с заменой старых станков построили прекрасный профилакторий; бывшие мастерские реконструировали под поликлинику, да такую, что иной город позавидует. На месте свалки создали зимний ботанический сад с искусственным водопадом, родничком, с двумя сотнями растений со всех континентов... Перечислить все, что сделано в плане реконструкции на предприятиях, невозможно: каждое старается проявить максимум фантазии, использовать любые возможности для улучшения условий труда и быта текстильщиков, на каждом есть что-то свое, необычное.

Суть комсомольского шефства над реконструкцией текстильных предприятий можно определить кратко — организация социалистического соревнования на всех этапах, от проектирования до полного освоения новых мощностей. Но дело это не столь простое, как может показаться.

Возьмем стадию проектирования — уже здесь появляется масса проблем: ведь проектировщик связан условиями действующего производства, переплетением старых инженерных коммуникаций. Работа сложная и требующая постоянных контактов с инженерами и рабочими предприятий. Чем тут может помочь комсомол? Нам кажется, мы нашли действенную форму — это договоры о творческом сотрудничестве комсомольских организаций предприятий и проектных, учебных институтов. В рамках договоров — совместные собрания, субботники и воскресники, лекции для молодых рабочих. В институтах комсомольцы контролируют выпуск проектно-сметной документации, ведут авторский надзор за ходом работы на подшефных предприятиях. Надо отметить, что комсомольский контроль не только фиксирует различные упущения, но часто и предотвращает их. Так, на одном из этапов проектирования возникла угроза срыва выдачи рабочих чертежей фабрике имени С. И. Балашова. По представлению «Комсомольского прожектора» и народных контролеров ГПИ-6 этот вопрос рассмотрели на производственном совещании, строго спросили с руководителей трех отделов института. В результате чертежи были переданы сметчикам вовремя.

Конкретность — вот что сейчас определяет связь комсомольцев институтов и предприятий. Год от года увеличивается число актуальных дипломных и курсовых проектов, которые решают реальные задачи. Так, только за один год на Ивановском меланжевом ком-

бинате внедрено девять дипломных работ студентов.

...Наверное, сейчас нет молодого рабочего или специалиста, который не участвовал бы в соревновании за ускорение темпов реконструкции. Строительство новых и перестройка старых корпусов, монтаж оборудования, автоматизированных систем управления ведутся хозспособом, то есть своими силами. При всех текстильных ПТУ созданы строительные группы; комсомольские организации фабрик организуют временные бригады из числа молодых рабочих. Фактически каждый работник фабрики так или иначе лично причастен к реконструкции. Опыт показал, что объекты реконструкции хорошо подходят для передачи строительным бригадам на подряд. Так делали на фабрике имени С. И. Балашова и убедились, что при жестких сроках реконструкции выгоды бригадного подряда проявляются особенно наглядно. Заключаются подрядные договоры и со студенческими строительными отрядами. Но, к сожалению, дела так обстоят не везде. Часто на небольших объектах работает по несколько мелких бригад с общим числом рабочих больше, чем требуют объемы. И это при повсеместной нехватке людей! Основная причина в том, что хозяйственные и планирующие органы почему-то считают хозспособ второстепенным, что ли, и необходимое технологическое оборудование, строительные механизмы, материалы выделяют под эти работы не полностью. В таких условиях прогрессивный подрядный метод внедрять непросто... Видимо, сложившийся порядок уже не отвечает требованиям времени и его необходимо менять.

Есть и другая сложность. Реконструкция — процесс безболезненный, потому что ведется она без остановки действующего производства и без снижения плановых заданий. Чем шире масштабы реконструкции, тем больше трудностей с выполнением планов. Разумеется, трудности временные, но не все их выдерживают. В этот период, бывает, материальное стимулирование инженерно-технических работников уменьшается — и, как следствие, увеличивается текучесть кадров... Мы, со своей стороны, стараемся заинтересовать молодых специалистов в широком участии в реконструкции — для этого используются и творческие конкурсы, и договоры о содружестве институтов и предприятий, и комсомольские общественные конструкторские бюро — в них молодой специалист сразу получает пусть небольшую, но самостоятельную тему. Тем не менее вопрос этот сложный. На наш взгляд, Минлеспром СССР обязан разработать стройную систему материальных и моральных стимулов, поддерживающих реконструкцию.

...«Досрочно построить — досрочно освоить!» — под таким лозунгом идет соревнование молодых текстильщиков. Статистика показывает, что молодежь осваивает новую технику при-

А П И Д

ЗОВАННОСТИ, БЕРЕЖЛИВОСТИ

мерно в полтора-два раза быстрее нормы. Случайно ли это? Думаю, нет. Реконструкцию мы с самого начала рассматривали в тесной связи с обучением кадров. Ивановские школьники в 9—10-х классах проходят углубленную трудовую подготовку: один день в неделю занимаются теорией и практикой ткацкого дела — это входит в учебную программу. Результат этой подготовки и легкой трудовой четверти таков, что на фабрики и в училища приходят почти сложившиеся, квалифицированные работники: вместе с аттестатом зрелости многие школьники получают и рабочие разряды. Реконструкция поднимает и престиж профессии. Например, в городе Вичуге в прошлом году пришли на текстильные предприятия 38 процентов выпускников школ вместо обычных 8—12.

Новая техника, лучшие условия труда дали новый импульс движению многостаночников. Основывается оно на продуманном инженерном обеспечении. На всех предприятиях вошло в правило: каждый молодой специалист получает творческую работу и, выполнив ее, отчитывается перед главным инженером. Тематика творческих работ разработана по всему технологическому циклу. Вот, к примеру, творческая работа молодого мастера ткацкого цеха Любови Лебедевой — «Освоение оборудования». Что конкретно это означает? За счет модернизации станков, повышения производительности, квалификации рабочих Любе удалось выводить помощника мастера и одну ткачиху в каждой смене.

Соревнование многостаночников невозможно и без рабочей инициативы. 120 ткацких станков взялся обслуживать молодой помощник мастера, лауреат премии Ленинского комсомола Виктор Кочетов. В его бригаде вместо заправщиков основ ввели наладчиков оборудования, которые делают все подсобные работы, мелкий ремонт, заправку станков. Кочетов разработал и успешно применяет график обслуживания станков, в котором все расписано по часам.

В разгар реконструкции на наших предприятиях начали внедрять бригадную форму организации труда. Мы убедились: когда вместо малочисленных комплектов создается крупная бригада, применяющая коэффициент трудового участия, — это позволяет резко поднять производительность труда, быстрее осваивать оборудование, сокращать его простои. И что еще важно — молодежь в таких коллективах быстрее адаптируется, быстрее повышает квалификацию. В последние годы число молодых рабочих, не выполняющих нормы выработки, заметно снижается.

Реконструкция создала все предпосылки для встречного планирования — сейчас встречные планы имеют все текстильные предприятия и все комсомольские организации. Встречный план, в свою очередь, заставил нас искать новые формы соревнования комсомольцев и молодежи.

Есть такое часто употребляемое вы-

ражение — надо дойти до каждого человека. Но как это сделать практически? И у нас так долго было: в соревновании на деле участвовали лишь немногие — у большинства, особенно новичков, почти не было шансов войти в число победителей. Подростки вообще были исключены из соревнования. Скромно держались в тени «середняки». Причина — уравнилительный принцип в соревновании, одинаковые требования к начинающему и квалифицированному рабочему. Теперь же мы осуществляем дифференцированный подход к организации соревнования молодежи. Просто говоря, это выделение соревнующихся в отдельные группы — работников со стажем до одного года, до трех и более лет, с учетом зоны обслуживания, профессиональной подготовки и так далее. У каждой группы молодежи — свои условия соревнования.

Нынче на предприятиях нет не заинтересованных в соревновании людей, все могут рассчитывать на победу — пусть для начала в группе самых молодых. Мы считаем, что каждый молодой человек имеет право быть лидером в соревновании. Или по крайней мере иметь реальные шансы на лидерство. За один прошлый год мы поощрили около двенадцати тысяч молодых рабочих-победителей. А ведь многие из них в иных условиях могли и не проявить своих лучших качеств.

Здесь напрашивается вопрос: а как мы используем опыт лучших? Нам помогает комплексная система планомерного внедрения передового опыта, примененная впервые на Ивановском камвольном и Яковлевском льняном комбинатах. Система — это несколько последовательных и взаимосвязанных этапов. Начинается она с отбора ценного опыта — на конкурсах рабочего мастерства, во время общественных смотров эффективности и качества, путем обмена опытом с родственными предприятиями. Потом производится анализ лучших приемов работы, составляются «карты новаторского опыта» по всем профессиям, организуется обучение всех рабочих.

Главная цель системы — чтобы достигнутое не только было в массовом порядке закреплено, но и превзойдено. Так, на одном Ивановском меланжевом комбинате имени К. И. Фролова за год изучен и обобщен опыт 405 лучших молодых рабочих, составлено 64 «карты новаторского опыта». Пользуясь ими, можно детально изучить те новинки, которые применяют лучшие рабочие, выяснить, где экономится время и из чего складываются дополнительные метры ткани и килограммы пряжи. А всего в области ежегодно повышают квалификацию более 20 тысяч молодых рабочих.

...Реконструкция, как видите, затрагивает все стороны жизни предприятия. Если говорить о ее эффекте в социальном плане, то это новые формы и уровень соревнования, открытие новых пластов рабочего творчества, новые возможности роста молодежи.

Шире развернуть среди молодежи социалистическое соревнование, движение «Одиннадцатой пятилетке — ударный труд, знания, инициативу и творчество молодых!»... Утверждать ленинский стиль в работе, учиться у партийных органов конкретному, научному, творческому подходу к делу. Усилить контроль и проверку исполнения, не допускать принятия повторных решений по одним и тем же вопросам, укреплять дисциплину, поднимать ответственность каждого работника и активиста за порученное дело.

Из постановления III Пленума ЦК ВЛКСМ

Вячеслав НЕВОЛИН,

Олег АРСЕНТЬЕВ,

сталевары
Златоустовского
металлургического
завода

ЧТО НЕ ИЗМЕРЯЕТСЯ ПРОЦЕНТАМИ

Герб Златоуста — сталеразливочный ковш, над которым парит крылатый конь. Здесь открыли тайну русского булата. Заложили краеугольные камни качественной металлургии.

Сегодня златоустовская сталь ударно работает во всех отраслях народного хозяйства. Около четырех тысяч заказчиков у златоустовских металлургов.

Вот почему важно, чтобы традиции новаторства, творчества развивались, чтобы эстафета рабочего мастерства была в надежных руках, чтобы народнохозяйственные заказы выполнялись в срок и с наименьшими затратами. Об этом и беседуют молодые сталевары Златоустовского металлургического завода Олег Арсентьев и Вячеслав Неволин. Они давнишние друзья и соперники, работа на одном агрегате. Когда-то Вячеслав был первым подручным у Олега. Сейчас оба они мастера огненных плавок. Олег Арсентьев награжден двумя орденами Трудовой Славы, а Вячеслав Неволин — орденом Трудового Красного Знамени, он лауреат премии Ленинского комсомола.

О. АРСЕНТЬЕВ. Вспомним, Слава, историю нашего города. Великий русский ученый Павел Петрович Аносов открыл тайну русского булата. Потом она была утеряна. Странно звучит, не правда ли?

На нашем заводе — добрая половина сортамента страны. Десятки марок стали варим мы с тобой. Причем что ни марка, то полтаблицы Менделеева. Попробуй-ка забыть внести хоть одну добавку... А тогда утратили секрет — и все тут. Что было бы с человечеством, если бы вот так же потеряли порох, колесо...

В. НЕВОЛИН. Человечество изобрело бы новый порох. И не хуже прежнего. Кстати, русский булат открыли вторично. На нашем же заводе примерно четверть века назад. На булатном клинке были, как и положено, характерные узоры. Это сталь особой прочности. И гнулся металл изумительно.

Может, я ошибаюсь, но открыт заново булат, пожалуй, из спортивного интереса. Конечно, качествами обладает он замечательными, ничего не скажешь. Но сегодня мы с тобой варим марки такой стали, которой знаменитый булат и в подметки не годится. Это очень

дорогой металл. Отсюда следует простой вывод: оплошности в нашей работе допускать нельзя. Брак равносителен тому, что ты залез государству в карман. Наша профессия самая что ни на есть мужская. В нашем цехе уникальные агрегаты, печи современной металлургической технологии. Наверное, поэтому нас в шутку называют металлургами в белых халатах.

О. АРСЕНТЬЕВ. Ну, до белых халатов, допустим, еще далеко. Но профессия металлурга действительно мужская: она требует и теоретических знаний и физической силы. В ней целый «букет» специальностей: нужно знать тонкости химических превращений, быть на «ты» со сложнейшим оборудованием, разбираться в электротехнике, обладать навыками организации производства, быть, наконец, коммуникабельным, то есть иметь понятие о рабочей психологии. Как депутату горсовета, как шеф-наставнику мне часто приходится выступать перед молодежью. Обязательный вопрос: с чего начинается настоящий рабочий? И я всегда затрудняюсь ответить, ведь у каждого рабочая судьба складывается по-своему.

Как металлург я, к примеру, начинался на канаве. Первейшим моим орудием труда была... метла. Да-да, самая что ни на есть обыкновенная метла. Мой первый мастер Круглов, казалось, и не собирался использовать меня по назначению. «Там прибереги, здесь подмети!» — вот его ценные директивы. Я не спорил. Всерьез считал, что порядок на пролете начинается с элементарной чистоты. И сейчас так считаю. И подметал на совесть. Позже мне доверили собирать сифоны. И тут я был верен своему правилу: если уж делать, то безупречно. Мне и в голову не приходило брезговать «грязной» работой. Ведь и ее кто-то должен выполнять! А сам себе я говорил: конечно, метла не главный инструмент в сталеварении, но ты смотри чуть дальше метлы. И я спрашивал, наблюдал, охотно выполнял любое поручение. Недаром говорят: минутный стыд спросить, вечный стыд не знать. Я хотел знать! И как-то само собою получилось, что меня назначили подручным. Пригодились наблюдения, крохи знаний, старание. Очень я благодарен сталевару Александру Зубову. Душевной такой, терпеливый. Строг, но справедлив. И что меня особенно подкупало — даже в самые драматические минуты не унижал достоинства подручных. Иной ведь, чего греха таить, и не кричит вроде, но квалифицированно давит тебя сталеварским интеллектом. Щенком, ничтожеством себя чувствуешь.

А между прочим, технологические нюансы в нашем деле не самоцель. Да, некоторые марки стали очень ответственные, денежные, как мы говорим. Но дороже всего сплав иного рода — товарищество, рабочая солидарность. Воспитать настоящего рабочего — это значит, говоря нашим сталеварским языком, попасть в заданный химанализ.

Ушли в историю те времена, когда цеховой план «делали» герои-одиночки, то есть лучшие хозяева печей. Тогда не очень задавались вопросом: какой ценой ты одолел задание? Порою закрывали глаза на то, что план выполнялся за счет соседа. У иного такого передовика браку наворочена уйма, зато дополнительного металла больше всех. Все почести ему: новатор! Сейчас такие «номера» не пройдут. Не умеешь считать затраты — научат, не хочешь — заставят. Первейший долг сталевара — научить своих подручных бережливости, воспитать чувство хозяина на производстве.

В. НЕВОЛИН. Мы часто говорим: коллектив воспитывает каждого из нас, руководитель должен воспитывать молодых рабочих. Но ведь смотря кто как понимает это. Не следует превращать производство в детский сад. На завод мы приходим прежде всего работать, то есть выполнять свои профессиональные функции, а не воспитывать друг друга. И если уж на то пошло, то здесь, на производстве, каждого из нас воспитывает все: и организация производства, и планирование, и личная дисциплина, и расторопность смежников... Рабочий — это «клеточка» сложного и очень мобильного хозяйственного механизма. «Клеточка», которая сотнями видимых и невидимых связей соединена с остальными такими же «клеточками».

Но во всем этом комплексе взаимосвязей я особо выделил бы один очень важный, на мой взгляд, элемент, который бы так определил: нравственный уровень деловых отношений. Его воспитательное воздействие гораздо сильнее, чем иные «разносы» и нотации. Расскажу один случай.

Шла обычная смена. Первый подручный стал забрасывать в печь ферромолибден и обронил в шлаковник несколько увесистых кусков. Что же, с кем не бывает. Стало мне интересно: как же

поступит подручный? А он ничуть не расстроился. Засобирался за новой порцией ферромолибдена. «Много уронил?» — спрашиваю парня. «Да пустяки», — отвечает беззаботно он. — Килограммов восемь». «Нет, это не пустяки», — говорю ему спокойно. — Килограмм ферромолибдена стоит восемь рублей. Значит, ты обронил свыше 60 рублей. Между прочим, столько же стоит приличная куртка. Если бы ты обронил в речку новую куртку, небось сломя голову бросился бы за нею?»

Вскрыли мы приямок, куски достали и закинули их в печь. Подобных случаев в нашей практике не так уж мало. По неопытности, по нерасторопности молодой рабочий невольно может нанести ущерб родному заводу, а значит, и государству. Если вовремя не остановить парня, не растолковать, то ему и в голову не придет, что он транжира. Надо, очень надо, чтобы именно в такую минуту на плечо парня легла строгая рука наставника. Если не я, то кто же преподнесет ему урок бережливости?

А бережливость — это категория не только хозяйственная, производственная. Это еще и нравственная категория! Важно, чтобы новичок как можно быстрее понял, что на завод пришел он не в бирюльки играть, а трудиться. Сталь варить. Что ему доверили прогрессивное оборудование, шихту, дорогостоящие добавки. Ведь каждый кусок легирующих добавок везли к нам издалека. Где-то на других предприятиях тот же ферромолибден добывали, плавляли, доводили до кондиции. И, конечно же, не для того, чтобы здесь, у чрева печи, ронять его в шлаковник.

О. АРСЕНТЬЕВ. Споры нет, воспитывать новичков надо. Вопрос в том: как? Иной наставник пускает в ход крепкое слово, другой, напротив, «жалует» своих подручных, любую операцию норовит выполнить сам. От такой «жалости» мало толку. Наверное, лучше всего воспитывать собственным примером. И требовать нужно строго, но не в обидной для самолюбия форме. И тогда на справедливое замечание никто обижаться не станет.

Во втором электросталеуплавильном цехе, по соседству с нами, на десятой печи имени газеты «Правда» работает орденносец, делегат XXVI съезда КПСС Марк Николаевич Буриков. Кстати, именно его коллектив первым на нашем заводе еще лет двадцать назад перешел на работу по единому наряду. Так вот. Помнится, в свое время на Бурикова тоже кое-кто обижался. Мол, слишком суров, не прощает ни одной промашки. Обижался и его подручный Борис Банышиков. Но вскоре Борис понял, что Марк Николаевич всегда был вдвойне строг к себе. На работе выкладывался, не экономил сил. А это лучше всякой агитации. Такой человек имеет право потребовать и с других. Не нами подмечено: кто не научился подчиняться, тот вряд ли научится правильно требовать с других. Борис многое перенял от прославленного сталевара. Сейчас он известный в Златоусте мастер огненных плавов. За отличную работу Министерство черной металлургии премировало его легкой автомашиной. Такой чести никто еще из металлургов нашего города не удостоивался.

Можно привести еще немало аналогичных примеров, которые убеждают, что каждый урок бережливости, настоящей хозяйственности — это урок нравственности. И очень важно, чтобы старший наставник учил начинающего рабочего не только «крутить рукоятки», но и рабочей морали, чтобы порядочность просвечивалась в каждом поступке. Мы порою жалуемся: мол, с одной стороны, сплошь и рядом — акселераты, а с другой — уж очень эти самые акселераты в гражданском отношении зеленые. Чтобы парень быстрее втягивался в серьезные дела, над ним нужно заботливо шефствовать. Тогда молодость, грамотность обернутся творческой инициативой, активной жизненной позицией.

В. НЕВОЛИН. О творческой инициативе мы часто говорить горазды. А когда вмотришься в иную инициативу — оказывается, это обычный, самый заурядный поступок. Скажем, некто стал выключать на обед свой станок. И мы спешим восторгаться: ах, как это здорово! И таких, с позволения сказать, инициатив поразвелось у нас немало.

Я понимаю инициативу так: это поиск. Резервы, лежавшие на поверхности, давно взятые. Нужно вскрывать новые пласты — глубинные. А это непросто. Тут лозунгом, пусть даже и звонким, не обойдешься. Надо думать, ломать сложившиеся приемы, навыки. То есть перепихивать себя, учиться по-новому смотреть на привычные вещи.

Возьмем, к примеру, такое привычное, всем знакомое понятие — передовик производства. Ты только что говорил о тех новаторах, которые признавали только «вал», то есть сверхплановую сталь. А какой ценой — неважно. Сегодня рассуждают иначе. Если ты подлинный передовик производства, то выдавай дополнительную продукцию не в последние смены, не ценой громадного напряжения в конце месяца, а работай ритмично, ровно. Причем выдай сверхплановый металл на сбереженных ресурсах! Это и будет аттестат твоей рабочей зрелости. Так в начале одиннадцатой пятилетки родился в нашем цехе почин «Максимум сверхплановой стали — на экономленных ресурсах!». В сущности, он стал продолжением предыдущего почина мартеновцев второго цеха, которые предложили металлургам Златоуста соревноваться под девизом «Сталевару — квалификацию мастера!».

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Финишные, к тому же самые ответственные операции — раскисление и доводку жидкой стали — хозяин мартена выполнял раньше под прямым руководством мастера. А мастер один на несколько агрегатов, ему везде поспеть трудно. К тому же получалось, что в самый решающий момент сталевар как бы самоустранился от плавки. Он был лишь хозяином агрегата, но не плавки. Если бы дело было только в самолюбии, то с этим можно было бы смириться. В конце концов есть технологические инструкции, где четко расписано, кто и что должен делать, за что отвечать. Но жизнь вносит существенные коррективы: не хватает мастеров по плавкам, сталеваров, подручных. Техпроцессы же усложняются, государственный план становится все более напряженным. Поневоле приходится совмещать профессии. Но если уж ты совмещаешь, то делай это грамотно, без ущерба заводу.

Короче, златоустовские мартеновцы резонно рассудили: сталевар должен самостоятельно, без подсказки мастера выполнять финишные операции. Но для этого он должен иметь квалификацию мастера. Как добиться такого? Это уже, как говорится, дело техники. На заводе разработали программу теоретического обучения. На занятия ходили и хозяева печей и подручные. Параллельно шла и практическая учеба. Мастера, начальники смены на конкретных плавках показывали, какие добавки и сколько надо вносить. Логарифмическая линейка для сталевара стала таким же привычным атрибутом, как гребок и лопата. Ну, а потом были экзамены. Авторитетные «светила» сталеварения основательно проверяли у хозяев печей истинные знания. И присваивали звания. Сначала — сталевара второго класса, затем первого. А к концу пятилетки наиболее грамотные становились сталеварами-мастерами. Каждый из них мог самостоятельно вести плавку от начала и до конца, а в случае необходимости заменять мастера. Сталевар, получивший квалификацию мастера, сразу же после экзамена материально поощрялся.

С такого мартеновца и спрос особый, иначе зачем учиться на специальных курсах? Сталевар должен работать более экономично, чем прежде, с максимальной эффективностью. С максимальной — для кого? Конечно же, для цеха, для родного завода. А для себя? Вот тут-то и возникает щекотливая ситуация. О ней и толкуют сталевары.

О. АРСЕНТЬЕВ. Слов нет, уважающий себя сталевар всегда стремится работать экономично. Но были объективные тормоза, которые скрывались в условиях соревнования. Беда в том, что эти условия нацеливали нас, в сущности, лишь на первое место: лишь бы твой лицевой счет был лучшим в цехе. Тогда твоя бригада получит вознаграждение. Не более 45 рублей — это нужно подчеркнуть. Но ведь на лицевом счете может быть и тысяча рублей, а может и три тысячи. Величина премиальных от этого никак не зависела.

И второе: а как быть с теми хозяевами печей, которые призвого места не заняли? И этот «пустяк» условия соревнования тоже не учитывали. Выходит, за бортом трудового соперничества оказывалась основная масса сталеваров! Что же получалось? Фактически многие из нас экономно расходовали электроэнергию, ферродобавки, но материально поощрялись лишь единицы. Ясно, что такое вот несоответствие мешало творческому использованию внутренних резервов. Это чувствовали и мы, хозяева сталеплавильных агрегатов, и специалисты, и командиры производства. Много было споров, предложений. Наконец, решили провести на нашем заводе экономический эксперимент.

В. НЕВОЛИН. Хорошо помню, с каким интересом мы ожидали эксперимента. Кое-кто сомневался: дескать, звучит красиво, а весь смысл эксперимента будет в одном: мы — побольше вкалывай, а премию придумают как урезать. Но вот вышло новое положение о соревновании за лучший лицевой счет, и многое сразу прояснилось. Прежде всего установлен твердый фонд поощрения — три процента от всех экономленных ресурсов. Скажем, сберегла бригада тысячу рублей, за это ей причитается 30 рублей. Меньше сэкономил — меньше получишь. Независимо от того, какое место она завоевала. То есть у каждой сталеварской бригады есть четкие ориентиры. Она уже борется не вообще за какое-то абстрактное первое место, а за бережливость.

О. АРСЕНТЬЕВ. Будем откровенны. Слава, нас, электрометаллургов, лишней десяткой не удивишь. И нельзя соревнование сводить к одной лишь рублевке. Эта премия в отличие от некоторых других начисляется не автоматически, как, например, тринадцатая зарплата. Она заработанная! У такой премии и моральный престиж выше. Ведь условия работы нередко таковы, что ты можешь справиться с государственным планом, не сэкономив при этом ни рубля. Как тут ни поворачивай, а получается, что лицевой счет — это самое верное зеркало твоей работы, твоего мастерства. В нем, если хотите, твоя жизненная позиция.

К примеру, никто ведь не обязывает нас работать на нижних пределах. Но мы идем на это! Почему же другие не идут? Да потому, что иному личный покой дороже всего. Дороже «длинного» рубля, дороже соблазнительной премии. Он знает, что нижний предел — это в известной степени риск. Но я так понимаю: здесь у нас такой риск, который учит грамотно использовать собственные возможности, который доводит твоё умение до автоматизма в хорошем смысле этого слова.

В. НЕВОЛИН. Олег, наверное, не все поймут, что такое нижний предел, сочтут его за обычный, несколько туманный технологический термин. Поясни чуть. Каждая технология дает нам, сталеварам, поле допусков, очерчивает рамки, границы, за которые выходить нельзя. Скажем, хрома нужно дать от 17 до 19 процентов, то есть разбег всего

два процента. Можно в середку попасть, можно чуть выше — ты будешь в заданном химанализе.

Приблизиться к нижнему пределу трудно. Это требует филигранного мастерства и безупречной рабочей совести. Причем это не просто красивые эмоции. За этим стоит точнейший расчет и, как следствие его, экономия ресурсов.

Теперь немножко арифметики. Допустим невозможное: наша бригада ежемесячно занимает первое место в соревновании за лучший лицевой счет. До экономического эксперимента за полугодие мы получили бы не более 270 рублей. А в новых условиях, несмотря на то, что она лишь раз была первой в цехе, мы получили свыше 330 рублей. Весомая прибавка — так считают все сталевары.

О. АРСЕНТЬЕВ. Наверное, нелишне сказать и о том, что в экономическом эксперименте участвуют и рабочие других ведущих профессий. Например, разлишники. На первый взгляд они не имеют прямого влияния на экономию таких дорогостоящих элементов, как феррохром или ферромolibден. Но зато причастны к экономии уже готового, сваренного металла. Так что смело можно утверждать, что экономический эксперимент влил свежую струю в соревнование. Об этом я и заявил на межзаводской школе передового опыта, которую провели по решению городского комитета партии и областного методического центра по пропаганде передовых методов труда.

В. НЕВОЛИН. Но не будем, Олег, закрывать глаза и на его несовершенство. С чего начинается экономия? С шихтарника. С бригадира, который готовит нам с тобой шихту. А таких бригадиров, как наш Володя Маркс, надо еще поискать. Толковый парень. Шихтовники практически никак не заинтересованы новым положением о соревновании за лучший лицевой счет. На днях у нас на печном пролете побывал начальник отдела научной организации труда Валентин Константинович Бубнов, и мы поговорили о некоторых несоответствиях откровенно. Он, в частности, рассказал о том, что из некоторых цехов к нему поступают тревожные сигналы. Проще говоря, мартеновцы не очень приветствуют экономический эксперимент.

Что же не устраивает их? Премия за сэкономленные ресурсы начисляется в зависимости от выполнения графика производственного отдела. Сорвал его — премия сильно урезается. В одном месяце по названной причине в первом электросталеплавильном цехе с лицевых счетов экономии скостили свыше 19 тысяч рублей, в первом мартене — почти 18 тысяч, во втором мартене — около 19 тысяч... Бригады резонно спрашивают: позвольте, мы-то при чем тут? Ведь производственные задания срываются из-за плохого обеспечения шихтой, материалами. В целом по заводу из-за этого по лицевым счетам экономии потеряно более 60 тысяч рублей. Другими словами, сталеварам не выплатили премиальных не менее 1 тысячи рублей... Значит, в ходе эксперимента допущен просчет.

О. АРСЕНТЬЕВ. Очевидно и другое: любое соревнование лишь тогда авторитетно и увлекает рабочих, когда точно учитывается вклад каждого, когда объективные причины четко отмежеваны от субъективных.

В. НЕВОЛИН. Сейчас у нас уже принимаются конкретные меры, цель которых — максимально четко и полно учитывать личный вклад в общее дело каждого металлурга. Думаю, а точнее, уверен: это сразу повысит температуру творческого соперничества, вовлечет в соревнование большинство металлургов, а особенно молодых. Экономия станет нормой жизни для всех.

О. АРСЕНТЬЕВ. А значит, будет златоустовская сталь еще лучше, еще дешевле.

Диалог записал
Юрий КОРМИЛЬЦЕВ.

ТАЛАНТ НЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ

Александр РОГИНСКИЙ

Андрей вышел на трибуну, начал читать по бумажке, споткнулся, засунул доклад в карман — не нужен. Едва произнес первую фразу, как понял: «понесло».

А во всем виновата вчерашняя экскурсия. В программу семинара по качеству входило посещение показательного объекта. Стройка оказалась действительно впечатляющей. Только Андрей смотрел не на мощные краны и крупноблочный монтаж, а вниз, на землю, на кучи затвердевшего бетона, валяющиеся вентиляционные короба, арматуру... Тогда промолчал, сейчас вот не смог: не терпел Андрей Хамула бесхозяйственности.

Когда Андрей вернулся на место, разгоряченный, словно после быстрого бега, я поздравил его:

— Хорошо говорил.

— Лишь бы по делу... Вот тут много про всякие системы качества наслушался, а, на мой взгляд, есть всего одна настоящая система, гарантирующая успех. Та, которая опирается на сознательность рабочего, его ответственность. Его желание работать лучше. Когда человек не боится нового, готов рискнуть для пользы дела. Когда ему скучно работать на одном уровне и он постоянно ищет, как усовершенствовать свое дело. Воспитать в человеке такие черты сложнее, чем разные таблицы понарисовать. Но для дела куда полезнее.

...Жара донимает, легкий сухой ветер мечется по площадке; предметы остро белы, излучают колющий свет. И в этом беспощадно белом пространстве работают люди — равномерное и плотное движение.

Колонна копра, словно хобот слона, ищет пятно сваи; вглубь уходит шнек, затем в скважину опускается армокаркас. Затем он бетонизируется... И так цикл за циклом. Впечатление, будто не на стройплощадке, а в цехе, где каждое движение predetermined. Кто-то идет к водопроводному крану и сразу же возвращается на свое место, кто-то присел отдохнуть, но на минуту... А жара донимает, и я смотрю на Хамулу, который так монументально воздвигнут в кабине копра. И мне становится жаль этих ребят, этого могучего бригадира — истинного запорожца. Этот ритм, доведенный до изнурения, непонятен мне.

Вспоминаю слова знакомого социолога: «Сейчас рабочего привлекает не так зарплата, как содержание труда. Уровни работы и рабочего должны совпадать, только тогда возможна высокая творческая дисциплина. Если на несложном объекте трудится высококвалифицированная бригада, успеха не жди».

Под дисциплиной мы привыкли понимать отсутствие нарушений (трудовая дисциплина), высокие показатели (производительная)... Но аккуратно, без нарушений может трудиться и серенький коллектив, а достигнуть высокой производительности — и шабашники. Может быть, действительно творческая дисциплина — более высокая сфера проявления возможностей человека, но неужели вот это равномерное, плотное движение и есть творчество?

Я вижу: на строительстве соседнего дома трудится другая бригада. Понуру опустил стрелу кран, на площадке без-

**СОВЕТ СТАРШЕГО.
В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННОГО
ПРОИЗВОДСТВА
С ЕГО СЛОЖНЕЙШЕЙ
ТЕХНОЛОГИЕЙ,
ОН НЕЗАМЕНИМ.**

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

людье; бригада в полном составе прохладается в тени деревьев.

И вдруг понимаю: безостановочное движение на объекте Хамулы не принужденность вовсе, а стиль, необходимость; эта кажущаяся монотонность — напряженный ритм; кажущаяся утомленность лиц — сосредоточенность. Ничего лишнего, все разумно, возвышено духом работы.

Когда Андрей Хамула приехал из Киева в Запорожье, то попал рабочим в большую бригаду. Было весело: много людей, шумно. Имелась техника, солидные объекты... Но работа все-таки не именины, на одном веселье не проживешь. 22 человека трудились напористо,

но малопродуктивно: как в пустоту камни бросали, и не было отзвука. И это многих устраивало. Многих, но не Андрея.

Он видел: тысячу операций приходится делать вручную, и это при такой технике! Крановщик — бог, попробуй заставь его сделать лишнее движение; сварщик — артист, нет работы — папироску покуривает... 22 человека, а каждый вроде сам по себе, со своим профессиональным гордом. Разобщенность, бесхозяйственность, хаос. Механизацию-то тут внедрились, а грамотно наладить отношения в бригаде не сумели.

«Впрочем, это даже и хорошо, что

недостатки столь очевидны, — решил про себя Хамула, став бригадиром. — Легче свою правоту доказать будет. А начать надо с того, что загрузить «богов» и «аристократов» работой так, чтобы вспомнили, как это — трудиться в поте лица своего. Чтобы работали, а не перекуривали на своем Олимпе».

Хамула знал: есть два вида комплексных бригад — такие, где собраны разные специалисты, и такие, где все все умеют. Вот этот последний тип бригады и нравился больше всего Андрею. Специалистов-то проще собрать — заплати им только. А взаимозаменяемость порождает взаимовыручку, дружбу... Это уже весомо.

Теперь — техника. На стройке много случайных машин, которые рассчитаны на работу вообще. А должны быть точными, выполнять то, что задумано человеком. Человек и машина, их взаимоотношения — это прежде всего точность. Она сегодня играет решающую роль. Точность идеи, ее использования, решения.

...В комсомольско-молодежной бригаде Хамулы почти все спортсмены: есть свои шахматисты, многие увлекаются стрельбой. Лучший стрелок — бригадир. Попасть из малокалиберки в десятку для него суший пустяк. Любит точность, видит цель. Знает, как ее достичь.

— Обычные просчеты строительных бригад, — говорит Хамула, — в том, что многие не знают, зачем, собственно, такая бригада существует. Дом без проекта не построишь, а бригаду разве можно? Приступая к созданию коллектива, надо знать точно, какого уровня сложности работу придется выполнять, сколько и каких специалистов нужно.

Союз техники и человека, — продолжает Хамула, — вот наша главная мысль. Надо искать, придумывать, внедрять в дело такие машины, которые соответствовали бы назначению бригады. Это, конечно, сложно, но вполне выполнимо. С этого, собственно, и началась наша бригада.

Земля становится дорогой, свайные фундаменты применяются все шире; они позволяют на слабых грунтах ставить дома, цехи... Были машины, которые приспособили для закладки таких

фундаментов. Но они устарели. Тогда специалисты треста «Укрдроспецфундаментстрой» и бригада поставили перед собой сверхзадачу — создать принципиально новую установку, которая позволила бы работать не только на больших скоростях, но и максимально качественно.

Буровая колонна набиралась из нескольких коротких шнеков. Значит, постоянно наращивая ее, очищая, ремонтируй... Сконструировали восьмиметровый шнек, дело пошло быстрее. Но и грунта на него налипать стало больше. Придумали шнекоочиститель. Так по частям создавалась совершенно новая буровая установка. Уникальный механизм был удостоен золотой медали ВДНХ СССР. После этого началось буквально паломничество в бригаду, строители многих городов приезжали посмотреть и скопировать конструкцию. Например, при строительстве КамАЗа эта установка сэкономила несколько миллионов рублей.

Степень механизации в бригаде А. Хамулы достигла 98 процентов — для строительства небывалая цифра. Многие не верили, что такое возможно. В бригаду зачастили комиссии. Но проверки подтверждали: все без обмана.

Надежность, точность исполнения, стабильность — главные принципы работы бригады. А стремления — куда выше понятного желания «всегда быть первыми». Эта цель достижима, может быть, и легко — хотя бы за счет класса. Но бригада — это не только собрание под одной крышей людей мастеровитых и организованных. Это еще и одна семья, в которой надо следить за ростом, развитием... Очень бережно здесь относятся к таланту.

В коллективе есть традиция: проработал некоторое время, обучился, приобрел организационные навыки — расти дальше. Сколько уже вышло из этой школы бригадиров, высококвалифицированных рабочих! Конечно, кто хочет остаться, не возбраняется. Но если увидели в человеке организаторский дар, если заметили, что привычная одежда уже тесна и человек начинает скучать, уговаривают даже: иди на повышение. Уговаривают еще и потому, что не использующий свой талант, как правило, останавливается в росте.

Каждому в бригаде найдено свое место; возможности рабочего тщательно сверяются с тем, что он делает.

Точный расчет — один из «китов», на котором стоит бригада. Даже площадка организуется так, что все службы на виду. Если кто-либо (с новенькими такое бывает) захочет скоротать в даль-

нем уголке рабочее время — спрятаться некуда.

Точный расчет — он коснулся и чисто бытовой стороны жизни бригады. Как-то привели паренька. Прочитал в газете о бригаде и решил попытать счастья — устроиться на работу (сделать это не так просто, велика конкуренция). Новенький был с дипломом техника, успел поработать на других стройках, но тут растерялся, не мог понять, где находится. Площадка, словно квартира, чисто выметена, ничего лишнего... Бытовка — залюбуешься (оборудовали по собственному проекту: тут и сушилка, и душ, и библиотека; теперь возят с собой вагончик в командировки). Чтобы не билась стекла, сделали для копра и бытовки металлические ставни... Есть чему удивляться.

Коллективное творчество — это не только количество предложений, а и содержание того, что предлагается. Так сказать, качество мысли. Вот, например, приходили раньше машины с бетоном, простаивали в очереди. Бригада сделала вместительную бадью, производительность увеличилась в три раза. Раньше многотонные грузовики возили армокаркасы, которые весили немного, а места занимали достаточно. Получались, по сути, холостые пробеги. К тому же в пути армокаркасы гнулись. Придумали специальный станок, стали изготавливать армокаркасы прямо на площадке... Любые вопросы решают сообща. Есть свой бригадный совет. Обсуждают предложения, лучшие принимают голосованием.

Заметим, эти предложения не для себя только: пусть бы простаивали машины с бетоном, бригада ведь все равно работала. Пусть бы привозили гнутые армокаркасы — это убыток скорее заводу, который их делал. Получалось, что больше думали о других, а вернее, об общем деле.

Бригада сама занимается своей экономикой. Уже давно главным показателем стал конечный результат. Уже давно внедрено планирование на год, составляется один наряд на объект. Успешно освоен метод бригадного подряда. Но и этого оказалось мало бригаде. Бывало, приходили низкого качества проекты. Начали серьезно заниматься экспертизой технической документации (только за один год изменили конструкции оснований на пяти объектах, сократили сроки строительства на 60 дней). И на этом не успокоились. Бригада не хотела оставаться просто «рабочей единицей». Ребята чувствовали себя экспериментаторами, первопроходцами. И это накладывало особую ответственность.

Завязали тесные контакты с учеными, институтами. Внедрили у себя для определения плотности бетона ультразвуковые приборы, начали бурить под глинистым раствором...

Такой натиск, рывок из обыденного — это непременно должно было вылиться в новое качество. Не могло не повлиять на характеры, психологию, сознание молодых рабочих...

И они замахнулись на святая святых — нормы.

— Ведь как бывает, — говорит Андрей Хамула, — приходит после училища паренек, еще как следует не оперился, а уже норму перевыполняет, не обладая при этом достаточным мастерством. А все из-за устаревших норм. Это тормоз, явный вред. Наша бригада так резко ушла вперед, что к нам долго никто не мог приблизиться. Но вот появились последователи, конкуренты, и мы поняли: пришло время менять нормы. Пусть перенимают у нас опыт и работают так, как и мы. Ведь ничего особо сложного и таинственного в нашей работе нет. И мы предложили повысить нормы на 25 процентов.

— И как же к этому отнеслись другие бригады?

— Недовольные были. Но в основном те, кто никогда и не стремился как следует работать. Остальные сразу же поняли, поддержали нас. Иначе и быть не могло. Если бы думали только о зарботке, никогда не стали бы классной бригадой.

Некоторые и сегодня говорят: «Слава Хамулы преувеличена, раздута. Ничего особенного он не сделал, вот есть бригады...» Да, есть. И не хуже хамуловской. Показывают ту же производительность, и качество неплохое. Но бригада Делегата XXVI съезда КПСС, лауреата Государственной премии УССР А. Ф. Хамулы не только хорошо работает, она, если хотите, пытается выйти на уровень бригад будущего. То есть коллектива, который не просто выдает «чистую продукцию», но и сам работает над развитием техники, обогащает свою профессию самыми передовыми достижениями, касается ли это технологии производства, организации труда или методов формирования коллектива. Бригада стала как бы испытательной площадкой всего нового, настоящей творческой лабораторией — не зря ведь коллектив приобрел статус Всесоюзной школы по обмену передовым опытом в отрасли. А это не каждому по силам. Осваивать передовые методы непросто и нелегко. Многие отступают, столкнувшись с первыми же трудностями. Но зато к тем, кто взваливает на себя этот груз, и отношения особое. Что ж, по справедливости.

РАБОЧИЕ ЗАПОВЕДИ

1929 год. Пермь. Я учусь в школе-семилетке, исполняю обязанности секретаря комсомольской ячейки, живу в интернате. И в этом же году поступаю учеником фрезеровщика на машиностроительный завод.

Хорошо помню свое первое самостоятельное задание: на круглом конце детали, зажатой в тисках, сделать дисковой фрезой паз. Я не раз видел, как выполнял эту операцию мой наставник Василий Михайлович, и ничего сложного в ней не находил. Подвел деталь к вращающейся фрезе — и вдруг чувствую сильный толчок стола. Фреза вырвала деталь из тисков и в мгновение ока изуродовала ее. При этом и сама сломалась... Я не вывел заранее люфта продольной подачи стола в обратную сторону, деталь в тисках зажал слабо, подвел к фрезе неосторожно, рывком.

Переживал я свой промах ужасно. Я ничуть не преувеличиваю. Стыдно было глаза поднимать на своего наставника, на других рабочих.

Урок, что и говорить, был серьезный. С тех пор я на всю жизнь запомнил: и в жизни и в своем деле можно достичь каких-либо успехов только путем настойчивой, упорной, систематической

работы над собой. Жить нужно целеустремленно, постоянно совершенствуя свое мастерство, не довольствуясь достигнутым.

В 1935 году вместе с другими делегатами Зеленодольского судостроительного завода я принимал участие в 1-м Всесоюзном совещании стахановцев. Путь от неумалого ученика до стахановца прошел я за шесть лет. Потому что никогда не отступался от принятого в самом начале рабочей жизни принципа: если уж браться за дело, то на совесть, отдавая ему все силы. Порой не все у меня ладилось. Помнится, ночи не спал, если случалась какая-то особая заказка. Но подумавшись хорошенько сам, посоветуешься с товарищами, мастером, заглянешь в книги — и все же добиваешься своего. Обязательно. Нет задачи, которая была бы не по силам настоящему

рабочему. Нужно только уметь не отступать, идти до конца, до успеха.

Опыт, конечно, дело наживное. Но, на мой взгляд, молодым рабочим нужно не ждать, пока он накопится, а прежде всего перенимать все лучшее у старших, это убережет их от многих ошибок и разочарований. Я, например, неукоснительно соблюдал в работе следующие правила.

Прежде всего наводил на своем рабочем месте чистоту и порядок. Весь инструмент, заготовки, чертежи продуманно, согласно последовательности операций укладывал на столе станка и на тумбочке. Ничего лишнего, мешающего работе. Аккуратность не черта характера — она должна стать чертой рабочего человека. Однажды со мной чуть не произошел несчастный случай. Не застенул рукав спецовки и пустил

станок. Рукав захватило фрезой, потянуло под нее всю руку. Спасла реакция — быстро отдернул руку, в станке остался рукав. А последствия неаккуратности, несоблюдения техники безопасности могли быть куда плачевнее.

Станку — особое внимание. Нужно изучить его «характер», «капризы», а неисправности устранять немедленно, иначе он в любое время подведет в работе.

Сама работа должна быть постоянным поиском эффективных методов: в нашем деле — оптимальных режимов резания, скорости вращения фрезы и подачи к ней обрабатываемой детали. И все это, учитывая мощность станка, технологические требования, свойства обрабатываемого металла и самой фрезы.

У меня было много учеников. Все они были разными людьми. Но успех приходил прежде всего к тем, кто твердо усваивал те рабочие заповеди, о которых я рассказывал, кто был человеком беспокойным, кто любил свое дело рабочего, гордился им.

К. ФЕДОРОВ,
ветеран труда

СТИХИ И ГОДЫ, СЕРДЦЕМ ПРОЖИТЫЕ

Возвращение

Неоглядная синяя даль,
Милый облик родимого края!
В этой жизни поди угадай,
Где найдешь ты и где потеряешь.

Был ли счастлив я в отчем краю?
Все тут знал я —

и радость и горе.
А теперь вот вернулся, стою,
И комочек сжимается в горле.

Сколько ж мне пережить довелось
И веселых минут и тоскливых,
Чтоб теперь взволновали до слез
Над затоном склоненные ивы.

Чтоб теперь, подбивая дела,
Мог я сравнивать ясно и четко:
Что мне юность в дорогу дала,
Как я с ней расплатился по счету.

Встречным людям улыбки даря,
Все пойму головой поседелой —
Что нашел я и что потерял, —
Но уж тут ничего не поделаться...

Оттого и наводит печаль,
В предвечерних лучах догорая,
Неоглядная синяя даль,
Милый облик родимого края.

Придется когда-то и мне
Спросить с себя жестче и строже
За каждый из прожитых дней —
Во имя чего он прожит?

Коптил небеса иль горел?
Спешил или нехотя плелся?
И многих ли сердцем согрел?
И многим ли высушил слезы?

Питомец суровых годин,
Трудом и нуждой закаленный,
В призраках судьбы не ходил
И звезд не хватал с небосклона.

Но кто бы судил про меня,
С укором показывал пальцем?
И чести своей не ронял
И совестью не поступался.

Случалось, выигрывал бой,
Случалось, был сам уничтожен.
Всегда оставаться собой —
Не подвиг, конечно. А все же...

Хотел бы и впредь не свернуть,
Пройти до последнего вздоха
Нелегкий, но праведный путь.
И это не так уж плохо.

Ледоход

Маслянистый тихий шорох,
Тонкий звон разбитых стекол,
Гул и скрежет на заторах,
Как в сражении жестоком.

В эту реку год от года
Я гляжусь — в одну и ту же, —
Но картина ледохода
Каждый раз волнует душу.
Как по ленте транспортера,
Лед спешит

в свой путь неблизкий,
Чтоб истлеть в других просторах,
Где-то там, в песках каспийских.

А со льдом попутным вместе —
И откуда лишь возьмутся! —
Уплывают в неизвестность
Щепки, палки, всякий мусор.

Велика, мала ли речка,
Но покажет нрав свой тоже —
По весне расправит плечи,
Скинёт старые одежды.

Точно так душа живая:
Перед каждым новым взлетом
Шелуху с себя смывает,
Рвет оковы и тенета...

От имени поколения

Не завидуем силе и бодрости,
Нам теперь не угнаться за ними.
Радость есть

и в закатном возрасте,
Уж ее-то никто не отнимет.

Жизнь промчалась
по срочному графику,
Так уж век наш

стремительный
скроен.
И себя и свою биографию
Чуть не с детства

мы начали строить.

И теперь мы глядим все пристальней
В даль своих молодецких буден.
Перед самой последней пристанью
Прибедняться особо не будем.

Все дела наши временем взвешаются,
Незаметные или большие.

Если жизнь — восходящая лестница,
Мы свой камень в нее положили.
Как атланты, живые и хрупкие,
Поддержали эпоху плечами.
Не прогнулась под силой грубою —
Мы, как видите, не подкачали.
Нам краснеть за себя

не приходится.
И не к месту печальные вздохи.
Мы сегодня с законной гордостью
Можем глянуть в глаза эпохе.

Ты щедро всем наделена.
В тебе намешаны с избытком
И горечь терпкого вина
И сладость легкого напитка.

В тебе сошлись и свет и тьма,
И нет меж ними грани четкой:
Где зрелость тонкого ума?
Где вздорность ветреной девчонки?

Как говорится, всем взяла.
И не остался я внакладе:
Извечный спор добра и зла
В тебе особенно нагляден.

Перед загадкой стою,
И мне никак не сладить с нею.
За неразгаданность твою
Люблю тебя еще сильнее.

И так идут они всегда,
Любовь и тайна, неразлучно.
Когда б тебя я разгадал,
Наверно, стало б слишком скучно.

Ах, обнять бы кого-то до хруста!
Или обнял бы кто-то меня.
Мне сегодня отчаянно грустно,
А с чего — никому не понять.

Может статься, причина простая,
Только мне невдомек самому.
Мне чего-то всю жизнь не хватает,
А чего — до сих пор не пойму.

То ли сам опоздал я на праздник?
То ли праздник еще впереди?
Счастье

солнечным зайчиком дразнит
И надежды в душе бередит.

И опять я, как в самом начале,
За мечтой устремляюсь вослед.

Знаю, век наш не любит печали,
И приюта ей нет на земле.

Знаю, нам горевать не пристало,
Надо жить, о былом не тужа...
Но в огне закаляют металлы,
А в бореньях мужает душа.

Не судите меня слишком круто
(Мы к чужим неудачам строги!).
Пересилив душевную смуту,
Стану чем-то богаче других.

Пусть невзгода меня подкосила,
Я не сдался,

еще поборюсь!
И она обернется вдруг силой,
Эта душу томящая грусть.

Ах, дети, дети!
Тяжкий крест отцов
И матерей безвременная старость...
Чего хотим от вас в конце концов?
Чтоб вы хранили все,

что вам досталось.
Не зря же мы прошли через нужду,
Через сраженья,

через все на свете.
И рады мы,
когда потомки ждут
Не жалкого наследства,
а наследья.

Наш путь был труден
и неповторим.

В каких высотах
дух наш гордый реял!
И оттого мы часто говорим,
Что вот, мол,
были люди в наше время.

И наставленьям нашим несть числа.
Не слушают —

браним детей устало,
Забыв,
что наша молодость прошла
И время сыновей уже настало.

Неужто им всегда
ступать в наш след,
Советов наших слушаться —

и все там?
И шла бы жизнь по кругу на земле...
А как пробиться им
к своим высотам?

Уж лучше
пусть закусят удила
И выйдут из-под строгой
нашей власти.

Великие и громкие дела
Всегда берут начало с несогласья.

Наша обложка:
после
окончания МГУ
Марина
Вардьян
преподает
историю в московской
школе № 112.

Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА

- 1** СОРЕВНОВАНИЕ—ШКОЛА ДИСЦИПЛИНЫ,
ОРГАНИЗОВАННОСТИ, БЕРЕЖЛИВОСТИ.
- 5** Стихи Алексея МАЛЬЦЕВА.
- 7** Юрий НАГИБИН.
«СОЛНЕЧНЫЕ МЕТЕЛИ».
- 12** ГЕРОЙ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ.
Валентина БИАНКИ. «НАСТАВНИК».
- 16** Владимир СНЕГИРЕВ.
«АФГАНСКИЙ ДНЕВНИК».
- 18** ЗАКОН И ТЫ.
Юрий ФЕОФАНОВ.
«О ДОБРОМ ФОРМАЛИЗМЕ
И СОМНИТЕЛЬНОЙ ДОБРОТЕ».
- 20** СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.
Фотоочерк Олега СПАССКОГО
и Григория ТЕРЗИБАШЬЯНЦА.
«ЗВЕЗДЫ» НЕ ПАДАЮТ С НЕБА».
- 22** Стихи Алексея СОФРОНОВА.
- 23** А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».
- 24** «КАМНИ, КОТОРЫЕ ОЧАРОВЫВАЮТ».
- 25** КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 28** ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 29** Роман Пьера НЕМУРА «НЕНУЖНЫЙ МАЛЬЧИК».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответствен-
ный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора),
Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

Начало
на 5-й стр.

СТИХИ И ГОДЫ, СЕРДЦЕМ ПРОЖИТЫЕ

Жила не лучше и не хуже,
Как все в родном ее селе.
Везла свой воз на пару с мужем—
Вдвоем, конечно, веселей.

По телевизору смотрела
Чужую жизнь, где блеск и шик.
Но зависти тупые стрелы
Ее не ранили души.

И надо ж было так случиться!
Явился легкий человек,
Испил холоденькой водицы,
Потом успел разговориться
И попросился на ночлег.

Был говорлив тот легкий путник,
Немало баек рассказал.
И отблеск жизни недоступной
Вблизи ударил по глазам.
А он, хмельной от разговора,
Игриво щурился слегка,

Смуцал хозяйку жарким взором,
Как будто звал издалека.

Турист ушел своей дорогой,
Но в душу искру заронил.
Оставил смутную тревогу
И вдаль куда-то поманил.

А сердце пуце разгоралось
От этой искорки шальной.
Сама себе теперь казалась
Достойной участи иной.

Гляделась в зеркало украдкой,
От мужа прятала печаль.
И жаль ей молодости краткой,
И ничего уже не жаль...

С тех пор все ходит,
как в тумане,
И от судьбы чего-то ждет.
Зачем, зачем она поманит,
А никуда не уведет?

Платье, сшитое по моде.
Каблочки еще модней.
И собой приглядна вроде,
Рост, фигурка—все при ней.

Губки алы без помады.
Некрасива, а мила.
И отглажена что надо,
И косички заплела.
Приготовилась заране,
Словно шла на первый бал.
Но напрасны все старанья,
Танцевать никто не звал.

И она с надеждой хрупкой
Тихо жметесь в уголке.
Лишь покусывает губки
Да платочек мнет в руке.

Если б кто-то догадался
Пригласить ее на круг,
Расцвела бы в вихре вальса
Краше всех своих подруг.

А ребята, зная, ослепли,
Гордо вглядываясь в зал.
Им ее великолепье
Не бросается в глаза.
Иль у них свои расчеты,
Ищут связей непростых?
Или скромность не в почете
Возле броской красоты?

Неужели зря увянет,
Изведет себя в тоске?
Как цветочек на поляне,
Не замеченный никем...

Иду тропинкою вдоль поля,
А даль прозрачна и чиста.
С какой щемяще сладкой болью
Гляжу на здешние места!

От луга щедро пахнет летом.
Но гуще запахов травы
Разлился в воздухе прогревом
Настой картофельной ботвы.

А там вон рожь заколосилась,
И льнет к ней ветер, чуть дыша.
Опять земной исконной силой
Привычно полнится душа.

Она всегда нас поднимала,
И за такую благодать—
Отдай всю жизнь,
и будет мало.
А что же мне еще отдать?

И радость бьется
в клетке тесной,
Ей нужен весь простор полей.
Ей надо выплеснуться песней,
Да позвончей,
повеселей!

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

СОЛНЦЕЧНЫЕ

Юрий НАГИБИН

МЕДИУМ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

12

Минуло время...

Тяжело, длинными зелеными волнами плескалась большая вода. Тысячеголовый хор птичьего базара достигал скорлупки бота, упрямо стремившегося в открытое море.

Ботик замирал, маленький и беспомощный, похожий на детского коня-качалку, затем настырно просовывал нос сквозь водяную толщу и по-утиному отряхивался, так что вода брызгами рушилась на палубу. Ледяной душ окатил Нексе, пробравшегося в каюту. Там у иллюминатора застыл с весьма кислым выражением на остром желчном личике известный немецкий художник-сатирик Петер Гросс.

— Будь проклята эта лодчонка, будьте прокляты вы, подбивший меня ехать, будь проклят я сам, что послушался вашего совета, — «любезно» встретил Гросс своего спутника. — Господи, до чего же хорошо было в Варде — тухлая и грязная дыра, набитая отбросами общества.

— Все познается в сравнении. Сейчас я вспоминаю о Варде, как о рае. Боже мой, горячее какао с коньяком, вареная треска с рассыпчатым картофелем и главное — возможность в любой день вернуться к цивилизации.

— Зачем вы вообще поехали, Гросс?

— Мне предложили познакомиться с большевистским раем.

— Тогда вы зря мучаетесь. Рая не будет. Будет огромная разоренная страна, пытающаяся выжить в тисках голода, холода и бесчисленных врагов.

— Веселая перспектива! Но меня хоть неосведомленность оправдывает, а вы-то чего потащились?

— Я гость конгресса Коминтерна. Но еду прежде всего к своим детям.

— У вас в России дети?

— Целых шестьдесят пять... Вы знаете такой город — Самара?

— Такого города нет.

— Есть. На Волге. А там детский сад. И этот детский сад носит мое имя, Гросс. Имя датского писателя.

— Всяма трогательно! Но за что такая честь? Ах, да, вы же автор лозунга: «Руки прочь от Страны Советов!»

— «Дитте» вышла на русском, — пренебрегая его иронией, сказал Нексе. — Вы не читали «Дитте»?

— Признаться, нет. Жизнь так коротка, а ваш роман так длинен!

— А вот у русских хватило времени сделать революцию, отбиться от врагов и прочее «Дитте».

— Непостижимая славянская душа!.. Значит, нас ждет теплый прием?

— Надеюсь, да. — В тоне Нексе — скромная гордость. — Роскошеств не ждите, но встреча будет самая сердечная.

Меж тем показалась земля. Ботик вошел в Мурманский порт. Но взял путь не к главному причалу, а к непарадной угольной гавани и вскоре пристал.

Рыбаки-норвежцы в робах и высоких резиновых сапогах помогли сойти на берег своим плохо приспособленным к подобному путешествию пассажирам: легкие пальто, брючки и остроносые ботинки, за спиной альпинистские рюкзаки, через плечо сумки.

Нексе щедро расплатился с рыбаками. Те сочли нужным предупредить:

— В случае чего, вы нас не знаете, мы вас не знаем.

— Не бойтесь, ребята, — добродушно успокоил их Нексе, — нас встретят с распростертыми объятиями.

Но не сделали они и десяти шагов, как раздался зычный окрик: «Стой!». Нексе и Гросс не поняли, что от них требуется, и последовала новая команда: «Руки вверх!». — и в живот им уперлись дула винтовок. Бдительная портовая охрана из двух звероватого вида братишек мгновенно обнаружила подозрительных иностранцев, невеста как очутившихся в гавани. Слова были по-прежнему непонятны, но сопровождавший их жест все пояснил. Нексе и его спутник подняли руки.

— Вперед! — скомандовал братишка.

— И это вы называете теплой встречей? — пробормотал Гросс.

— К черту! — раскричал Нексе. — Я Андерсен Нексе! Писатель!.. Я не шпион... Андерсен Нексе!.. — выхватив из кармана документы, он яростно сунул их под нос караульному.

Несколько обескураженный, тот взял документы и стал вертеть их с вдумчивым видом.

— Мы пропали, — прошептал Гросс, — он читает их вверх ногами.

И тут появился молодой, сухопарый, с чахоточным румянцем и огромным маузером комиссар караульной службы, восторженный энтузиаст культуры.

— Товарищ Андерсен?.. Из Дании?.. Писатель?.. А ну, отставь! — прикрикнул он на караульных, и те с неохотой убрали оружие. — К нам в революцию прибыл великий датский писатель-сказочник, друг детей и всего маломощного человечества. — И, напрягшись неполным средним образованием, гаркнул: — Эс лебе геносе Андерсен!

И оба братишки угрюмо прохрипели: «Ура!»

— Что я вам говорил? — шепнул Нексе художнику, когда в сопровождении почетного эскорта они двинулись к порту.

— Он принял вас за автора «Свинопаса».

— Какая разница? Автор «Свинопаса» тоже датский писатель. Видите, как ценят культуру в стране рабочих и крестьян?..

13

...Гостиница «Люкс» (ныне «Центральная»), где разместились участники конгресса Коминтерна. Над входом — большой плакат-приветствие. В вестибюле мелькали черные, желтые, шоколадные лица: восточные халаты, индийские

сари, арабские джеллябии, — сюда съехались рабочие представители со всех сторон света. Озабоченный и чем-то взволнованный Нексе наткнулся на Гросса, делавшего набросок в альбоме с рослого живописного африканца.

— Вы еще здесь? А я, признаться, думал, что вы удрали. Почему вас не видно в Кремле?

— Я бываю там каждый день. Но вы красуетесь в президиуме, а я среди серой скотинки.

— Ну, как вам тут?..

— Любопытно наблюдать, как плебеи осваивают царские дворцы. Селедка и конская колбаса на старинном фарфоре. Матросня в креслах жакоб. Я кое-что набросал. Не угодно ли? — Гросс протянул Нексе альбом.

— Довольно-таки ядовито! — поморщился Нексе.

— Я сатирик и не привык лстыть окружающим.

— Портретные наброски мне больше по душе, — заметил Нексе, листая альбом. — В них острота и психологизм.

— Узнаете?.. Это Хо Ши Мин, он, кстати, еще и поэт... Это загадочный Куусинен, а это Луначарский, неутомимый культуртрегер.

— А знаете, Гросс, ваш карандаш иногда добрее вашего языка.

— Значит, мне пора сматываться. Моя сила — в разоблачении. Вернусь к моим ненаглядным капиталистам с их пудровыми челюстями и плотоядными глазами. А вообще, Нексе, я понял: революция хороша лишь издали.

— Что вас не устраивает?

— Все. Это же просто перемена ролей, как в «Восстании ангелов» Анатоля Франса. Верхние — вниз, нижние — вверх.

— Конечно! Пролетариат поднялся, власть имущие опустились на дно. Чего же вы еще ждали от революции?

— Чего-то другого. Цветов и музыки, карнавала. А здесь все время заседают. Меня считают сухим и желчным, а в глубине души я неизлечимый романтик. Хватит обо мне. Как ваши дела? Наглолись советской славой?

— Наглотался. Я еду к своим ребятам. На Волгу.

— Оставьте это, Нексе. Нельзя в пятьдесят быть таким восторженным простаком. Вы что, не знаете, какие здесь железные дороги? Мало вам путешествия из Мурманска в Петроград? Хотите окончательно отморозить ноги?

— В Самару поезда ходят по расписанию. Четыре дня, и я там.

— Четыре дня!.. Вас ограбят, разденут и скинут с поезда. Примут за шпиона и посадят в тюрьму, если не прикончат на месте. Не шутите с победившим пролетариатом, Нексе.

— У меня мандат, подписанный самим Уншлихтом! — Нексе с наивной гордостью извлек из кармана какую-то бумажку. — Видите? Тут сказано: всем организациям оказывать товарищу Нексе всемерную помощь.

— Кто такой Уншлихт?

— Заместитель председателя ГПУ!

— Ого! Похоже, что вы сами не прочь сотрудничать с этим ведомством.

— Это ведомство — шит революции.

— Вы неоптимальный человек для диктатуры. Все — на веру, полный отказ от собственного мнения, предельно развитое стадное чувство. Поезжайте в Самару, Нексе. Может быть, там разобьют ваши розовые очки...

14

...Медленно тащился сцепленный из разномастных вагонов пассажирский поезд. Тут и пульманы, и общие спальные вагоны, и дачные со скамейками для сиденья, две-три теплушки с трубой на крыше. Паровоз, питаемый дровами, задыхливо одолевал некрутые подъемы Средне-Русской равнины. Густой белый паровозный дым столбом уходил в бледно-голубое небо. Стояли трескучие морозы. Птицы умирали на лету и камнем стучались о землю.

Нексе смотрел в зазеленелое окошко купированного, но не отапливаемого, как и весь поезд, вагона, на белые сверкающие поля, темные перелески, на прекрасную и грозную зимнюю Россию. Он поднял воротник пальто, поглубже надвинул странную детскую шапку, руки спрятал в рукава. А кругом — бабы в толстых перепоясанных шубах, мужики в тулупах и валенках. Их добротный вид подчеркивал иноземную незащищенность Нексе.

Внезапно поезд, залязгав тормозами, стал.

— Ну вот!.. — вздохнул пассажир в шубе на волке. — Опять, что ль, дрова кончились?

Нексе вслед за другими вышел из вагона. Оказывается, поезд встал на разъезде. Кругом — снежное поле, мела поземка, воздух звенел от мороза. Нексе приплясывал в своих остроносых ботинках, пытаясь согреться. Возле него оказалась небольшая, ладная молодая женщина в шубке и пуховом платке. У нее были румяные от мороза щеки и серые доверчивые глаза, жалюоче сосредоточившиеся на отважно замерзающем пассажире. Тот заметил ее взгляд и храбро улыбнулся.

— Кто же вы такой есть? — удивленно-жалостливо спросила женщина. — Смотрю и понять не могу, как вы в таком виде ехать решились.

Нексе развел руками.

— Ох, горе мое! — всплеснула руками женщина и решительно: — Пошли к нам в теплушку. Вещи-то ваши где? (Женщина мешала немецкие слова с русскими, но выручали жесты и выразительная интонация.)

Нексе отлично ее понял. Он кинулся к своему вагону и вскоре вернулся с рюкзаком, наплечной сумкой и довольно большим мешком.

— Что тут у вас? — сразу насторожилась женщина.

— Варежки, шапочки. Шестьдесят пять пар,— гордо пояснил Нексе.
 — Это для чего же так много? — нахмурилась она.
 — Для детского дома... Я... как это?.. Шеф... шеф детского дома.— И поняв, что женщина заподозрила нехорошее, а это естественно в нынешнее трудное время, Нексе достал из кармана свой спасительный мандат.
 — Вон что!..— уважительно сказала женщина.— А я вас не читала и даже не слышала. Теперь обязательно прочту. Ну, пошли...
 Она привела его к теплушке и помогла забраться внутрь. Вокруг нещадно дымящей печурки расположились разные люди, преимущественно демобилизованные по ранению красноармейцы.
 Появление Нексе не вызвало восторга.
 — Ты кого сюда привела?.. Мешочника, что ли?..
 — Нет. Товарищ из Дании. В Самару едет, в подшефный детский дом. Ребятам теплые вещи везет, а сам чуть не замерз до смерти.
 — Неужто он для того в Россию притащился?
 — Он писатель. У себя знаменитый. И детский дом его именем назван.
 — Ну, мы в писателях не разбираемся. А мужик, видать, правильный. Пушай живет тут у нас...— разрешил за всех бородастый воин-костыльник.
 И Нексе остался жить в теплушке. Женщина велела ему разуться и надеть носки толстой домашней вязки. Он тщательно отказывался.
 — Всем велено вам помощь оказывать,— смеясь, говорила женщина.— Вот мы и выполняем указание товарища Уншлихта.
 Поднесли ему и водочки для сугреву — ужасающий сырец, от которого он долго не мог отдышаться. И дорожных шей дали похлебать. А тут как раз и поезд тронулся...
 — Вы куда путь держите? — спросил Нексе женщину под убаюкивающим перестук колес.
 — В деревню, за Самару. Фельдшером работать.
 — А где ваш дом?
 — Там и будет, другого нет.
 — А ваша семья, родители, муж?..
 — Родители в гражданскую от тифа умерли. Муж?.. — Она улыбнулась.— Был у меня Коля-пулеметчик из нашего полка. Под Сивашем срубили.— Она говорила обо всем этом просто, как о давно выболевшем в сердце.— А вот скажите, товарищ Нексе, почему вы у себя в Дании революцию не сделали?
 Нексе помолчал, думая.
 — Потому что у нас нет Ленина.
 — Понятно,— наклонила русую голову женщина...
 Нексе, не совладав с неожиданным желанием, обнял ее.
 — Что это вы, товарищ, такой помощи мы вам не обещали,— женщина попыталась высвободиться.— Такой седой и такой сильный...
 ...На перроне Самарского вокзала Нексе долго махал вслед уходящему поезду и далеко высунувшейся из теплушки простоволосой русской голове...

15

Детский дом имени Мартина Андерсена Нексе. В физкультурном зале, служащем и для проведения всевозможных торжеств, перед строем бедно одетых детей худенькая девочка с мученическим видом приветствовала Нексе на немецком языке:
 — Либер геноссе Нексе!..
 С удрученным видом девочка сообщила, что воспитанники детского дома, носящего имя великого пролетарского писателя Андерсена Нексе, обещают в честь его приезда учиться еще лучше, укреплять дисциплину и отдавать оставшиеся от учебы силы общественной работе.
 Когда девочка отмучилась, ребята по знаку директора дома вяло захлопали в ладоши.
 — Спасибо, дети,— смущенный этой натянутой обстановкой, сказал Нексе. Его прямо с губ переводила учительница немецкого.— Вы даже не представляете, как меня тронуло, что вашему дому присвоили мое имя. Я ужасно рад, что вижу вас. Вы не такие худые, как я боялся.
 — Это от сидячей жизни,— охотно пояснил крупный мальчик с одутловатым лицом.— Мы для физкультуры одеты, а гулять не можем.
 Тут только заметил Нексе, что на всех детях — дешевые тряпичные тапочки. И это окончательно выбило его из колеи. Он покосился на свой мешок — при отсутствии обуви дары Санта-Клауса выглядели довольно неуместно.
 Спاس положение запоздавший воспитанник. Он прошмыгнул в зал — огненно-рыжий, веснушчатый крепыш с блестящими и зелеными, как у ежа, глазами, полными любопытства и готовности к чуду. Он увидел коренастого, красивого человека с седыми легкими волосами и молодым, сейчас притуманившимся взглядом и влюбился в него всем своим огромным сердцем.
 — Папа! — вскричал он упоенно, кинулся к Нексе и повис у него на руке. Его крик словно расколдовал сонное царство.
 — Папа!.. Папа!.. Папа приехал!.. — закричали обездоленные дети и окружили Нексе.
 Он был сильным человеком, но тут не выдержал и заплакал...

16

...В тот вечер долго не давали отбоя ко сну в детском доме. Нексе с ребятами сидел в физкультурном зале перед чугуной, докрасна раскаленной печкой. Он рассматривал рисунки местного художника Бори Иванова. Была тут и учительница немецкого языка, помогавшая общению детей с писателем.
 — Ну, а этот кто? — спрашивает Нексе о красивом всаднике с шашкой на боку, вздыбившем вороного коня.
 Боря Иванов молчал, потупившись.
 — Это он тебя так нарисовал,— выдала секрет девочка, говорившая приветственное слово.
 Иванов с ненавистью посмотрел на нее.
 — Ого, какой красавец! — улыбнулся Нексе.— А я старый, седой и без шашки.
 — Я теперь иначе нарисую,— пробурчал Иванов.
 — Подари мне этот рисунок,— попросил Нексе.
 — Нет! Это глупость! Я новый подарю.
 — На коня я никогда не скакал,— сказал задумчиво Нексе.— А вот на быках и волках верхом ездил. Я в детстве пастухом был, пас большое хозяйское стадо. И очень дружил с одним быком и одним волком. И ездил у них на голове между рогами.
 Дети слушали вежливо, но как-то равнодушно.
 — У меня было тяжелое детство. Я батрачил на хуторяи, плохо питался и

оттого, наверное, плохо рос. Вставал затемно и бежал босиком через заснеженный двор...
 Его удивило выражение отчужденности и скуки на лицах детей. Ему-то казалось, что он нашел путь к их сердцу.
 — Папа,— проникновенно сказал рыжий мальчик.— Мы про бедность и голод сами все знаем. Расскажи нам про красивое.
 — Я видел мало красивого в жизни,— тихо сказал Нексе.
 — Ну придумай, ты же писатель.
 — Я не такой писатель. Я умею только про то, что сам видел...— Он улыбнулся.— В Дании был другой писатель, тоже Андерсен. Но без Нексе...
 — Ох, я его читала! Про русалочку! — воскликнула девочка-трибун.
 — Вот-вот! Уж он-то умел выдумывать. Он придумывал самые красивые сказки на свете. Знаете про Снежную королеву?..

17

Директор детского дома, дежурный воспитатель и кто-то из учителей томились возле закрытых дверей физкультурного зала.
 — Ребятам спать пора,— нудил дежурный воспитатель.
 — Ребята — ладно. Разок недоспят,— отозвался директор.— Нексе замучили. Он, поди, устал с дороги. Ведь не мальчик!..
 — Вы должны вмешаться,— решительно заявил молодой учитель.— Гость не обидится, поймет.
 Директор дома осторожно приоткрыл дверь и заглянул в физкультурный зал. Но никакого зала нет. Есть лунное завьюженное таинственное пространство и несущиеся сквозь него олени упряжки. В передней упряжке — прекрасная женщина в белой одежде, с короной на голове. Директор тихо притворил дверь.
 — Никого нет,— произнес со странной улыбкой.— Они все в сказке...

18

В скромном кабинете, отапливаемом буржуйкой, раскрасневшийся Нексе наседавал на директора. Разговор шел, разумеется, по-немецки.
 — И все-таки, товарищ директор, я настаиваю на своей просьбе: купить детям валенки.
 — Где их взять? — беспомощно разводил руками директор.— Только у частных. Катает валенки одна тут артель, но цены у них страшные.
 — Я не из пугливых,— вскинулся Нексе.— Мне выплатили гонорар за книгу, деньги со мной. Можем мы считать, что с этим вопросом покончено?
 Директор сделал жест, означающий — воля ваша.
 — Теперь насчет рыбьего жира. Детям необходимо давать рыбий жир.
 — Да где же его взять? — вернулся к прежней безнадежности директор.
 — Артели по рыбьему жиру нет? — со смехом спросил Нексе.
 — Наверное, есть, но только не в Самаре.
 — Рыбий жир я пришлю из Дании. Довольно плохой очистки, но другого сейчас не достать.
 — Не до жиру, быть бы живу,— натужно пошутил директор.
 — Я налажу ежемесячные посылки — продуктовую и вещевую. Только очень прошу сообщать о ваших нуждах. Все мои гонорары за советские издания будут перечисляться на текущий счет детского дома.
 — Неплохого папу приобрели наши ребята! — тепло сказал директор.
 В кабинет заглянул воспитатель.
 — Товарищ директор, публика волнуется. Артисты тоже.
 — Да, да... Товарищ Нексе, нас приглашают на концерт, который ребята дают в вашу честь.
 Воспитатель протянул Нексе художественно оформленную программу концерта. Эта уникальная программа сохранилась до настоящего времени:
 1. Интернационал.
 2. Победим голод — водевиль.
 3. Стенька Разин — инсценировка.
 4. Барин — хоровое пение.
 5. Балет.
 6. Спортивные выступления.
 На фоне программы звучит «Интернационал».
 А затем был странный водевиль «Победим голод», где рыжий мальчик и художник Иванов героически одолевали страшное чудовище голода.
 И был «Стенька Разин»: с выбрасыванием в Волгу худосочной малолетки — княжны.
 А во время хорового пения директор покинул зрительный зал и по старому деревянному телефону созвонился с артелью, изготовляющей валенки.
 — Есть у вас валенки? Много. Шестьдесят пять пар... Что? Да, разбогатели — берем за наличные. Не мешало бы малость скинуть оптовикам... Ладно. Нет, обязательно сегодня... И крайне срочно...
 Он вернулся в зрительный зал, когда тощие, полуголодные, с синей пупырчатой кожей «балерины» исполняли «Танец маленьких лебедей».
 По окончании спортивных выступлений участники концерта переодевались в костюмерной.

— Папа завтра уезжает,— грустно вспомнил рыжий.
 — А мы даже проводить не сможем,— вздохнул художник Иванов.
 — Это кто не сможет? — вскинулся рыжий.— Я все равно пойду.
 — Не пустят. Двери запрут.
 — А окна на что?
 — И я пойду! — воскликнул Иванов.
 — И я!.. И я!.. И я!.. — подхватили другие ребята.
 Показалась голова воспитателя.
 — Товарищи артисты! Прошу в каптерку. Валенки привезли.
 ...В каптерке шла раздача валенок. Ребята вне себя от счастья. Ведь это не просто теплые обутики, это улица, воля, снег, катание с крутых волжских берегов на лыжах и санках, это новая прекрасная жизнь. И рыжий паренек с нежностью прижимал к себе ужасные, волосатые, немислимого цвета валенки и не мог ими налюбоваться.
 — Хорошие валеночки! — почти пел он и — деревенское дитя — добросовестно добавлял: — Но плохие!..

19

На перроне Самарского вокзала фотограф, сделав плавное движение рукой, державшей черный колпачок объектива, запечатлел Нексе в окружении шести-

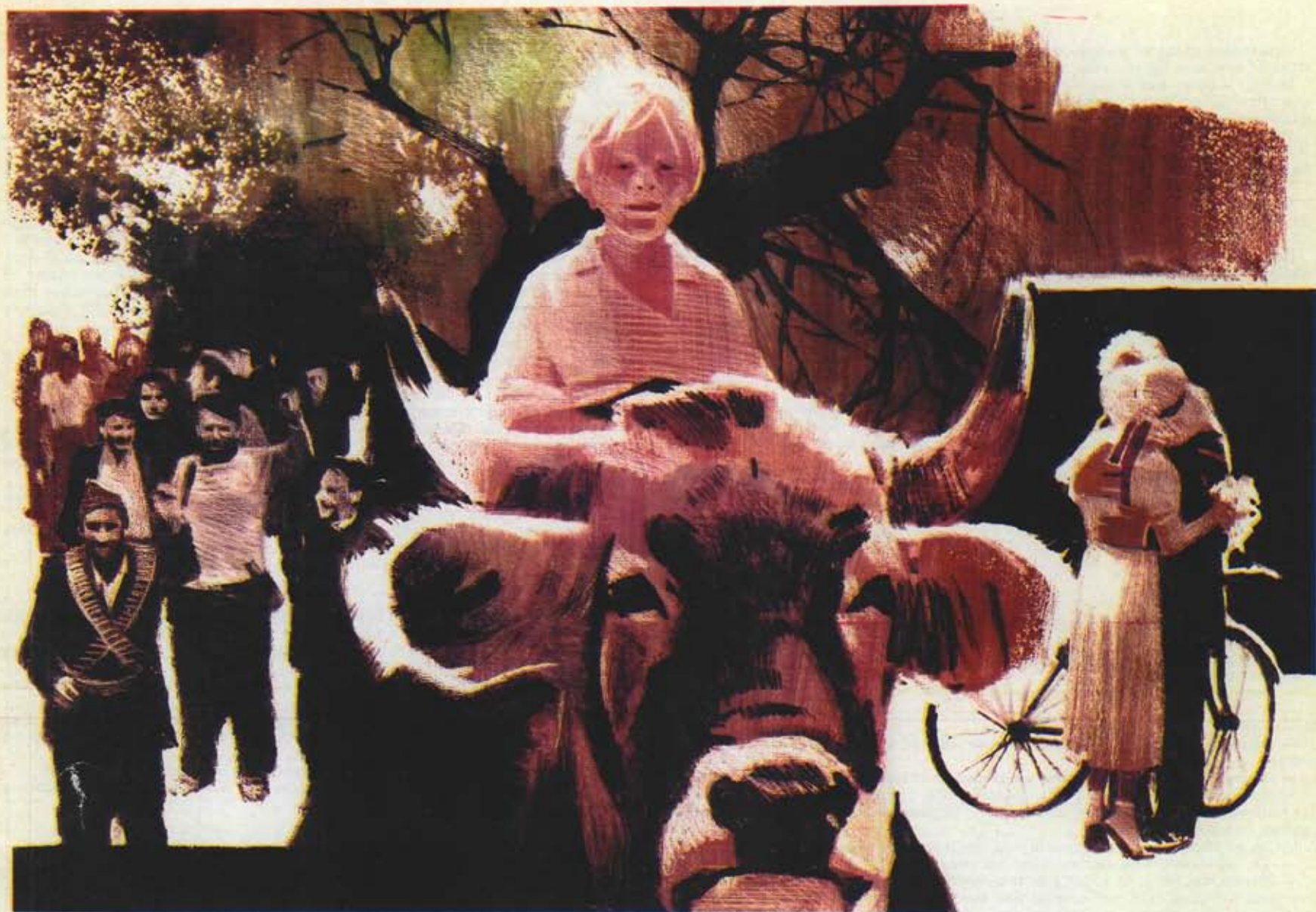

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

десяти пяти детдомовских детей. В вязаных шапочках и таких же рукавичках, в крепко подшитых валенках ребята выглядели почти нарядно, несмотря на плохонькие пальтишки.

— До свидания, ребята! — сказал Нексе. — Я очень вас полюбил.

— До свидания, папа! — прозвучало в ответ.

— Я пришлю вам фотографии моих детей, которые стали вашими братьями и сестрами. До свидания!

— Товарищ Нексе, разрешите? — И директор детдома торжественно вручил Нексе удостоверение почетного члена Самарского городского Совета.

— Спасибо! — растроганно сказал Нексе. — Я считаю Россию своей родиной. У пролетариата нет другой Родины, кроме революции. Поэтому вы избрали не иностранца в городской Совет, а сына русской революции. Это наша общая Родина...

Поезд тронулся. Нексе стоял в тамбуре без шапки и махал рукой.

Внезапно рыжий сорвался с места и кинулся следом за поездом. Влюбленный взгляд зеленых ежиных глаз прикован к Нексе. Обрыв платформы оборвал его бег. И эту маленькую фигурку навсегда унес в своем сердце старый писатель...

20

На стенном календаре дата: 26 июня 1923 года. Маргрете в кухне пересчитывала восковые свечки, которым предстоит загореться на праздничном пироге.

— ...пятьдесят три, пятьдесят четыре!..

— А почему столько свечек, мама? — спросила ее младшая дочь.

— Потому что папе исполнилось пятьдесят четыре года.

— А это много?

— Для кого как. Для папы совсем немного.

Послышался звонок. Маргрете пошла открывать и возле калитки столкнулась с непривычно элегантным мужем.

— Опять поздравление, — сказала она.

Вместе с письмом почтальон вручил им большой, тяжелый ящик.

— И подарок! — восхищена Маргрете.

— Да еще какой! — подхватил Нексе, взглянув в письмо. — Ну и молодчина Иоганнес Бехер! Прислал моим ребятам двенадцать кило шоколада.

— Зачем так много? — ужаснулась Маргрете.

— Ты не поняла, — Нексе внимательно посмотрел на жену. — Это тем ребятам.

— А, прости, милый, я все никак не привыкну, что у нас теперь семьдесят детей.

— А пора бы, — вскользь заметил Нексе. — Ну, мы идем прогуляться. Сторм!.. — позвал он сына.

— Не опаздывайте к завтраку. — Маргрете нежно поцеловала мужа.

Нексе и Сторм вышли на улицу. Чудесный летний день, зелень полей, легкие вздувшиеся облака в небе, красные датские коровы пощипывали свежую траву.

Перейдя железнодорожное полотно, отец и сын двинулись дальше мимо

маленьких уютных домиков и киосков с мороженым. Конечно, Сторм получил стаканчик ванильного.

Они вышли на улицу Страндвейн. Движение по раннему часу небольшое, ничто не мешает насладиться прекрасным солнечным утром.

Они поравнялись с книжной лавкой, и Нексе не отказал себе в удовольствии заглянуть туда.

— Ого! — сказал он знакомому продавцу, глянув на полки. — А вот и моя «Дитте». Знаете, милый Херлев, только у вас не распродан четвертый том.

— Никто не берет, — тихо ответил продавец.

— А почему же в других магазинах я не вижу этого тома?

— Его просто убрали с полок.

— Неужели читатели пали духом перед четвертым томом? — чуть напряженно улыбнулся Нексе. — А ведь их ждет еще пятый!.. Но без шуток, Херлев, что случилось с покупателями? Ведь первые три тома были расхвачены мгновенно.

— Это было до вашей поездки в Россию. Вернее, до появления ваших русофильских статей. Читатели отвернулись от вас, Нексе.

— Я не верю. Каждому позволено иметь свое мнение. Я был в России и пишу о том, что видел собственными глазами. Признайтесь, Херлев, что это ваши выдумки. Просто вы не умеете торговать.

— А это вы видели? — Херлев вытащил из-под прилавка какой-то листок.

— Что это?

— Призыв ко всем книготорговцам бойкотировать книги Нексе. Я один не побоялся оставить вас на полках.

— Спасибо, Херлев. — Нексе пожал руку книготорговца и бодро добавил: — А «Дитте» им все-таки придется прочесть!

— Завидная уверенность в себе! — вздохнул книготорговец.

— Мне ничего другого не остается, — засмеялся Нексе и вышел из магазина.

Здесь он сказал перепачканному мороженым Сторму: — Твой папа получил еще один подарок ко дню рождения.

— Угу, — отозвался занятый вафлей Сторм. — А что бы ты больше всего хотел получить?

— Пару домашних туфель и подвязки к носкам.

— Фу, как скучно!

— Ну, а ты, если б ты был на моем месте?

— Бочку мороженого, — не задумываясь, ответил Сторм. — А гости у нас будут?

— Бабушка, во всяком случае, придет.

— А наш другой папа? — беспечно спросил Сторм.

На мгновение Нексе словно окаменел. В его глазах окружающий мир перевернулся на сто восемьдесят градусов, затем обрел обычное положение.

— Ваш другой папа? — повторил он медленно.

— Да, он приходит, когда тебя нет, — благожелательно пояснил Сторм.

— Вот и последний подарок, — пробормотал про себя Нексе, а вслух сказал: — Тебе очень хочется его видеть?

— Нет! Мы его и так часто видим, а тебя редко...

Невеселым было возвращение домой. Нексе устало, механически передвигал ноги. В нем как будто погас свет. Сторм нетерпеливо тянул отца.

Вокруг «Зари» сад в полном цвету. Четверка заспавшихся ребят выбежала навстречу отцу. Он рассеянно потрепал их по нагретым солнцем головам. Тяжело поднялся на крыльцо.

Маргрете с красивой прической, но в фартуке выглянула из кухни.

— Вот и вы! Сейчас будем пить шоколад. Не бойся, Мартин, это не из посылки Бехера.

— А я и не боюсь,— тускло отозвался Нексе.

Чувствительная к каждой интонации мужа, Маргрете внимательно посмотрела на него.

— Что с тобой? Ты устал? Плохо себя чувствуешь?

Нексе пожал плечами. Трудно было ломать праздничное настроение в доме, лишать себя последней надежды, к тому же рядом крутились дети.

— Сейчас я тебя порадую. Держи!—И Маргрете выхватила из кармана фартука письмо в нескладном, самодельном конверте.

— От моих ребят!— оживился Нексе и с неловкой усмешкой:— Хоть кому-то я дорог.

— Вот те раз! А нам ты не дорог? А своим читателям?

— Читатели бойкотируют «Дитте». А книготорговцам велено не продавать книги большевистского прихвостня.

— Так ты из-за этого такой мрачный?—вроде бы с облегчением сказала Маргрете.— Плонь! В первый раз, что ли?.. Они считают тебя большевиком? А ты и есть большевик. И назло всем врагам мы подыдем на флагштоке красный флаг.

Она достала из тумбочки сверток, развернула его и пустила волной кумачовое полотно.

— Господи, откуда это?— взволнованно спросил Нексе.

— Мой подарок тебе.

— Спасибо!— Нексе растроган.

22

Невыспавшийся, встрепанный Нексе сидел в пижаме на застеленном диване в кабинете. На письменном столе в беспорядке набросаны исписанные и чистые листы бумаги, газеты. Не постучавшись, вошла Маргрете.

— Ты только встал?

— Вернее, я только лег. И не могу заснуть.

— А как работа?

— Плохо.

— Опять наша жизнь пошла кувырком. Но тогда ты хоть писал «Дитте», а сейчас из-за газетной статьи.

— Я старею, и мне все труднее пишется. Да и тоскливо кричать в пустоту.

— Почему ты не хочешь спать нормально в своей постели?

— Почему?— У него стало злое лицо.— Потому что в ней нормально спал другой человек.

Он ждал ответной вспышки. Но она лишь устало опечалилась.

— Ты не можешь выкинуть этого из головы?

— Из головы могу, из сердца не получается.— Теперь у него лицо не злое, а несчастное.— Дом стал мне ненавистен, здесь все захватано чужими руками. И Дания мне ненавистна. У меня ничего не вышло тут. Ни с литературой, ни с личной жизнью.— И будто осененный внезапной идеей:— Грета, давай продадим дом!

— Продать дом? Ты на это решишься? Сколько вложено в него денег, труда, душевных сил. А твой сад, Мартин?

— Я разобью другой сад.

— Где же мы будем жить?

— Только не в Дании. Начнем сначала, но по-настоящему.

— В России?— спросила она неуверенно.

— Я же не знаю языка. А для писателя это смерть. Поедем в Германию. Ну, хотя бы на Баденское озеро. Там красиво и чудесный климат. Мои легкие окрепнут. И самое главное— книги Андерсена Нексе там широко продаются.

— Как все неожиданно!..

— Поедем, Грета. У меня много знакомых в издательских кругах. Я буду хорошо зарабатывать. А ведь это необходимо, когда на руках семьдесят душ. Да и отношение много значит. Меня не будут травить, не будет косых, злорадных усмешек и гнусного шепотка. Там республика, Германия сейчас ведущая страна в европейской культурной жизни.

— Наверно, ты прав... Но это как снег на голову.

— Но и то... другое... тоже, как снег на голову. Уедем, Грета, мы сохраним семью, друг друга и будем опять счастливы.

Она долго, молча смотрела на него. Потом медленным движением опустила ему руку на плечо.

— Давай попробуем, Мартин. Еще раз начнем сначала...

...Медленно опускается с флагштока на крыше «Зари» красный стяг.

— Полная капитуляция?— с бледной улыбкой спросила мужа Маргрете.

— Нет, временное отступление.— В глазах Нексе печаль и надежда.

23

Зимний вечер. Женщина глядела в окошко на облетевшие деревья, на темную пустынную деревенскую улицу, на холодно поблескивающее под луной озеро. Это Маргрете. Лицо ее замкнуто и печально. Прислушалась. Прошла в детскую. Инге разметалась во сне, что-то бормочет, порой вскрикивает. Маргрете приложила ладонь ко лбу дочери и прогнала страшный сон—и девочка притихла.

Хлопнула входная дверь. Маргрете вышла из детской, зажгла свет в гостиной, и в этот свет шагнул из прихожей Нексе с красным, нахлестанным ветром лицом. Его бодрый, здоровый вид резко контрастировал с сумрачным обликом Маргрете.

— Уже вернулся?— произнесла она тусклым голосом.

— Нельзя сказать, что меня приветливо встречают!

— Я не ждала тебя так рано. Будешь ужинать?

— Меня накормили после лекции. Отличные свиные сосиски и кружка баварского пива.

— Ты где ляжешь?

— Почему ты всякий раз спрашиваешь меня об этом?— сердито спросил Нексе.

— Разве?.. Не замечала.

— Ты стала какая-то странная, Грета, то рассеянная, то резкая, порой просто грубая. Откуда это у тебя?

Она чуть помолчала, затем сказала, глядя прямо в глаза мужа:

— Мне не нравится немецкий вариант. Ты выгадал себе полную свободу, а меня лишил всего. Думаешь, мне очень весело в этой дыре?

— Тебе не хватает общества художников?

— Если хочешь— да!

— Не надо, Грета. Мы же условились...

— Мало ли о чем мы условились, но ты не выполняешь условий. Что у меня есть: дети и кухня, дети и кухня, и так до одурения. Время забито, а душа?..

— Мне кажется, ты делишь и другие мои заботы,— осторожно сказал Нексе.

— Ты имеешь в виду, что спихнул на меня своих самарских питомцев?.. Я радовалась и этому, хоть какой-то выход из четырех стен. Но кончился твой голубой самарский период. Вот письмо. Советское правительство сердечно благодарит, но больше в варятах не нуждается.

Нексе взял письмо, пробежал его глазами.

— Я рад, что ж,— произнес он слегка наигранным тоном,— значит, у Советов дела идут на лад. А я могу теперь засесть за большую работу.

— Господи, опять начнется старый кошмар!

Нексе испытующе посмотрел на нее.

— Наверное, нам полезно на время разъехаться. Я смогу работать, как привык, а ты не будешь раздражаться. В Констанце легко найти пустующий домик. А по воскресеньям я буду приезжать. Хочешь, вызови маму себе на подмогу.

— Чтобы она следила за мной? Этого еще не хватало! Нет, Мартин, если я уж что решу, меня никто не остановит.

— О чем ты, Грета? Я хочу спасти нашу жизнь. Мы плохо живем. Мы оба стараемся, но ничего не выходит. Видимо, не так легко простить...

— Я тебе все простила,— искренне сказала Маргрете.

— Есть все-таки разница...

— В чем она?

— Русские говорят: плевок из дома, плевок в дом. Моряков, возвращающихся из далекого моряния, нередко поджидает в семье лишний малыш.

— Я знаю моряка, который привез из плавания семьдесят малышей, и жена их всех приняла.

— Мне не до шуток, Грета. Если хочешь, разница в том, что я не растрчивал на других душу.

— Тогда это еще хуже...— тихо сказала Маргрете.— Вся беда в том, что и на меня ты не хочешь потратить ни вот столечко души. Ты сам по себе, я сама по себе.

— Давай сделаем еще попытку. Проверим нашу нужность друг другу.

— Ох, Мартин, ты всегда умеешь настоять на своем,— устало сказала Маргрете.— Только к добру ли это?

24

...Ранняя весна. Нексе сошел с поезда и быстро двинулся по дороге к своему дому мимо цветущих кустов и деревьев в молодой листве. В руках у него букетик полевых фиалок.

Подошел к дому. Ставни наглухо закрыты, и это придает дому какой-то нежилой вид. Распахнув калитку, он быстро пересек маленький садик, открыл ключом английский замок и вошел в дом. От запертых ставен тут темно, как ночью. Нексе нашарил выключатель и зажег свет.

— Грета!.. Грета!..— позвал он.

Никто не отозвался.

— Вставайте, сон! Отец приехал.— Он прошел в гостиную, столовую— мертвая тишина. И первые следы разора ударили его по глазам. Вся мебель на месте, но нет скатерти на обеденном столе и штор на окнах, со стен сняты фотографии в рамках, исчезли все те мелочи, что делают дом живым. Охваченный страшным предчувствием, он распахнул дверь в спальню и увидел голый остов кровати. Он попытался в гостиную и наконец-то заметил письмо посреди стола. Медленно подошел, словно боясь обжечься, взял письмо и без сил опустил в кресло. Букетик выпал из его руки.

— Все!..— прошептал он.— Все!..

...Нексе и сам не знал, сколько времени так просидел. Он очнулся от присутствия чего-то постороннего в комнате, чего-то непомерно огромного, вытеснившего стоялый воздух и наполнившего жилье запахами зверя и луга. Прямо перед ним высился громадный бык с устрашающей и добродушной мордой и кольцом в носу. А меж могучих рогов пристроился подросток лет двенадцати в рваных штанах и грубой рубашке с закатанными рукавами. Его большой рот и пристально-пытливый взгляд делали его, несмотря на разницу в возрасте, разительно похожим на пониженного в кресле старика. Но тот, погруженный в свою боль, не сразу это заметил.

— Допрыгался?— развязно спросил мальчишка.— Сам виноват. Какую женщину потерял!

Нексе смотрел на него с бессильным возмущением.

— Что ты в этом понимаешь, щенок? И нечего разбегать на быках в моем доме.

— Кто при скотине живет, все про любовь понимает,— нахально бросил мальчишка.— Она в сто раз лучше тебя, честнее, добрее, искреннее. Да ведь ты свое дрянное мужское самолюбие тешил. Ну и получай!

Глаза Нексе увлажнились.

— Что нюни-то распустил? Как был плаксою, так и остался.

— Помалкивай!— разозлился вдруг Нексе.— Как ты ревел, когда девушки-работницы стащили с тебя штаны?

— Нашел что вспомнить! С тебя сейчас тоже штаны стащили. Ну и видик!.. Ты же голый, перед самим собой голый, а это похуже, чем перед дурами-девчонками, «Борнхольмский гранит»! Так тебя прозвали? Да какой ты к черту гранит— мешок с мокрой глиной.

— Издеваться легко. А как жить дальше? Я не могу без нее. Я только сейчас это понял... Просить прощения, кинуться в ноги?..

— Дур-рак!— со смаком сказал мальчишка.— Когда женщина сама уходит— это конец. Назад не жди. Мужик может вернуться, женщина никогда.

— Откуда ты можешь это знать, такой сопляк?

— У меня же твои мозги, только малость посвежее.
 — Ну и наглая морда!
 — Ладно. Хотя ты и гроша не стоишь, мне хочется тебе помочь.
 — Хвастун!
 — Перво-наперво брось реветь. Второе, пойми, что это навсегда. Греты больше не будет в твоей жизни. Ни-когда. Но ты еще крепкий мужик и можешь что-то написать, иначе с тобой и возиться не стоило бы. Помнишь, что ты сделал однажды, давно-давно, когда жизнь тебя тоже крепко стукнула?
 — Не-ет!
 — Ты взял свой старый велосипед и поехал куда глаза глядят.
 — Ну и что? Кажется, я что-то себе повредил...
 — Не важно. Зато спас душу. Бери велосипед и шпарь вслепую, не разбирая куда. Кривая вывезет. Поверь умному человеку. Э-гой! — вдруг закричал мальчишка и ударил быка ногой по губе, ладонью по рогам, и бык повернулся, медленно и плавно, как корабль, и понес его прочь...

25

Нексе остался один. Некоторое время он продолжал сидеть в кресле, прикрыв глаза рукой. Затем резко поднялся и вышел из дома.

В углу сарая стоял старый велосипед. Нексе потрогал шины — надуты. Он выкатил велосипед из сарая, не без труда взгромоздился на него и покатил по дороге.

Мелькали дачи, деревья, кусты. Он крутил педали все быстрее, ветер свистел в ушах, еловые шишки упруго вылетали из-под колес, вспархивали с земли испуганные птицы. Движение подчинило его себе, окружающий мир смазлся, утратил географическую реальность: что это — датский ландшафт или африканская саванна?.. И вдруг, повинувшись внутреннему толчку, он убрал руки с руля, закрыл глаза и помчался вслепую. Сперва по дороге, потом, перемахнув через кювет, по траве под откос и со всего разгона ударился о каменную ограду. Он перелетел через руль, грохнулся на землю, но, прежде чем лишиться сознания, успел бормотнуть: «Насоветовал, змееньш!»...

Он не знал, сколько времени оставался без сознания. Он не был уверен, что сознание действительно вернулось к нему: в яви или в бреду видит он это тонкое девичье лицо, будто источающее слабый золотистый свет. Лицо повисло над ним, закрывая весь окружающий мир.

— Ты кто такая? — спросил он не очень любезно.
 — Иоганна, — доверчиво ответила девушка.
 Она как-то странно смотрела на него, он боялся верить этому взгляду, потому что тут была не только жалость к свалившемуся с велосипеда пожилому господину. Девушка задумчиво поднесла ногу к рту.
 — Не кусай ногти! — сказал он грубо: призраки не терпят бытовых интонаций и сразу исчезают.

Но это видение не исчезло, явив тем самым свою материальную природу. Девушка смущенно убрала руку и чуть отодвинулась. Теперь он видел ее всю: довольно крупную, голенастую, грациозно неуклюжую.

— Почему ты не спросишь, кто я?
 — А можно?
 — Я — Нексе! — сказал он значительно, готовый к почтительному изумлению. Девушка засмеялась.
 — Что тут смешного? — озадачился он.
 — «Нексе» похоже на «Хексе», но ведь мужчины ведьмами не бывают. Она не знала, кто он такой, и почему-то его это обрадовало.
 — Конечно, нет. Я старый колдун.
 — Нет, — она покачала головой, — колдуны не падают с велосипеда. Вы ехали с закрытыми глазами, я видела. — Она таинственно понизила голос. — Зачем?.. Куда?..

— К счастью. Оно прячется в темноте. Поцелуй меня, Иоганна.
 Она потянулась к нему лицом.
 — А куда девать нос?
 — Он сам это знает.
 И девушка прижалась мягкими губами к его сухому, опаленному рту... Он услышал знакомый тяжело-мягкий топот и открыл глаза.
 Меж рогов огромного быка сидел мальчишка и смотрел на него насмешливо-одобрительно.
 — Будешь слушаться умных людей?.. Э-гой!.. — и плавно повлекся, истаявая: назад в детство...

26

Бронзовый Дон Кихот гонит сквозь века бронзового Росинанта, а рядом, тоже бронзовый, трусит на осле верный Санчо Панса. Свист бомбы, разрыв, осколки царапают бронзу, но Дон Кихот невозмутим, всевидящий взгляд обращен в даль будущего.

И другой Дон Кихот — огромный, костлявый — сидит на придорожном камне, а на коленях у него пристроился крошечный гололобый очкастый человечек с пишущей машинкой. Под плакатом (подлинным плакатом тех испанских дней) надпись: «Международный конгресс писателей-антифашистов».

В зале конгресса — крупнейшие писатели мира и те, что сражаются в рядах республиканских войск: Реглер, Ренн, Мальро, Залка — он же генерал Лукач, и те, что помогают борющемуся испанскому народу своим пером: Хемингуэй, Эренбург, Бехер и многие другие. А на трибуне — Мартин Андерсен Нексе.

— Эту войну называют войной донкихотов. И это верно, потому что это война добра со злом. И это неверно, потому что рыцарь из Ламанчи воевал с ветряными мельницами, а нынешние донкихоты дерутся с вооруженным до зубов врагом, точно и беспощадно зная свою палаческую цель. За Дон Кихотом не шел никто, кроме верного и наивного Санчо Пансы, на стороне республиканской Испании все, кому дороги свобода, идеалы и цивилизация. Над схваткой могут оставаться лишь те, в ком вымерзла совесть. Добро сильнее зла, Дон Кихот победит, как бы ни стонала его кираса под вражескими ударами. Они не пройдут!..

И весь зал повторил: «Но пассаран!..»
 Нексе сошел с трибуны. К нему шагнул боец Интернациональной бригады.
 — Я из батальона имени Мартина Андерсена Нексе, — сказал он по-датски.
 — Я, наверное, тоже, — улыбнулся Нексе.
 — Мне приказано доставить вас на позиции.
 Они вышли из здания конгресса, сели в «джип» и поехали к недалекой линии фронта...

Передний край. Окопы, ходы сообщения. Одиночные выстрелы, порой короткие пулеметные очереди. Командный пункт батальона расположился в полуразрушенном доме. Командир батальона седоголовый датчанин на пороге своего КП сердечно приветствовал Нексе.

— Здравствуй, Нексе! Как хорошо, что ты приехал. Тебе крепко повезло. Будет атака. С танками! — Лишь пехотный командир, впервые получивший танковую подмогу, мог вложить в эти слова столько чувства.

— Откуда у вас танки?
 — Ну, уж понятно не из Лилипудании, — засмеялся командир. — После боя я познакомлю тебя с ребятами. Если, конечно, будет с кем знакомить. — Он повернулся к сопровождающему Нексе бойцу. — Почему наш гость без каски?
 — Не нашлось на мою башку, — вступился за него Нексе. — Ты же видишь, какой купол.

— Что слышно в лучшей из подлунных стран?
 — Лилипуты злобствуют...
 — Знаю. Они грозятся пересажать всех нас, когда мы вернемся.
 — Пусть только попробуют!.. — Голос Нексе потонул в реве танковых моторов.
 — А вот и танки! — радостно вскинулся комбат.

Моторы смолкли, послышались возгласы, шуточные выкрики, хрипловатый мужской смех. В проходе показался командир танковой группы, молодой, веснушчатый крепш. Он подошел и что-то коротко сказал комбату по-испански. Очевидно, доложил о прибытии танковой части. Комбат ответил с воинской краткостью и пожал танкисту руку. Танкист снял матерчатый шлем. Костром вспыхнули его ярко-рыжие волосы. Смутное волнение охватило Нексе. Но тут и танкист увидел его, светляками загорелись зеленые глаза.

— Папа! — сказал танкист.
 Так они встретились: великий писатель и бывший сирота-оборвыш. Путь из приюта имени Мартина Андерсена Нексе естественно привел последнего в батальон имени Андерсена Нексе...

27

...Зима 1945 года. Кованные железом короткие сапоги из эрзац-кожи еще топчут тротуары и мостовые Копенгагена, как и всей Дании, но уже слышится дыхание последней военной весны.

В конспиративной квартире на одной из тихих улиц у ручного печатного станка трудится высокий сутулый человек с не старым, но утомленным, изношенным лицом и голым черепом. Он делает оттиск и вынимает маленькую, с тетрадным лист, полоску коммунистической газеты «Фольк ог вельт».

Послышался условный стук в дверь: три быстрых и два медленных удара. Человек прислушался, спрятал грудку оттисков в стол и надвинул на печатный станок полый внутри секретер.

— Это я, Арне! — раздался за дверью голос потерявшего терпение визитера. Арне открыл дверь и впустил в комнату редактора газеты — розовощекого здоровяка.

— Маргрете, — обратился редактор к женщине, работавшей за столиком в глубине комнаты, — за твоей квартирой следят?

Женщина поднялась, вышла под свет лампы. У нее молодое, еще красивое лицо, седые волосы и статная, хотя немного огузненная годами фигура. И хотя она порядком изменилась, главное в Грете осталось прежним: прелесть бесстрашной доброты.

— С чего ты взял? — спросила она редактора низким, грудным голосом.
 — Какой-то подозрительный субъект в капитанской фуражке провозжал меня до самого подъезда.

— Никакой он не подозрительный. Он действительно капитан дальнего плавания.

— А капитан не может работать на немцев?
 — Этот не может.
 — Почему ты так уверена?

— Это мой старый поклонник. Смешно звучит, но не найду другого слова. Он дважды сватался за меня. А за тобой шел из ревности. Хочет узнать, кто его счастливый соперник.

— Признаться, меня это тоже интересует. Не может же такая красивая женщина, как ты...

— А я и не утверждаю, что я монашка, — перебила Маргрете. — Но сейчас не то время. Когда говорят пушки, молчат флейты, так, кажется?

— Но почему ты не вышла замуж?
 Маргрете задумалась. Провела ладонями по щекам.
 — Кажется, я знаю...

— Не хочется мешать вашей содержательной беседе, — чуть язвительно сказал Арне. — Но пора выходить на прием.

Маргрете быстро включила приемник. В комнату вторглись голоса мира: печальная музыка, лающая немецкая речь, жалобная неаполитанская песня, эфирная буря, снова музыка, но уже бравурная, и вдруг отчетливый женский голос произнес по-датски:

— Говорит Москва! Говорит Москва! Начинаем «Час Нексе». У нашего микрофона великий датский писатель Мартин Андерсен Нексе.

И сразу сильный, пружинистый голос Нексе:
 — Датчане, близок час освобождения. Кончается зима, последняя зима тревоги нашей...

Маргрете быстро записывала, а перед глазами у нее — далекие дни в маленьком домике с пышным названием «Заря». И Мартин, воюющий с ребятами: замотанный, раздраженный и весь переполненный кипучей жизнью. Она улыбнулась без горечи, спокойной улыбкой все понявшего и все простившего человека.

Голос внезапно пропал. Нахлынули хрипы и вое. Маргрете ткетно крутила ручку, волна ушла.

— Молодец твой старик! — заметил редактор. — Каждый день облаивает немцев, а ведь ему, поди, за семьдесят.

— А семьдесят пять не хочешь? Но куда он пропал... мой бывший старик?

— В полночь программу повторяют, — напомнил Арне. — Тогда и запишешь.

— Ладно. — Маргрете выключила приемник.

— Ты все-таки не ответила на мой вопрос, — с шутовской, маскирующей подлинный интерес, сказал редактор. — Почему ты не вышла замуж?
 — Видишь ли, тому, кто жил на вулкане, не ужиться в мирной долине. Такого отвратительного для семейной жизни характера, как у Мартина, нет второго в мире, а на меньшее я не согласна...

Валентина БИАНИКИ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА

НАС

**МАСТЕР-НАСТАВНИК,
ДВАЖДЫ ГЕРОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ТРУДА
ВАСИЛИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
СМИРНОВ
СО СВОИМИ
ВОСПИТАННИКАМИ.**

Чуть больше года прошло, как ленинградский рабочий, дважды Герой Социалистического Труда Василий Александрович Смирнов перешел с Балтийского завода имени Серго Орджоникидзе в техническое училище № 14, чтобы учить мастерству и уму-разуму вчерашних школьников.

Когда мы говорим об учителях и наставниках, то, как правило, обсуждаем приемы и методы их работы. Гораздо реже почему-то мы уделяем внимание самой личности воспитателя.

В семье Смирновых было восемь человек — отец, мать, три сына, три дочери. Размещались в одной комнате огромной питерской коммунальной квартиры. Василий Александрович до сих пор отчетливо помнит, как утром, чтобы умыться, приходилось вставать в очередь к чугунному раковинному умывальнику.

Сейчас в Ленинграде выходит серия брошюр под рубрикой «За строкой Конституции СССР». Одна из них, написанная В. А. Смирновым, открывается словами:

«Говорят: какие корни, такие и ветви. Наверное, так оно и есть. Я очень горжусь своим отцом, Александром Ильичом Смирновым. Был он самым что ни на есть простым человеком, крестьянским парнишкой. В двенадцать лет получил «повышение»: отдали его на побегушки в трактор «Саратов». В империалистическую войну — солдат. Был отец среди тех, кто в окопах ратовал за лозунг большевиков «Война — войне». В грозном семнадцатом году с мандатом от бывшей Тверской губернии приехал в Петроград, участвовал в революции, и выпало ему большое счастье быть делегатом II Всероссийского съезда Советов. В бурлящем людском море, в опясанном огнями костров Смольном он слушал речь Владимира Ильича Ленина, принимал первые декреты Советской власти...»

В рабочих семьях прежде не читали педагогической литературы и на педагогические темы не рассуждали. Но педагогика жила здесь невидимо, своя, народная, и, вероятно, срабатывала неплохо, если внушенное — не нотациями, живым примером — закреплялось навсегда. Возьмем то же отношение к деньгам. Весь уклад семьи как бы утверждал: деньги — дело серьезное. Они мера труда и достатка. Однако не всякие деньги хороши. Вот поступил Вася после ФЗО трудиться на Балтийский завод, проработал некоторое время, исправно отдавал матери получку. А потом вдруг приносит сумму небывалую: две тысячи рублей. Отец вместо того, чтобы обрадоваться, грозно так: «Откуда взял?»

Пришлось объяснять, что не взял — заработал. Посылали Смирнова-младшего в Кронштадт, на срочный ремонт ледокола «Ермак». «Ермака» нужно было срочно отправлять на выручку попавшим в беду папанинцам, но судно стояло в доке с большой пробойной и другими повреждениями. Иностранцы фирмы для ремонта потребовали большой срок — три месяца. Тогда правительство поручило этот заказ чрезвычайной важности балтийцам, и они взялись его выполнить в три раза быстрее — за месяц. А выполнили за двенадцать дней!

Василий, новичок, так вкалывал, что пар от него шел, плесни водой — зашипит. Это бригадир шутил. Ну и заработал, конечно, хорошо. Александр Ильич только и сказал сыну тогда: «Молодец, заслужил».

Прошло, наверное, лет сорок. Василия Александровича пригласили выступить на телевидении. Речь зашла о проблемах воспитания, о вещизме, и журналист, привычно подразумевая отрицательный ответ, спросил: «А вы бы купили своей дочери дорожки джинсы?» Смирнов сразу ответил: «Если бы заслужила — купил».

Вот так: «Если бы заслужила». Что вещь? Вещь сама по себе ничто, так к ней и следует относиться, не преувеличивая ничего и не преуменьшая. К деньгам — тоже. Важно, чтобы человек их заслуживал, тогда они благо. Иначе вред, баловство. От Василия Александровича можно услышать такое присловье: «За легким рублем не гонись, тяжелый рубль дорожке стоит»...

Всю свою жизнь судосборщик строил корабли. Среди них были танкеры, лесовозы, рудовозы. Были такие гиганты, как атомные ледоколы «Арктика» и «Сибирь», такие уникальные плавучие лаборатории, как «Космонавт Юрий Гагарин» и «Космонавт Владимир Комаров». Если спросить Смирнова, какова роль судосборщика на строящемся судне, он ответит коротко: «Весь металл — наш».

У достроечной стенки стоит корабль. Еще нет на нем ни кают, ни просто места, где можно укрыться. Собственно говоря, и корабля-то еще нет. Под руками судосборщиков растет корпус судна. Многотонные стальные блоки нужно приладить друг к другу прочно, без зазоров. Всю смену независимо от времени года — на открытом воздухе. Зимой, в стужу, руки примерзают к стальным листам, осенью сбивает с ног лютый ветер с Невы, с залива. Летом такое пекло, что Смирнов говорит: «Зимой легче».

Да, нелегка работа... Конечно, технический прогресс пришел и сюда. Ручную сварку заменила автоматическая: детали ставят уже не россыпью, как раньше, а целыми многотонными секциями. Но труд остается тяжелым, без кувалды, без ломика и сейчас не обойтись. А Смирнову эта самая тяжелая из судостроительных профессий дорога, она его жизнь, она ему по нраву.

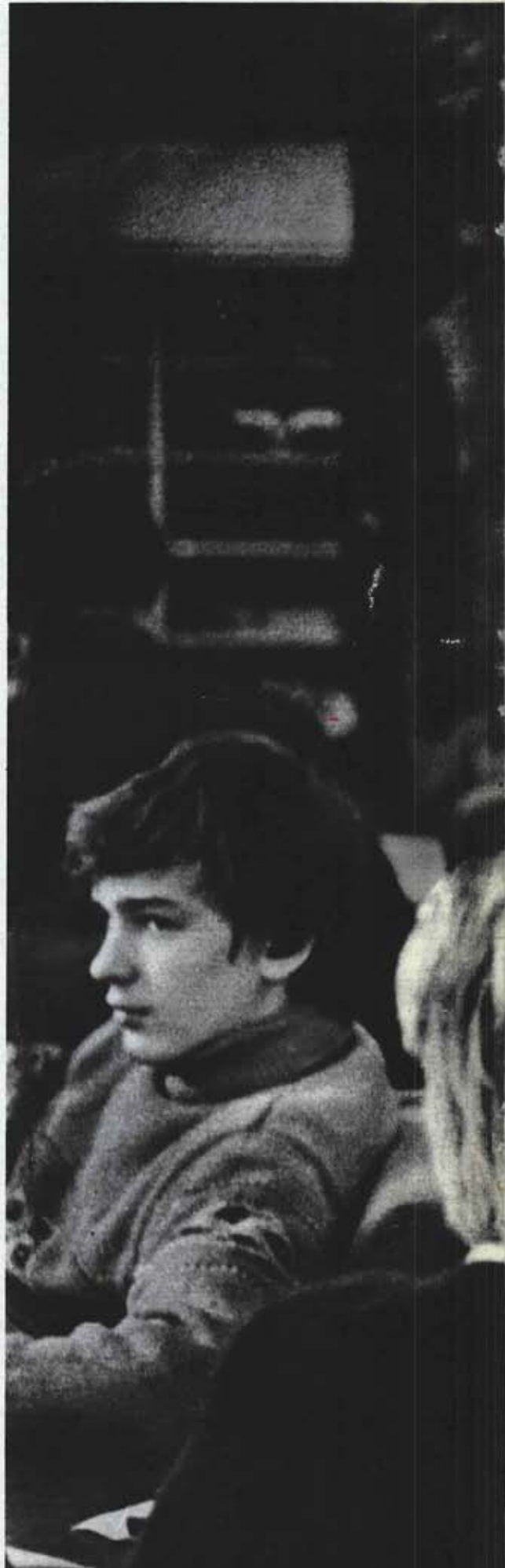
Человеческие отношения подчас не определяются прямолинейной логикой. В воспитании все значительно более просто и одновременно более сложно, чем видится ортодоксу. Именно поэтому профессор, исполненный педагогической мудрости, иной раз мучительно и безрезультатно размышляет, как ему вести себя с отбившимся от рук сыном или «неуправляемым» студентом, а рабочий Василий Смирнов в сложных положениях ведет себя так, как будто никакой загвоздки нет и как поступить — само собой ясно.

Был у него недавно случай. Приехала к одному из его учащихся из далекого города мать. Пришла в училище, познакомилась с мастером. Идет беседа по душам. Мать говорит: «Я вижу, что сынок мой в хороших руках, спасибо вам. Вернусь домой — буду мальчику каждый месяц полсотни посылать, тогда уж все будет в порядке». «Зачем?» — спрашивает Смирнов. «Как зачем? На питание, да мало ли что прикупить, парень ведь молодой!»

И тогда Смирнов спокойно начинает вместе с матерью считать. Ваш сын, напоминает он, живет сейчас на полном государственном обеспечении. Его кормят, одевают, обувают, дают общежитие, за работу во время заводской практики платят. Подумайте: нужны ли парню лишние, притом незаработанные деньги? Давайте всерьез подумаем, к чему это может привести!

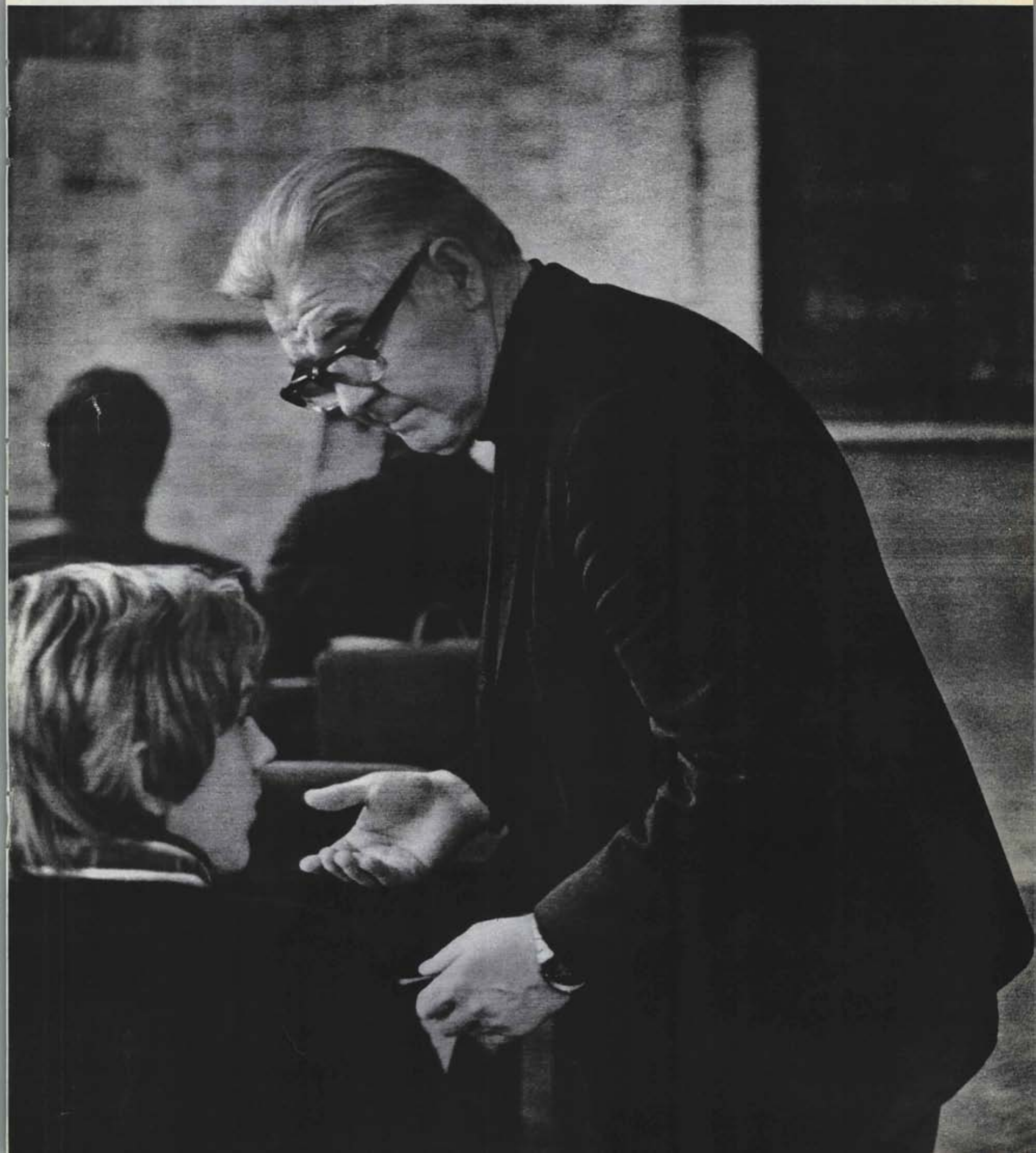
Женщина кивает головой, соглашаясь. Но Смирнов-то знает, как беспокойно материнское сердце. Он понимает, что не к одному разуму тут обращаться надо. И дружески ведет гостью в училищную столовую, в общежитие... Уже не просто умом — всей душой успокаивается мать, увидев обильный обед, опрятную комнату сына. Спокоен теперь и мастер: лишних, «шалых» рублей у его воспитанника не будет. Вопрос решен. Если вникнуть — какой важный вопрос.

В Отечественную войну Смирнов был на Ленинградском фронте. Можно даже сказать, на самом «ленинградском» участке этого фронта — на Дороге жизни. Оба слова этого названия следовало бы писать с

ТАВНИК

Герой
для
подражания

большой буквы: ведь Дорога, Ладога, в буквальном смысле давала осажденному городу Жизнь. Пограничник Смирнов изо дня в день видел, как везли от мыса Осиновец к Кобоне эвакуируемых горожан, как из Кобоны к Осиновцу шли грузовики с мукой, мясными тушами, консервами... О том, что видел в эти месяцы, рассказывает мало. Тот, кто пережил блокаду, на воспоминания скуп.

У одного из нынешних учеников мастера спросили, знает ли он, как его наставник уходил воевать. Парнишка сказал, что не знает. А это важно знать. С первых дней войны Смирнова забронировали. Завод «лечил» суда, израненные в боях, потерь становилось все больше. Поэтому труд корабелов приравнивался в то время к наиважнейшим оборонным работам.

Стало быть, у Василия была бронь... Но под Пулковом, на передовой линии обороны Ленинграда, сдерживал яростный натиск фашистов его старший брат. Каким-то счастливым случаем он сумел попасть домой, повидался с семьей и сказал Василию: «Иди воевать. Нам трудно».

И тогда Смирнов-младший, получив очередную повестку из военкомата, не понес ее на завод, как тогда полагалось, даже не отметил там и ушел на фронт. Только в сорок шестом, демобилизовавшись, вернулся на родной завод. Товарищи удивились, узнав, что он цел и невредим. Числили его пропавшим без вести.

Бывает, человек считает себя счастливым, потому что ему повезло получить хорошую квартиру или выиграть мотоцикл. У Смирнова другой счет, другая мера. Ему посчастливилось в главном. Почти все его сверстники, товарищи детства, погибли, а он остался жив, даже ранен ни разу не был. Мало того: все три брата Смирновы вернулись с войны домой. Вот это действительно небывалое везение, редчайшая по тем временам судьба!

Но счастье, видно, не бывает полным. В блокаду умерли, не перенеся тяжелых лишений, отец и мать...

Во всех подробностях или нет, но будущие корабельники о жизни своего мастера знают немало. Знают, что за его спиной безупречная трудовая и ратная жизнь, что каждая из его наград заслужена по самому большому счету. И, следовательно, когда такой человек говорит своим подопечным «надо!», это никогда не воспринимается ими как демагогия или нравоучение. А чаще всего молодые, ведомые таким лидером, поступают, как нужно, и без слов. Механизм этого нравственного влияния незаметен. Несколько лет назад у Смирнова-бригадира спросили, как он добивается, чтобы в его коллективе не было текучести. Бригадир ответил: «Да никак я не добиваюсь. Люди сами стремятся к нам попасть, у нас закрепиться. Нравится им, наверное».

Интересно получается. Работа судосборщика, как уже говорилось, далеко не из легких, отсюда острая проблема текучести кадров. И неудивительно. Смирнов сам говорит: «Колени у нас, как пилы, каждый корабль пропахали». А тут, пожалуйста: «Нравится!»...

Нынче в ТУ, в группе у мастера парни, приехавшие из разных концов Союза. Коллектив новый, можно

НЕ ЗАБЫВАЕТ ПОТОМСТВЕННЫЙ СУДОСТРОИТЕЛЬ СТАПЕЛИ РОДНОГО БАЛТИЙСКОГО.

предположить, что не все его члены от природы ангелы. Но когда я спрашиваю у Василия Александровича, как идут дела, какие с ребятами сложности, он замечает, что все нормально. И действительно нормально. Даже больше того: группа Смирнова числится одной из лучших в училище.

Василий Александрович — один из трех ленинградских рабочих, которым выпала честь стать дважды Героем Социалистического Труда.

Первым был удостоен этой чести Алексей Васильевич Чуев, токарь того же Балтийского завода имени Серго Орджоникидзе. Чуев был известен как специалист высочайшей, уникальной квалификации. На своем огромном станке, который занимал почти треть цеха, он обрабатывал гребные валы судов. Именно он, на какой бы верфи города на Неве ни строились корабли. Обработку вала следовало вести с той высокой точностью, когда дело решают ничтожные доли миллиметра, и неверный расчет, неверное движение руки могут запороть многотонную машину. Но такого не случилось никогда. А несколько лет назад другим рабочим — дважды Героем стал в Ленинграде

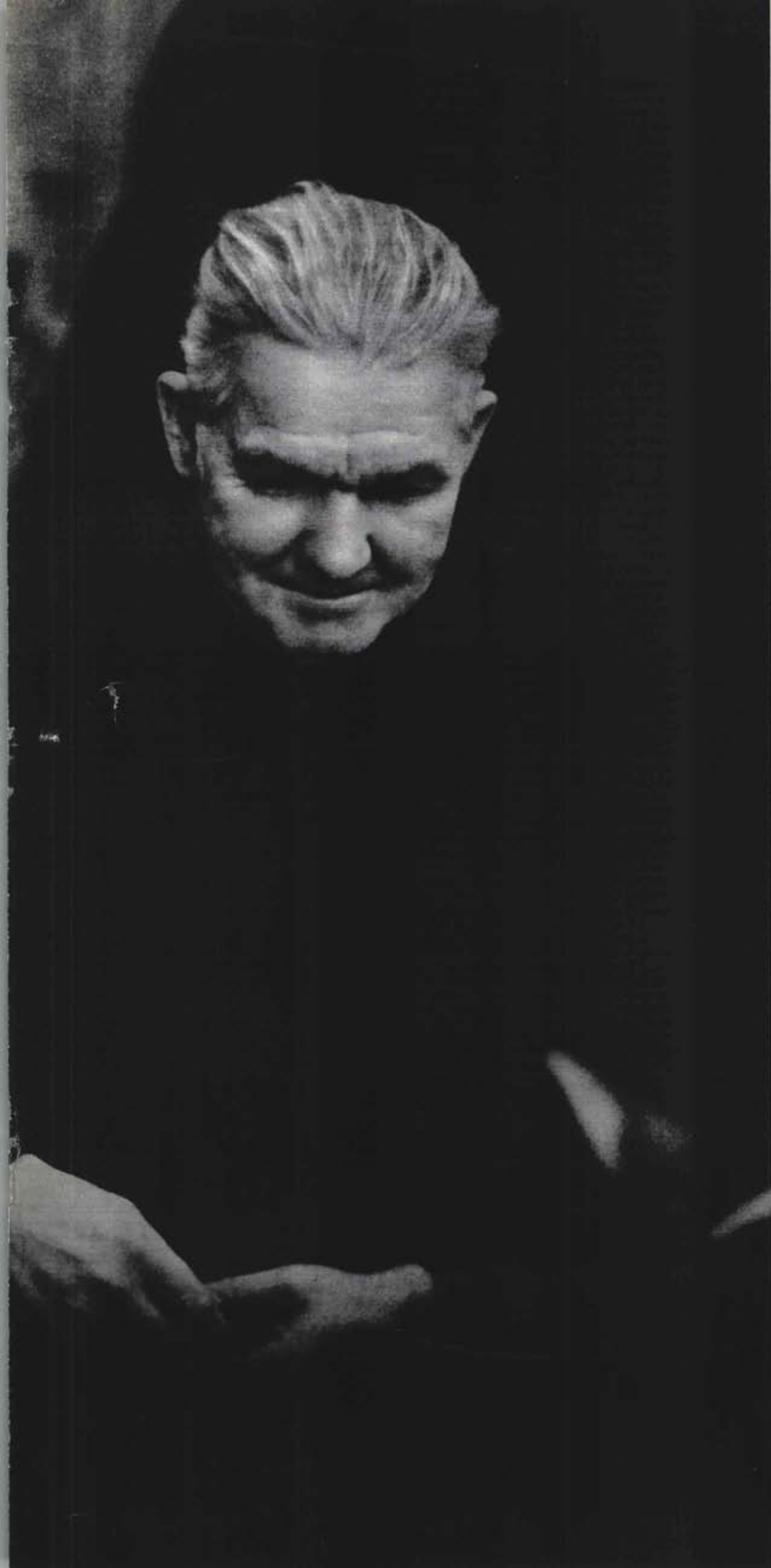

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧАСТО ПРИХОДИТ ВМЕСТЕ С РЕБЯТАМИ К ЛЕГЕНДАРНОЙ «АВРОРЕ».

РАБОЧАЯ ПЕДАГОГИКА — НАУКА ЖИЗНЕННАЯ.

ДЕЛУ — ВРЕМЯ, ПОТЕХЕ — ЧАС.

РАЗДУМЬЯ.

Афанасий Прокопьевич Михалев, слесарь с Ижорского. Труд его бригады вложен в создание многих уникальных изделий, в том числе в создание «миллионника» — первого в нашей стране атомного реактора мощностью в один миллион киловатт.

Разные они люди, эти замечательные труженики, каждый — яркая индивидуальность. И вместе с тем их отличает одна общая примечательная черта. Обретая мастерство, они становились наставниками молодых — не по должности, по убеждению. У Чуева были на заводе десятки «крестников». Были, так сказать, токари-сыновья, токари-внуки, токари-правнуки даже: воспитанники его успели выучить собственных учеников, и те, в свою очередь, подготовили смену... Бригада Михалева долгие годы шефствовала над группами заводского профтехучилища, непосредственно в цехе вокруг него тоже всегда была молодежь.

В чем же истоки такого внимания к смене со стороны правофланговых ленинградской гвардии рабочего класса? В советском образе жизни? Несомненно. Вдумаемся в мысли Смирнова по этому поводу:

— В современных условиях мы не можем ждать, когда качества, присущие лучшим представителям рабочих профессий, сформируются сами собой. Эти качества надо воспитывать сегодня, стимулировать их, создавать такие условия, при которых молодой человек не может трудиться плохо!

Слово рабочего не расходится с делом. «По себе знаю, — написал недавно В. А. Смирнов в Ленинградский областной комитет КПСС, — что во многом судьба молодого человека зависит от того, в какие руки он попадет в начале жизненного пути. Поэтому и решил по примеру своих товарищей кадровых рабочих Героя Социалистического Труда Б. А. Журавлева и дважды Героя Социалистического Труда А. П. Михалева передавать свой профессиональный и жизненный опыт молодежи в качестве мастера производственно-технического обучения...»

Передавать профессиональный и жизненный опыт... Василий Александрович считает, что научить мастерству нетрудно. Он в этом искренне убежден. Однако думается, что достичь таких вершин профессионального мастерства, каких достиг он сам, или Чуев, или Михалев, — дело вовсе не простое. Но, видимо, стоит полностью согласиться с ним в том, что сформировать у молодого рабочего упорный характер, трудолюбие, чувство долга еще более сложно. Эти качества надо лепить, передавать «из рук в руки». И каждый, кто взялся за дело, обязательно задумается, с чего начать.

А с чего Смирнов начинал? Вот прочел «Воспоминания» Леонида Ильича Брежнева, и уже первые страницы всколыхнули память. Вспомнилось ему время, когда заводской гудок знаменитого Балтийского прогудел и для него. Вспомнились, как он говорит, «учителя в профессии и в жизни» — самый первый его бригадир, требовательный и очень добрый Нарицин Михаил Михайлович, прославленный коллега Чуев Алексей Васильевич... Смирнов считает, что это о таких, как они, написал Леонид Ильич, объединив их черты в один образ рабочего человека:

«...Почти все богатства, накопленные человечеством, созданы его мускулистыми руками, но сам он не привязан к собственности, душа его не убита корыстным расчетом, а живы в ней широта, удаль и вечная тяга к справедливости. Он находчив, смекалист, наделен живым умом и юмором. Он решителен, смел, верен дружбе, готов в любой момент прийти на помощь товарищам».

— Эти качества, — говорит Смирнов, — я и стремлюсь сегодня воспитывать у своих учеников.

**МАСТЕР ВСЕГДА РЯДОМ
СО СВОИМИ ВОСПИТАННИКАМИ.**

Владимир СНЕГИРЕВ.
Фото Леонида ЯКУТИНА

Работая корреспондентом «Комсомольской правды» в Афганистане, я вел дневник. Делал это с разной степенью аккуратности: иногда записывал свои впечатления подробно, а порой наспех, несколькими фразами. По почерку в общих тетрадках можно определить, когда писал в вибрирующем вертолете, когда за столом. Я намеренно не стал подвергать свои записки правке, сохранив первоначальный дневниковый стиль, хотя все писало некоторое время тому назад и с тех пор многое изменилось: обстановка значительно стабилизировалась.

Асфальтовая дорога, виляя, поднялась на холм, затем вынесла нас на широкую равнину. Кабул остался позади. Дорога вела к снежным вершинам гор, к далеким полям, к крестьянским селениям, неясные контуры которых угадывались вдалеке.

Страна очень красива. Чистыми ясно-голубыми красками покрыт небосвод. Горы, долины, деревни — все словно вымыто, словно помещено в аквариум с очень прозрачным, нереально прозрачным воздухом.

Кабул чрезвычайно колоритен, ярок. Почти вся столица — это сплошной восточный базар. Шумный, дымный, пестрый...

И везде признаки борьбы. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Это схватка отжившего с юным. Дремучего со светлым. Я счастлив оттого, что являюсь свидетелем одной из самых яростных революций наших дней.

Утром с корреспондентом «Правды» Сергеем Свиноновым побывал в одной из школ на окраине Кабула. Два длинных каменных барака, поставленных один к другому углом в виде буквы «Г». Многие классы занимают прямо во дворе — в разных его концах стоят парты, над тетрадками склонились черные головки. Скучность обстановки — это на наш аршин, а для ДРА и такая школа представляет достижение.

Эти мальчишки, а их здесь 2300, вырастут грамотными, смогут читать и писать. Даже не верится: в Афганистане более 90 процентов населения неграмотно.

Дети, как и в любой другой стране, вели себя соответственно: одни шалили, другие что-то сосредоточенно писали в общих тетрадках (тетради и карандаши у них — советские). Многие, желая привлечь наше внимание, по-русски кричали: «Здравствуй!»

Я спросил у этих третьеклашек, кем они хотят стать. Ответы тоже соответствовали «международному стандарту»: учителем, доктором, дуканщиком, инженером, солдатом, муллой...

На перемене мальчишки играют в войну. Бегают между чинарами, «стреляют»: та-та-та-та, падают и кричат.

А где-то идет настоящий бой, льется кровь. И смотрят на мальчишек «взаправдашние» солдаты, охраняющие их школу. И на перекрестке стоят настоящие бронетранспортеры. И во многих квартирах на кухонных полках рядом с кастрюлями лежат гранаты.

А они играют в войну.

Праздник на стадионе, так называемый Ноуруз.

праздник крестьян, посвященный мусульманскому Новому году.

Поразительный, только здесь возможный контраст: на трибунах многие женщины прячут свои лица под чадрой — это дань давним обычаям, а на поле стадиона с неба опускаются парашютистки, тоже афганские женщины, выросшие на этой земле. Чадра и парашют. Средневековая «тьма» и самая высокая мечта всех людей: летать.

И это соседствует, переплетается, пульсирует одной жизнью.

НА ТРУДОВОЙ СУББОТНИК АФГАНСКИЕ ВОИНЫ ВЫШЛИ С ДОЗУНГАМИ В ЧЕСТЬ НЕРУШИМОЙ ДРУЖБЫ НАРОДОВ СССР И АФГАНИСТАНА.

афгански

Третий день в Герате. Здесь обстановка остается сложной: в городе и его окрестностях все еще действуют банды. С наступлением сумерек начинается пальба — до утра.

А какой это изумительно красивый город — Герат! Все улицы и дороги обсажены соснами — это южные, пышные сосны. Кругом цветущие, благоухающие сады. Журчат, серебрятся под щедрым солнцем арыки. Зеленые лужайки. В центре — парк, целый лес. Цветет сирень. Щebet птиц. Есть ли еще в Афганистане оазис более благодатный?

Утром вместе с агитбригадой ЦК ДОМА поехал в уезд Гузара — это неподалеку от Герата. Там пришлось поволноваться. Мы приехали в кишлак, и вдруг все вокруг опустело, улицы будто метлой подмели — ни одного человека. Мы знали, что это плохой признак — может подняться стрельба. Но делать нечего: артисты приготовили и свои инструменты и свои автоматы...

Выжженная солнцем равнина с редкими деревьями возле одиноко стоящих домов. Горизонт закрыт зубьями старых гор в синей дымке.

Я вылетел из Кабула в десять утра на транспортном самолете «АН-12». Только взлетели, как в пассажирский отсек заглянул борттехник и поманил меня в кабину. Там летчики посадили меня между собой, и весь полет, включая посадку, я имел возможность следить за их работой. И, конечно, мы о многом поговорили.

Командир самолета — 30-летний Владимир Квасков. Чуть заикается, но держится очень уверенно и у окружающих людей — это я заметил еще на аэродроме в Кабуле — пользуется явным авторитетом. Разговор показал его большую эрудицию, любовь к чтению, кругозор. Очень неформально отозвался о последних книжных новинках, сказал, что выписывает с десяток журналов и газет. Как летчик, Володя побывал во многих странах, облетел весь Советский Союз. Об увиденном он рассказывал очень лично, очень как-то по-своему.

Груженный доверху мешками с мукой самолет он сажал в Шинданте красиво и уверенно. Посадочного маневра, принятого в нормальных условиях, здесь, по существу, не было — просто в течение считанных минут мы снизились с 6 тысяч метров до полукилометра, лихо развернулись и... вот уже коснулись колесами бетона.

Наши «АНы» здесь делают огромную работу, обеспечивая продовольствием почти все труднодоступные районы Афганистана, — возят муку, рис, промышленные товары для крестьян. Летчики творят чудеса в трудном афганском небе.

Утром, часов около девяти, вылетел на вертолете афганских ВВС в Зарандж — центр провинции Нимруз, это самая дальняя от Кабула провинция и самая труднодоступная, отрезанная от дорог горами, пустыней, обширными водными пространствами плавней Сеистана.

Около часа летели над прокаленной солнцем землей желтого и коричневого цвета. Потом пейзаж изменился. Желто-бурая пустыня зазеленела, на горизонте показались ручейки, речки, и вскоре мы летели над сплошным водным пространством. Кругом была вода, по-видимому, неглубокая — плавни, заросшие камышом и осокой.

Здесь кипела жизнь. Я то и дело видел кабанов, чаек, диких уток. По брюхо в воде паслись коровы.

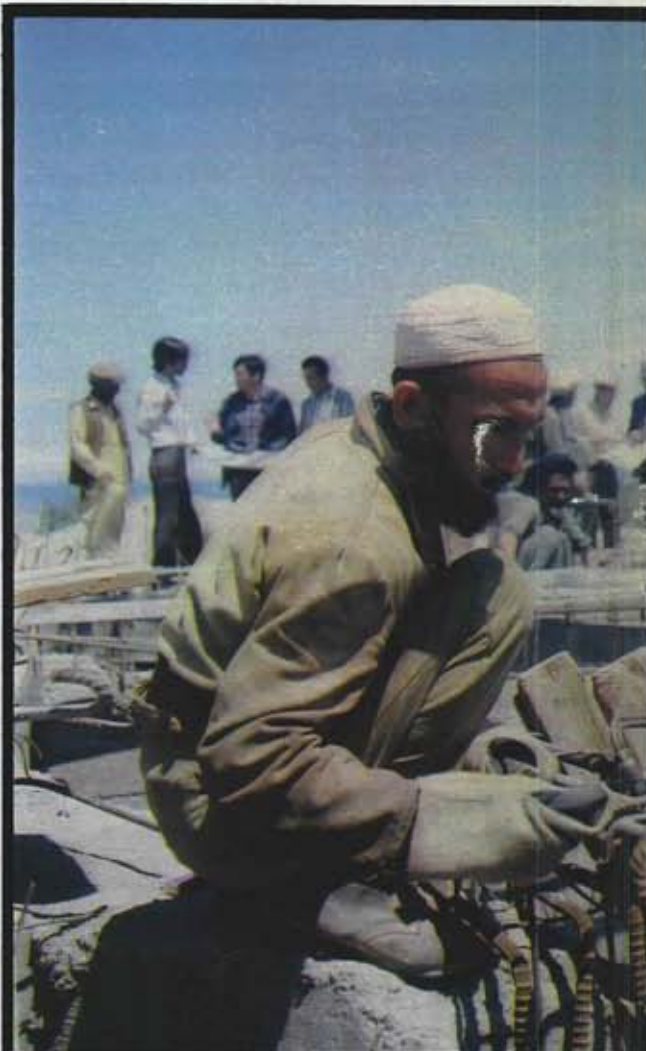
Полузатопленные постройки. Люди задирают вверх головы. Эту равнину можно было бы принять за зеленый луг, если бы сквозь камыш не посверкивала вода. В одном месте я увидел сплетенные из камыша лодки.

Вертолет летел над самой водой, на высоте 20—25 метров.

Потом вода кончилась. Снова — пустыня, и почти сразу показался Зарандж.

Главный центр провинции Нимруз только с большой натяжкой можно назвать городом. Это, скорее, большой кишлак, где живут 2 тысячи человек. Одноэтажные глиняные дома. Неимоверная пыль. Жара. До границы с Ираном — три километра.

Но даже в этот аллахом забытый угол долетели ветры революционных перемен. В городе действует

ПИОНЕРИЯ СТРАНЫ НА ПРАЗДНИКЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ГОДОВЩИНЕ АПРЕЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ЗА КРЕПКИМ, ДУШИСТЫМ ЧАЕМ — ДОБРАЯ БЕСЕДА В ОТДАЛЕННОМ КИШЛАКЕ.

молодежный сатирический театр. 145 ребят в пионерской организации. Из молодых создан отряд защиты революции — эта горстка храбрецов успешно отражает набеги душманских орд из-за кордона. Ведется подготовка к организации первого крестьянского кооператива.

Рано утром, затемно, отправился с афганским батальоном на боевую операцию. Сама езда по разбитой проселочной дороге ничего интересного не представляла, за исключением одного обстоятельства — такую дорогу легко заминировать, поэтому ехали хоть и быстро, но осмотрительно, след в след, строго по колее. Находившиеся в первой машине рисковали, конечно, больше других.

Батальону предстояло окружить и прочесать большой кишлак в 15 километрах от города, где, по данным разведки, находилась группа бандитов.

Откровенно говоря, чем выше вставало солнце, тем больше я сомневался в успехе операции. Когда около шести утра мы подъезжали к кишлаку, было уже совсем светло. Нашу колонну можно было увидеть издали по тянувшемуся за ней огромному шлейфу пыли. Бандиты наверняка уже улизили.

Афганские солдаты быстро оцепили кишлак. Мы подъехали вплотную к домам, которые тут напоминают крепости. Остановились, вышли из машины. Рядом, по правую сторону дороги, текла река Фарахруд. По левую журчал арык, а сразу за ним тянулись стены глинобитных домов-крепостей.

Время шло, а стрельбы не было: верный признак

частей ограниченного контингента советских войск познакомился с капитаном Козловым, Героем Советского Союза. Голубоглазый, могучий (и от этого чуть сутуловатый). Спокойный. Слова цедит скупко и только при необходимости. Лишний из него не выжмешь. Позывной у радиостанции его подразделения — «герой». Так и говорят радисты: «Я — герой». И это правильно, потому что рядом с ним все они чувствуют себя по-геройски.

Капитан Батяев. Командир танковой роты. Небольшого роста. Весь сплетенный из мускулов. Все играет в нем сталью — желваки на острых скулах, нервные запавшие глаза, мускулистый торс. Это комок силы. Дочерна загорелый. Ладони по-рабочему сбиты. Он не раз ловил своим танком мины (попросту говоря, взрывался на минах), расчищая проход колоннам с

КШИЙ ГНЕВНИК

НА ОДНОЙ ИЗ СТРОЕК. В СОЛДАТАХ, ПЕСУЩИХ СЛУЖБУ В СОСТАВЕ ОГРАНИЧЕННОГО КОНТИНГЕНТА СОВЕТСКИХ ВОЙСК, ТРУДЯЩИЕСЯ АФГАНИСТАНА ВИДЯТ ДОБРЫХ ТОВАРИШЕЙ. ВСЕГДА ГОТОВЫХ ПОМОЧЬ.

того, что мои опасения оправдались. Через час бесцельного ожидания я лег на заднем сиденье «джипа» и уснул. Проснулся в восемь часов — уже был зной. Стояло оцепление. Было тихо.

Душманы или ушли, или же хорошо спрятались. Дело это нехитрое: стоит зайти на женскую половину дома, и ты почти гарантирован от любой облавы. Афганский солдат почти никогда не сунется на женскую половину — это запрещено кораном.

Командование батальона собрало около машин местных жителей. Старики божились, что бандитов у них и в помине не было. Но поймать их на лжи оказалось очень легко. Командир спросил, работает ли в кишлаке школа. «Нет». «Почему?» «Душманы не разрешают открывать». Скоро выяснилось, что старики настолько залуганы, что требовать от них каких-либо вразумительных ответов абсолютно бесполезно. Они боятся даже друг друга. Мы уйдем, и тут же с гор спустятся мятежники, которые не пощадят никого.

...Уже был настоящий зной. С дальних гор, как покрывало, спала голубая дымка, они стали четкими и рельефными. На равнине за рекой мирно паслись овцы. Старики в белых чалмах сидели на травке, внимая словам афганского политработника, призывавшего их сотрудничать с властью. Журчала вода в арыке. По проселку ехал доверху набитый пассажирами автобус — люди сидели даже на его крыше. Возле «джипа», прижавшись к его горячему капоту, стоял и смотрел на нас чумазый босой мальчишка.

- Как тебя зовут?
- Фазиль Ахмад.
- Что ты знаешь о Советском Союзе?
- Это наш северный сосед.
- А кто такие пионеры, ты знаешь?
- Нет.
- Кем ты станешь, когда вырастешь?
- Кем аллах велит.
- Ну, а сам бы ты кем хотел стать?
- Офицером. Потому что офицеры защищают свою родину. И еще, — он посмотрел на свои босые ноги, — у офицера красивая форма.
- Ты что, круглый год ходишь босиком?
- Да.
- Какую книгу ты читал, кроме учебников?
- Коран — других книг у нас нет.

Часов в девять наша колонна благополучно вернулась в город.

Снова в Кабуле. Можно стряхнуть дорожную пыль и лечь на чистые простыни.

Десять дней продолжалась командировка. Позади пять провинций на западе и юго-западе ДРА.

В конце путешествия удача снова повернулась ко мне лицом. В 9.00 я вылетел на вертолете, где гостил у афганских воинов. Там буквально бегом пересел в другой вертолет, который летел в Кандагар. В 11.00 был на кандагарском аэродроме. Вижу, стоит неподалеку «АН-12», и — о радость! — оказывается, это тот самый самолет, на котором я десять дней назад вылетел из Кабула. Володя Квасков тоже обрадовался встрече, затолкал меня в свою кабину, и скоро мы были в Кабуле.

Опять комфорт, безопасность. А я вспоминаю солдат из афганского батальона, которые круглосуточно ведут бои в пустыне. И мне не по себе. Как там у них дела? Когда я улетаю, одна рота была окружена крупными бандами. В полуразрушенном здании школы воины несколько дней вели неравный бой. Со всей округи туда стянуты басмачи — есть приказ их главаря устроить «показательный» разгром. Сердце болит за них. Выход у них только один: победить или умереть.

Поездка дала много новых друзей. В одной из

продовольствием. В его танк много раз стреляли из гранатомета.

Часть, где служит Козлов, вечером была обстреляна из минометов. Начальник штаба Авакян вскочил в боевую машину. «Командир, я узнаю, в чем дело». Я — с ним. Подъехали к боевому охранению. Горел костерок. Тихо переговаривались солдаты. Кто-то курил, кто-то пил чай. Солнышко только-только зашло. Авакян пошептался о чем-то с командиром взвода, я походил среди ребят. Никто из них не проявлял ни малейшей тревоги. Вечер был тих и ясен. Стрельба улеглась, мы вернулись обратно, пошли ужинать.

Володя Авакян — маленький, бородатый. Очень гражданский на вид. Очень домашний. Очень храбрый.

Один из моих новых друзей — руководитель агитбригады ЦК ДОМА Амон Ашкрес в почтовом ящике своего дома обнаружил записку: «В последний раз тебя предупреждаем: прекрати якшаться с партией и ДОМА. В противном случае тебя ждет смерть». Амон Ашкрес, улыбаясь, рассказал мне об этой злой угрозе.

Мы познакомились в Герате, и выше я уже отмечал мужество агитбригадцев, которые порой дают свои концерты прямо под пулями. Враги распознали опасность, которую несут революционные песни, яркие, доходчивые выступления Амона перед крестьянами. В разных провинциях на агитбригаду пытались совершить налеты. В Джелалабаде во время митинга ребята задержали душмана, который хотел засунуть под трибуну пластиковую бомбу. В Асадабаде — только-только закончился концерт — площадь, где выступали артисты, была обстреляна басмачами из минометов.

Амон Ашкрес — невысокий, черноусый, с гладко зачесанными назад волосами. Живые интеллигентные глаза за толстыми стеклами очков. По профессии он преподаватель языка и литературы. «Но по призванию, — улыбается Амон, — я артист». С юных лет увлекался музыкой и драмой. Много лет вел по радио передачу, которая обличала волокиту, бюрократизм, взяточничество, кумовство; благодаря этой передаче стал популярным на всю страну. Революцию принял сразу, вступил в партию, а свою музу теперь посвящает борьбе. Организованная им агитбригада была первой, а теперь они созданы при всех крупных комитетах ДОМА — в провинциях и уездах, в лицах и на фабриках.

— Наш народ, — говорит Амон Ашкрес, — исключительно талантлив и музыкален. Но все артисты, певцы, музыканты — самоучки, никто в Афганистане не знает нотной грамоты, никто не получил специального музыкального образования. Раньше горстка способных артистов служила господствующему классу, они выступали только для знати, только в избранных залах, за сотни и сотни афганы. Теперь искусство служит народу.

Никогда прежде концерты не устраивались для крестьян и рабочих — теперь мы поем для них.

Но главная наша задача — не развлекать людей, а нести массам правду о революции, зажигать их огнем революционного энтузиазма, слачивать народ для борьбы с врагом.

Наш лозунг: быть на переднем крае сражения за новую жизнь. В одной руке у нас музыкальный инструмент, другой мы сжимаем автомат. Мы будем сражаться до тех пор, пока не исчезнет дым пожара над мирными селениями...

...Я вспоминаю тот разговор с Амоном, вижу не по годам серьезные, полные решимости лица его шестнадцатилетних друзей — и верю, верю в их победу. Таких не сломить.

Юрий ФЕОФАНОВ

Когда Костя Позднышев провалился на вступительных экзаменах в вуз, это стало сенсацией номер один для нашего большого дома, где жильцы хоть как-то знают друг друга. Ведь нынче как бывает: живут люди в одном подъезде, даже иногда на одной лестничной клетке, и если здороваются, то это уже считается общением.

Так, значит, сенсация. В самом деле, уж кто-кто, а Костя, по мнению нашей дворовой общественности, был бы украшением Московского Высшего технического училища имени Баумана: природный физик, и руки золотые — все может сделать.

— Ум теоретика, пальцы экспериментатора, — сказал о Косте, сидя на лавочке у дома, Иван Герасимович, пенсионер, не один десяток лет отдавший школьной физике. — Как у великого Резерфорда.

Провалился Костя, естественно, не на физике. И даже не провалился — балла недобрал проходного: сделал в сочинении на одну или две ошибки больше, чем другие абитуриенты.

Вот тогда Костина мать, Клавдия Иннокентьевна, и пришла ко мне, извинившись, что отнимает время. Она не сказала: «Помогите, как-нибудь устройте». Клавдия Иннокентьевна — женщина интеллигентная.

Под рубрикой «Закон и ты» мы публикуем материалы, посвященные правовым основам человеческих отношений. Тут нет захватывающих уголовных историй, а есть обычные, порой даже самые незначительные жизненные ситуации, которые, однако, преподают назидательные, поучительные уроки, важные всем.

О том, как важно в разных жизненных обстоятельствах — на производстве, в быту, в семейных отношениях и в отношениях с окружающими нас людьми — знать законы и scrupulously соблюдать их положения, мы рассказываем в серии материалов, первому из которых можно дать подзаголовок:

«Закон, производство и ты».

Работала она монтажницей, но была начитанна, увлекалась историей, читала обо всех ученых в серии «Жизнь замечательных людей», особенно о физиках.

Она сказала: — Вы знаете Костю. Знаете, что он призер всех олимпиад по физике. Знаете, что его похвалил за оригинальное решение задачи академик...

— Знаю, — подтвердил я. — ...Так разве справедливо, что Костя не прошел в институт, которого достоин? И из-за чего? Из-за того, что в слове «масляный» написал второе «н». Нет, вы скажите, это справедливо?

— Но экзаменаторам-то как быть? — Я не пытался утешить расстроенную женщину. — Закрывать глаза на грубую ошибку?

— Почему закрывать? Именно открыть им надо было глаза, этим экзаменаторам. Он же не в филологии поступал. Пусть бы по физике его и погоняли хоть вдоль, хоть поперек. А тогда бы уж и решили...

Разговор наш был долгим и тягостным. Когда к нам в самом конце присоединился Костя, я, к сожалению, увидел, что он успел уже убедить себя в том, будто с ним поступили «несправедливо».

— В том, что ты поступишь в институт в следующем году, я не сомневаюсь, — попытался я его успокоить, — но скажи мне сейчас как будущий физик...

— Год терять! — воскликнул, перебивая меня, молодой человек. — И еще неизвестно, как они в следующий раз поступят, экзаменаторы эти.

— Позволь... А как прикажешь им поступать? Принять тебя в порядке исключения? Но тогда ты займешь место того, у кого сегодня знания оказались прочнее, чем у тебя.

— По физике?! — высокомерно усмехнулся Костя. — Готов с любым соревноваться.

— Но экзамены в вуз сдают не только по физике. Ты же это отлично знаешь. Есть Положение о приемных испытаниях. Юридически закрепленное. Закон, понимаешь? Как в твоей любимой физике. Предположим, ты проводишь эксперимент или поиск научный ведешь. Что-то не сходится. Что же, ты пренебрежешь законом Бойля-Мариотта или, скажем, таблицей умножения? Как бы в порядке исключения?

— Так то совсем другое, — понуро ответил юный физик, — то незбылемо. Природа! А тут люди решают. Можно бы и...

Вот так шла наша дискуссия. Костя высказал, к сожалению, довольно распространенную точку зре-

ния на юридические законы: от них в случаях «крайней необходимости» можно и отступить, исключительными обстоятельствами оправдать их обход, целесообразностью заслонить законность. Причем, если речь идет об уголовных законах, тут оппоненты осторожнее — убивать и воровать, насиловать и грабить нельзя никогда, никакие обстоятельства этих деяний не оправдывают. А вот в гражданских правоотношениях, мол, так жестко поступать ни к чему. Что же касается производства, так тут, по мнению некоторых, иногда даже и командиров этого самого производства, без нарушения правовых норм вроде бы и вовсе не обойтись, никакое дело, мол, без пренебрежения обязательными правилами не сделаешь...

Так и мой юный друг Костя не мог, я это чувствовал, душой, сердцем принять как неукоснительный закон производства — в данном случае порядок, регламентирующий порядок поступления в институт. Ему — поскольку, конечно, это затрагивало его личные интересы — казалось вполне допустимым сделать отступление «для пользы дела». Еще раз подчеркну: Костя действительно знал физику, он поступил на следующий год в МВТУ и сразу проявил себя как способный молодой ученый. Поступил честно, не в обход норм. Но тогда он был искренне убежден, что формалисты-экзаменаторы пренебрегли «пользой дела».

Ох, уж эта «польза дела» в обход законности! Большие беды она может принести. А самое главное, трудно бывает убедить людей не только в обязатель-

сти нарушала. И трагический случай не заставил себя ждать. Не заклиненный по инструкции рулон в тонну весом неожиданно покатылся из вагона, удержать его не смогли, грузчик внизу не успел вовремя отско-чить — и погиб.

Первым допрашивали инженера по технике безопасности. Молодой человек, недавно окончивший институт, Александр Костомаров производил тягостное впечатление. Уж очень заискивающе и неумеренно каялся. Преданно глядя на судей, инженер отвечал торопливо, глотая слова, если говорил что-либо невпопад или противоречиво только что сказанному, тотчас с извинениями поправлялся. Он соглашался даже с обвинениями в том, в чем никак не мог быть виноватым.

— Подсудимый, вы все же дадите ответы по существу, — сказала судья, — ваше самобичевание ни к чему. Кстати, почему вы не взяли защитника?

— Я полностью доверяю нашему суду. И товарищу прокурору, — подсудимый слегка поклонился в сторону обвинения.

Судья чуть усмехнулась. А мне почему-то показалось: обвини сейчас молодого человека в грабеже и насилии — он и с этим согласится из одного желания быть приятным для судей.

Допрос продолжался. Подсудимый соглашался с тем, что безответственно относился к служебным обязанностям, мирился с нарушением правил техники безопасности и что он достоин самого сурового наказания.

О ДОБРОДЕ И СОМНЕНИИ

ности соблюдения до последней запятой правовой нормы, но, если хотите, в выгоду этого для самого человека. Ложно понятая «польза дела» близка, осязаема, очевидна. Тогда как действие права не всегда ощущаешь сразу. И это сбивает с толку...

В народном суде слушалось дело по обвинению трех человек в нарушении правил техники безопасности. Уголовные дела такого рода обычно возникают, как говорят юристы, по последствиям. Иными словами, когда что-то случится. Ни один прокурор не возбудит уголовного дела только потому, что в бригаде строителей кто-то не надел каску, высотник не подстраховал себя, а грузчик нарушил пункт инструкции о выгрузке вагонов. Прокурор этих нарушений может и не знать. Но о них **должны** знать лица, в прямую обязанность которых входит строжайшим образом следить, чтобы ни одно правило, оберегающее жизнь и здоровье людей, не было нарушено. Для этого должностные лица обладают достаточной властью. Вот только всегда ли ею пользуются?

Итак, судебный процесс... Бригада грузчиков, которой руководил Иван Севастьянович Баруздин (назовем его так), разгружала на железнодорожной станции пульмановский вагон с рулонами бумаги. Делалось все очень просто. Открыли двери вагона, подогнали трап. Двое грузчиков стаскивали рулоны из вагона, а третий принимал их на земле. Один за другим тяжеленные рулоны скатывались по трапу.

И вот тут произошел трагический случай. Погиб человек.

Со стороны кажется, что это очень простое дело — разгрузить вагон бумаги. Однако существует подробнейшая инструкция, где детально и четко расписано, что и как делать: каким образом скатывать рулоны, если они находятся в положении «стоя» или «лежа», если погружены в два ряда, в три. Сказано в инструкции, что под готовящийся к скатыванию рулон предварительно должны быть подложены определенного размера клинья, что стоячий рулон необходимо захлестнуть петлей особым способом, что обязательны определенные стандарты трапа для скатывания рулонов и т. д. — много обязательных и дотошных пунктов в погрузочно-разгрузочной инструкции. Рулоны тяжелы, потому такие строгости.

В ходе судебного разбирательства было установлено: все правила техники безопасности во время погрузочно-разгрузочных работ бригада грузчиков при попустительстве инженера по технике безопасно-

сти нарушала. И трагический случай не заставил себя ждать. Не заклиненный по инструкции рулон в тонну весом неожиданно покатылся из вагона, удержать его не смогли, грузчик внизу не успел вовремя отско-чить — и погиб.

— И все-таки, — прервал его прокурор, — неужели вы даже не пытались навести порядок? Ведь вас назначили на место человека, которого освободили как несправившегося?

— Вообще-то он ушел по собственному. — Инженер замаялся и покраснел. — Не то, чтобы не справлялся... не сработался, как мне говорили, с коллективом.

— Ваш предшественник, — сказала судья, — будет допрошен в качестве свидетеля.

Во время перерыва в коридоре я видел человека, который горячо спорил с бригадиром, подсудимым на этом процессе Иваном Севастьяновичем, и с его товарищами, пришедшими в суд. Он что-то доказывал, кого-то ругал, все это делал безалаберно, глотая слова, напрягая голос почти до крика. Почему я сразу подумал о нем, когда был упомянут предшественник инженера, не знаю, но я угадал.

Между тем Александр Костомаров продолжал давать показания. Он всего три года как окончил институт, характеристики имел преотличные: в них через строчку были слова — «принципиальный», «требовательный», «знающий дело». На нынешней должности работает полгода — перешел сюда с повышением.

С его слов выходило, что он поначалу пытался действовать так, как его учили в институте и как он обязан был действовать в рамках служебных обязанностей. Первыми высказали недовольство грузчики, так как у них была аккордная работа. На требование делать все как положено один из грузчиков сказал ему: «Расписка наша о том, что с правилами ознакомлены, есть? Так чего тебе еще?» Молодой специалист смутился: в самом деле, они же люди опытные, знают, как лучше. В другой раз вызвали к начальству. Инженер запретил разгрузку вагона, ибо не было предусмотренных правилами приспособлений. Ему сказали, что, конечно, он прав в своих требованиях и они будут учтены. В дальнейшем. А знает ли молодой специалист, что такое простой вагон? И знает ли, какие на этот счет коллектив взял обязательства? И правильно ли вставлял палки в колеса, коль скоро за технику безопасности отвечает не только он, Александр Костомаров, но весь руководящий состав? Напомнили туманно и о предшественнике, который не сработался...

— Вздорный был человек, можно сказать, склочник, — так ему сказал директор. — Шагал не в ногу. А если начистоту — злоупотреблял служебным положе-

нием. Все власть свою хотел показать. А о пользе дела, о выполнении плана не думал. Спроси любого — никто не пожалел, когда этот буквоед, формалист и бюрократ ушел по собственному, наоборот, все вздохнули с облегчением...

Увы, молодой специалист внял «наставлениям». И вот под судом...

— Подсудимый, — обратился прокурор к начальнику участка Григорию Демьяновичу Мухину, — где вы были, когда произошел несчастный случай? Правила предписывают вам обязательно быть на месте разгрузки. Так?

— На пять минут отлучился. Разве можно было предугадать?!

— Вы инструктировали людей о правилах техники безопасности?

— Каждый квартал обязательно, расписки есть.

— А как выполнялись эти правила?

— Всегда выполнялись. А тут такой случай. Разве все предусмотреть?

Прокурор попросил встать бригадира.

— Вы всегда заклиниваете рулоны, когда разгружаете? Так, как по инструкции положено?

— А чего их заклинивать? Ломиком придерживали, и все. Если соблюдать, один вагон до вечера не разгрузишь. А за простой вагона с нас, знаете, как спрашивают?

— Наверное, строже, чем за соблюдение правил. Однако, видите, к чему это привело?

— Еще бы! Теперь не знаешь, как в глаза-то жене и

Администраторы, отвечающие за разгрузку вагонов, не могли отменить гуманного закона, надо полагать, даже подумать об этом не решились бы. И все же подчинили закон своим сиюминутным, прагматическим целям. Естественно, прикрывшись высокими словами о производственной необходимости, простоте вагонов и т. д. Да, именно подчинили себе закон. Ибо закон только тогда закон, когда он действует, выполняется. А расставшись с честным и настойчивым исполнителем закона, нашли вместо него «подходящего» человека.

Когда порядок, пусть даже кому-то он кажется громоздким, все же соблюдается, то человек по крайней мере знает всю процедуру, готов к ней приспособиться. Ведь как в нашем быту: если киоск, мастерская или какой-нибудь приемный пункт работают пять, три или даже час в день, но уж точно работают — я свое дело сделаю, изловчусь, но сделаю. А вот если объявлено, что приемный пункт работает с утра до ночи, но на дверях висит знаменитое — «Ушла на базу», вот тогда видится лишь формальная забота о нашем с вами удобстве: «чуть не круглосуточно обслуживаем», на деле же — никакой надежности в обслуживании. (Из этого, конечно, нельзя делать вывод, что предприятия обслуживания могут работать час в день. Хотелось лишь подчеркнуть одну мысль: строго определенный час лучше, нежели неопределенный «целый день»).

Так и в нашем случае. При прежнем инженерном порядке поддерживался, разумный, законный поряд-

Инженер начал возмущаться. Кричать. Грозить. Просил «войти в положение». Контролер был непреклонен, как скала.

— Мое дело маленькое, — отвечал он, — меня тут поставили и дали строгую инструкцию: есть билет — проходи, нет — извини...

— Но у вас в кассе...

— За кассу я не отвечаю.

— Я оставлю вам купюру.

— Это не положено.

Могу понять бешенство инженера, попавшего в глупейшее положение. Между прочим, я бы на месте контролера пропустил инженера. Еще лучше, дал бы ему пятак. Но как бы поступил я, к делу отношения не имеет. Можно ругать личные качества непреклонного контролера, но вряд ли его можно упрекнуть в плохом исполнении должностных обязанностей.

А ведь инженер упрекнул его именно в этом. И не просто на словах. Он написал в управление метрополитена с требованием снять с работы «бездушного бюрократа». Инженеру вежливо ответили: свои должностные обязанности контролер как раз исполнял отменно, виновата во всем касса, обязанная заменять деньги, — и за свою плохую работу кассир справедливо был наказан, но никак не контролер. Извинились перед заявителем.

Это его не удовлетворило. В печенку засел ему непреклонный контролер. Вот тогда и написал он в редакцию, требуя пропесочить и злополучного контролера, и его «покровителей» из управления метро.

ФОРМАЛИЗМ ЛЮДИ ДОБРОТЕ

детям Федора, товарища нашего погибшего, смотреть. Сейчас-то мы задним умом формалиста нашего и зануду, как мы его честили, вспоминаем. У того бы, не-е-т, не прошло бы... Не могло при нем быть несчастного случая.

Думаю, читателю достаточно ясны причины трагедии и расстановка противоборствующих сил: «зануду», который не давал нарушать ни один пункт инструкции, сменил «понимающий нужды коллектива» молодой инженер. И все бы шло, как шло, если бы не случай...

Случай? Но случай всегда сидит в засаде и ждет своего часа там, где заранее допускают, пусть без мысли, его приход.

Прежний инженер по технике безопасности исключил в своей работе случайность. И слыл поэтому бюрократом. Его молодой коллега внял наставлениям людей, которые считали законы необязательными в производственной жизни, и вот результат.

В ходе судебного разбирательства ни разу не была поставлена под сомнение целесообразность существующих строгих правил погрузочно-разгрузочных работ. Более того, все — и подсудимые и свидетели — говорили, что их надо неукоснительно соблюдать. То есть целиком и полностью были за строгий порядок. Теоретически. А практически? Практически заставили уйти с работы принципиального человека. По единственной причине — он бескомпромиссно и строго выполнял закон (в данном случае, правила техники безопасности) и всех заставлял его выполнять. Это и оказалось обременительно. Хотелось «как лучше».

Вот ведь казус: выполнять норму права, которая мало того, что обязательна для всех как норма права, но с которой все согласны, которую все считают необходимой, потому что она оберегает жизнь и здоровье людей, — эту самую норму считали обременительной.

Давайте спросим: а почему, собственно, она обременительна? Ответ может быть только один: сиюминутные, чисто прагматические цели подавили гуманный смысл закона, состоящий в сбережении жизни и здоровья людей. Однако настоящий бюрократ как раз и есть тот, кто ради таких вот сиюминутных, прагматических, своекорыстных целей пренебрегает целями истинными, государственными. А в конечном счете пренебрегает законом, оправдывая это «интересами дела».

Его преемник оказался формалистом чистой воды. Есть расписка рабочих в том, что они ознакомлены с правилами техники безопасности? Есть. Значит, сами правила можно и не соблюдать. Было бы чем отчитаться. Вот вам образец типичного бюрократизма, приносящего нам столько вреда. Скрупулезное же соблюдение пусть самых обременительных, но действующих правил бюрократизмом не назывешь. Это именно панacea от бюрократизма, ибо правила преследуют государственные цели, а их обход — своекорыстные.

Потому-то мы вновь и вновь говорим о благотворности процедуры, строгого соблюдения установленного порядка и утверждаем: безобразия и всякие нарушения создаются не там, где соблюдаются все до запятой правила, а как раз там, где не хватает настойчивости, где хотят «улучшить» порядок, где правовую норму пытаются подменить «здравым» смыслом. Еще Владимир Ильич Ленин настоятельно предостерегал от опасности, которая подстерегает тех, кто целесообразностью пытается подменить законность, то есть фактически прикрыть беззаконие «интересами дела».

В жизни, прежде чем совершить поступок, принять решение, мы часто взвешиваем все «за» и «против». И выбираем наилучший, по нашему разумению, вариант. Это естественно. Но когда наши оценки обстоятельств соприкасаются с оценками норм права, выбор «как лучше» должен быть отодвинут в сторону. Какие бы заманчивые перспективы ни открывали тропки, ведущие в обход закона, они должны быть перекрыты в нашем сознании простым соображением: никогда и ни при каких условиях закон не должен быть нарушен.

Как ни странно, но когда дело касается небольших отступлений и нарушений, то «держат оборону» бывает особенно трудно. Уж тут обвинений в мелочности, бюрократизме и формализме не оберешься. Вспоминается в этой связи один случай.

В редакцию пришло возмущенное письмо от инженера из Ленинграда. Инженер этот рано утром, когда и пассажиров-то было единицы, прибежал в метро — ему надо было срочно куда-то ехать. На беду у него не оказалось мелочи — только десять рублей одной купюрой. А в кассе не оказалось денег для размена. Тогда он попросил контролера, чтобы его пустили без пятака.

Контролер не пустил.

Появилась статья, но не с критикой контролера. Это был повод поговорить о точном и скрупулезном исполнении пусть маленьких, но именно тех служебных обязанностей, которые составляют саму суть должности. В самом деле, есть некоторые правила для каждой должности, которые на первый взгляд могут показаться формальными, но они-то и составляют ее стержень. Кто служил в армии, тот знает, как обязан действовать часовой: известен ему в лицо идущий человек или нет, генерал он или рядовой, без пароля или без разводящего часовой не имеет права подпустить этого человека к объекту. Вот он, благотворный «формализм». Не будь его, вопрос о допуске к объекту решал бы не суровый военный закон, а личная воля рядового Петрова или Сидорова.

То же ведь и с контролером. Только уж очень мизерным казался повод для конфликта — пять копеек. На стадион или в поезд, даже при наличии свободных мест, без билета не пустят, и все скажут: правильно. Здесь же очень многие читатели прислали отклики и сказали: как же так, человек спешил, почему бы не сделать исключение и т. д.

Отнюдь не виною тех читателей-оппонентов. Значит, недостаточно ясно была разъяснена суть вопроса. Или же читатель не был достаточно подготовлен к восприятию закона, должностной инструкции, имеющей для контролера незыблемую силу закона. Да, повод для конфликта мизерный. Но именно на таких «мелочах» и выявляется принцип: как подходить к правовой норме.

В повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» действует замечательный старшина, настоящий герой. Если помнят читатели, поначалу он изображен как эдакий закоренелый служака, формалист, который уперся в букву Устава и ничего не видит. По ходу действия его в этом упрекают.

И старшина Васков дает замечательный ответ: — Устав нам дан, чтобы вдаль смотреть.

Так и закон на производстве. Он не мешает выполнению плана, проявлению трудового энтузиазма, творчеству новатора. Необходимо лишь принять его как незыблемое данное, как таблицу умножения. Тогда и новичок из ПТУ, и молодой рабочий, и специалист, и командир производства смогут смотреть вдаль — делать свое дело, творить и дерзать, не рискуя принести своим незаконным рвением ущерба этому делу.

ЗВЕ НЕ П С НЕ

ПОЙМАЙ МГНОВЕНЬЕ, И БУДЕТ ГОЛ.

Олег СПАССКИЙ.

Фото
Григория ТЕРЗИБАШЬЯНЦА

Спорт в нашей жизни... Это ваша и моя утренняя зарядка. Это ночные бдения минувшего лета у телеэкрана — сказывались два часа разницы во времени между Москвой и Испанией, где проходил чемпионат мира по футболу. Это два урока физкультуры в неделю у дочери-школьницы. Это грандиознейшие праздники современности — Олимпийские игры. И зимний лес, разукрашенный яркими костюмами лыжников. Это утренний бульвар и тропинка, петляющая по берегу реки, ставшие трассой «бега трусцой».

Спорт в нашей жизни... Явление это многолико и многозначно. Неделя ГТО, приглашающая в страну здоровья тысячи тех, увы, немолодых уже людей, кто еще вчера стеснялся своей полноты, возраста, совершенной, казалось бы, непригодности к спорту. И бесконечные матчи мальчишек, гоняющих на дворовой нашей площадке шайбу едва ли не весь день. Поединок баскетболистов ЦСКА и «Жальгириса» в рамках чемпионата страны. И всевозможный смотр-конкурс «Приз «Известий» на лучшую постановку физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы по месту жительства населения, который проводят ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Спорткомитет СССР, ЦК ДОСААФ СССР и редакция газеты «Известия». Спорт в нашей жизни... Это внимание и общественный интерес к победителям, чемпионам. К штангисту, покорившему рекордный вес. К команде, выигравшей золотые медали турнира «Кожаный мяч». К гроссмейстерам, претендующим на право сыграть матч с чемпионом мира. Наконец, к победителям конкурса среди общежитий или среди физкультурно-спортивных клубов подростков.

И еще один срез этого многосложного явления. Спорт, спортивные новости, результаты состязаний — благодатная тема нескончаемых дискуссий, споров, прогнозов, столкновений разных точек зрения. Почему так неудачно сыграли в Испании советские футболисты? По праву ли стали чемпионами мира мастера Италии или они все-таки ничуть не сильнее бразильцев? Сможет ли Гарри Каспаров выиграть матчи претендентов, а если сможет, то устоит ли против Анатолия Карпова? Кто лучше, кто выше классом — Анатолий Фирсов, «звезда» конца шестидесятых годов, или нынешний лидер сборной СССР по хоккею Сергей Макаров? Темы споров бесконечны. И одна из извечных тем — сравнение века нынешнего и минувшего.

«Величина создана временем».

Эти слова я взял из интервью, которое дал чехословацкому журналу «Стадион» профессор Владимир Костка. Костка, напомним, многие годы тренировал вместе с Ярославом Питнером сборную команду ЧССР.

Корреспондент спросил профессора:

— Могут ли сейчас у нас появиться и вырасти новые Холики и Поспишилы?

Костка ответил:

— Нет. Вырастут новые личности. Хоккей очень быстро развивается. «Звезды» уходят в историю, остаются образцом, но их величина была создана их временем...

Едва ли не в те же самые дни, что и интервью чехословацкого профессора, была опубликована (в еженедельнике «Футбол — хоккей») и беседа с нашим

знаменитым нападающим Вячеславом Старшиновым, многократным чемпионом мира и олимпийским чемпионом, который не однажды встречался на хоккейной площадке с нападающими Иржи и Ярославом Холиками, с защитником Франтишеком Поспишилом. Вячеслав тоже размышлял о «звездах», о выдающихся хоккеистах.

Не стану скрывать, позиция Костки показалась мне более близкой к истине, чем суждения Старшинова, который говорил: «...все равно можно только сетовать на отсутствие «звезд» и ведущей тройки, которые всегда украшали нашу главную команду. И — хочу верить — будут украшать снова. Кашу маслом ведь не испортишь. Без «звезд», без выдающихся солистов хоккей, согласитесь, становится немножечко пресноват...»

С этим, с последним утверждением, согласен. А вот что касается начала цитаты...

Почему вдруг Старшинов сетует на отсутствие «звезд»? Не потому ли, что именно тогда — а обе беседы были опубликованы накануне нового сезона 1981/82 года — ушли из сборной, из большого хоккея Борис Михайлов и Владимир Петров, Валерий Харламов и Владимир Лутченко, Геннадий Цыганков и — чуть ранее — Александр Якушев?

Не потому ли, что именно тогда сборная впервые выступала без своей прославленной первой тройки, без тройки, которая возглавляла наш хоккей больше десятка сезонов?

Да, самые знаменитые асы, украшавшие не только отечественный, но и мировой хоккей, больше не выходили на лед. Но следовал ли из этого вывод, что в нашем хоккее нет более ярких «звезд» и тройки-лидера? А может, точнее было сделать иной вывод — о том, что родились новые «звезды»? Благо повод для этого явился превосходный: за неделю до выступления Старшинова наша команда блистательно выиграла «Кубок Канады». Может быть, наблюдая за игрой Сергея Макарова и Алексея Касатонова, Владимира Крутова и Вячеслава Фетисова, Игоря Ларионова и Александра Кожевникова, следовало заключить, что выросли новые личности, величина которых будет создана уже другим, не вчерашним, но сегодняшним временем?

Пожалуй, Старшинов четче и обнаженнее других выразил те настроения, которые получили сегодня

ПЛАВИТСЯ ЛЕД
НА ВРАТАРСКОМ «ПЯТАЧКЕ».

достаточно широкое распространение: хоккей остановился в своем развитии, стал пресноват... хоккей переживает застой... ярких личностей нет... игра, прежде, десяток лет назад, приковывавшая всеобщее внимание, теперь менее интересна... Да и непрерывные победы советских хоккеистов тоже, дескать, снижают интерес к хоккею, ибо все и всем ясно еще до начала очередного чемпионата мира...

Своеобразная ностальгия, тоска по той игре, которая жила вчера, — едва ли не примета времени в спорте.

И речь идет не только о хоккее.

Но и о футболе, баскетболе, волейболе.

Тот же Поспишил говорил мне осенью 1979 года, когда работал я над книгой о первой тройке, что едва сойдут со сцены Михайлов, Петров и Харламов, как сборная СССР утратит свою гегемонию.

Но вот что любопытно — все разговоры о застое в спорте, о том, что нынешним чемпионам куда как далеко до тех, кто блистал вчера, ведутся только вокруг игр, то есть тех видов спорта, где нет очевид-

«СЛУШАЙТЕ ВНИМАТЕЛЬНО».

ЗДЫ АДАЮТ БА

Фрунзенскую, ведущую к Лужникам. Стало быть, интерес к хоккею не утрачен?

Кстати, не об этом ли свидетельствуют и бесконечные баталии мальчишек на площадке, залитой во дворе соседнего дома? Ребята сражаются едва ли не каждый день, причем в воскресенье с утра и до вечера. Играют с удовольствием, с завидным азартом. Ни один из них, насколько я знаю, не занимается в спортивной школе, но все великие энтузиасты хоккея.

Как утверждают статистики, ежегодно в соревнованиях юных хоккеистов, проводимых клубом «Золотая шайба», участвует примерно три миллиона ребят. Но я бы добавил к ним еще несколько миллионов — тех, кто играет не в командах, а только во дворе — трое на

ЧТО ТАМ У ВОРОТ? НЕУЖЕЛИ НЕ ВЫСТоят?

трое или четыре на четыре, а то и — вопреки правилам — семь против семи. Время таких матчей определяется извечной формулой — «до десяти голов, и меняемся воротами».

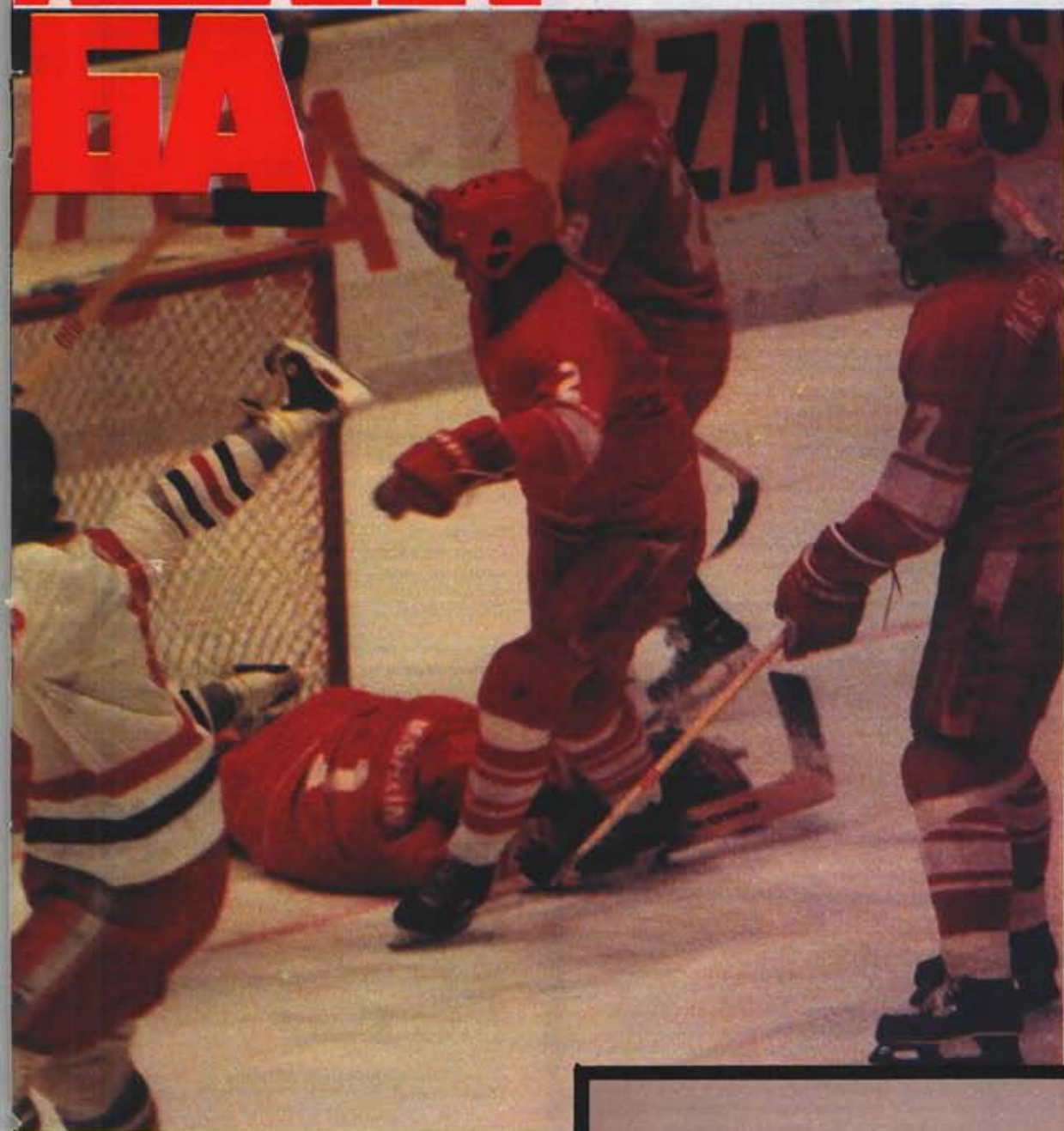
Никакая статистика этих мальчишек не учитывает, но они во многом определяют подлинную массовость хоккея, и если бы только справлялась с экипировкой этой армии хоккеистов наша промышленность, если бы только хватало на всех клюшек, шайб, коньков, разнообразной спортивной амуниции...

Но вернемся в большой хоккей. Разве сегодня Игорь Ларионов и Виктор Шалимов играют хуже, умеют меньше, чем сверстники Старшинова, чем Борис Михайлов и Геннадий Цыганков, игравшие совсем недавно?

Очевидных критериев для сопоставления уровня мастерства как будто бы нет.

Правда, партнер Старшинова по сборной страны, его ровесник, трехкратный олимпийский чемпион Александр Рагулин, оценивая игру Фетисова, замечает: «Наверное, нынешние сильнее защитники — не только Фетисов, но и его партнер Алексей Касатонов, как и другие ведущие защитники ЦСКА и «Динамо», пошли в чем-то дальше нас. Они научились все делать чуточку быстрее, чем удавалось это игрокам обороны лет десять назад. И это естественно: к нынешним игрокам сборной предъявляются иные требования. И сегодняшние защитники должны отвечать этим требованиям. Возросли скорости, насыщенность, плотность хоккея. Теперь игроки обязаны успевать выполнять в единицу времени, за одну смену, больше тактико-технических приемов, чем мастера, выступавшие на рубеже шестидесятых и семидесятых годов. Иной хоккей — и иные мастера».

Правда, старший тренер сборной СССР Виктор Васильевич Тихонов разъясняет в интервью «Спортивной Москве»: «Существует ошибочное мнение, что хоккей как игра консервативен, стоит на месте. Может быть, с трибун его прогресс не так заметен, но уверяю вас, что уровень выдающихся мастеров, которых мы совсем недавно проводили из сборной, уже через два-три сезона будет средним для большинства игроков высшей лиги. Меняются правила, меняется система игры, шлифуются, доводятся до

ных критериев для соизмерения уровня мастерства спортсменов, выступавших в разные годы. Не вызывает у болельщиков сомнений прогресс пловцов, легкоатлетов, штангистов, где существует возможность сопоставления результатов, поскольку они измеряются и вчера и сегодня в тех же неизменных секундах, метрах, килограммах. Прогресс несомненен, скажем, в гимнастике, где десять лет назад тройное сальто или «перелет Делчева» были немыслимы, но вот что касается хоккея, то здесь почва для гаданий благодатная. Как, впрочем, и для сетований на сегодняшних мастеров.

— Нет, теперь не то...

Эту фразу слышишь то на трибуне, в ложе прессы, то в компании болельщиков, тоскующих о вчерашних героях.

А почему, собственно, не то? И в чем это проявляется?

Сборная СССР уверенно победила на двух последних чемпионатах мира, хотя и приехала команда на эти турниры уже без своих блистательных лидеров. На майский матч ЦСКА и «Спартака» «лишний билетик» спрашивали на станции «Парк культуры», на переходе с кольцевой линии на Кировско-

СТРАЖИ ПОРЯДКА — ВСЕГДА НА СТРАЖЕ!

совершенства мельчайшие детали. Стоит остановиться, и можно безнадежно отстать...»

Наверное, Тихонов прав. С трибуны, бывая на матчах от случая к случаю, у экрана телевизора, когда отвлекают внимание то телефонный звонок, то закипающий чайник, изменения, происходящие в популярной игре, прогресс хоккея подметить труднее, чем находясь в игре, внимательно наблюдая за тем, чем живет хоккей.

Существуют, однако, и вполне очевидные, по моим представлениям, свидетельства роста мастерства нынешнего поколения хоккеистов в сравнении с тем, что знали и умели их коллеги, выступавшие в начале шестидесятых или семидесятых годов.

Одно из возможных — сопоставление результатов встреч с самым неудобным и квалифицированным соперником. С профессионалами канадо-американской Национальной хоккейной лиги.

Команда Александра Альметова и Вениамина Александрова, Бориса Майорова и Анатолия Фирсова не успела провести официальные встречи с хоккеистами НХЛ. Лишь однажды попробовали они свои силы за океаном во встрече с профессионалами. Они играли с юниорами клуба «Монреаль канадиенс», усиленными шестью игроками взрослой команды, в числе которых был и знаменитый страж ворот Жак Плант — в ту пору было ему, правда, под сорок лет. Наши проиграли 1:2.

В 1972 году была проведена первая серия матчей с профессионалами. Из восьми матчей канадцы выиграли четыре, мы — три. Матчи показали, что уверенность, касающаяся неоспоримого превосходства профессионалов над любителями, беспочвенны.

А канадцы в ту пору еще искали оправдания, какие-то объяснения своих поражений, и главное из них заключалось в ссылке на неудачное время, выбранное для проведения серии: они, мол, в отличие от советских хоккеистов не умеют, никогда не пробовали подходить к пику формы так рано — в конце лета и в начале осени.

«Челленджер кап» («Кубок вызова») наша команда выиграла у сборной «звезд» НХЛ в самый разгар сезона, в феврале, причем в решающем матче счет оказался загадочным (для заокеанских специалистов) и почти неприличным (для рядовых болельщиков клубов НХЛ) — их команда проиграла 0:6.

Еще более оидным представляется родоначальникам мирового хоккея итог финальной встречи Кубка Канады, сыгранного в 1981 году, где наша команда обыграла канадцев 8:1. На непривычной, замечу, по размерам площадке, на поле соперника, где публика страстно поддерживала своих.

Но если команде Владислава Третьяка, Владимира Крутова, Сергея Шепелева удалось с блеском решить ту задачу, которая была не по силам их старшим товарищам, то не вправе ли мы предположить, что нынешние «звезды» пошли дальше тех, кто определял лицо советского да и европейского хоккея в середине шестидесятых и семидесятых годов?

Согласен — хоккей стал менее эффектным, чем раньше. Сегодня едва ли возможны те впечатляющие рейды, которыми поражали воображение болельщиков Всеволод Бобров и Вениамин Александров, Анатолий Фирсов и Александр Якушев. Хоккей и хоккеисты стали квалифицированнее.

Не об этом ли, кстати, свидетельствуют и матчи прошлогоднего чемпионата мира? Возможно, любители хоккея помнят, что канадцы потеряли тогда очко в матче против итальянцев, которых, кажется, не только болельщики (что простительно), но и некоторые тренеры и хоккеисты (что совсем непростительно) не принимали всерьез, что команда Чехословакии проиграла соперникам из ФРГ. Конечно же, правы тренеры сборной СССР Виктор Васильевич Тихонов и Владимир Владимирович Юрзинов, писавшие после чемпионата мира, что команды, не претендующие на призовые места, достигли сейчас такого уровня мастерства, что в матчах с ними лидеры мирового хоккея не могут позволить себе ни малейшего послабления.

Сегодня голов стало, пожалуй, меньше. Сегодня едва ли возможна победа одной команды над другой с разницей в два десятка шайб. Голы стали доставаться труднее. Шайбы, влетающие в ворота соперника, — цель игры, восклицательные знаки в летописи матча. Но если хоккей стал более сложным, напряженным, трудным, то неужели следует его поэтому считать менее интересным?

Напряженная борьба, схватка равных соперников — украшение спорта. И добиться успеха сегодня ничуть не легче, чем раньше. Скорее наоборот. Говорят о бесконечных успехах нашей сборной. Они есть, эти успехи, но... Надо ли напомирать, что олимпийскими чемпионами мы не стали? Потерпели неудачу именно те асы, которые сокрушили канадских профессионалов. Те асы, которых вела наша легендарная первая тройка.

Стало быть, успех не гарантирован в хоккее никому. Хоккей не утратил ничуть в своем характере — норвистом, трудно управляемом. И сегодня в хоккее нельзя стать чемпионом навсегда. Только на год.

Хоккей, конечно же, меняется. Не может не меняться.

И особенно разительные перемены происходят в последние годы, когда лицом к лицу сошлись две принципиально разные школы хоккея, столкнулись две концепции игры. В матчах ведущих мастеров НХЛ и советских спортсменов хоккеисты все эти годы не только боролись за победу, но и учились друг у друга, перенимая, осваивая то, что казалось им полезным и перспективным. Я разговаривал на эту тему с крупнейшим нашим знатоком хоккея Архадием Ивановичем Чернышевым, и он заметил, что в противостоянии двух школ «рождается новый хоккей, заимствующий разные черты игры, отличающие как хоккей привычный нам, европейский, так и хоккей заокеанский. Он вбирает в себя тактическую многокрасочность, комбинационность, сложность нашего хоккея и жесткость, напор, азарт, скорострельность хоккея канадского. И тот, кто быстрее и глубже постигнет закономерности этого своеобразного гибрида, кто раньше и успешнее освоит его на практике, тот и станет чаще побеждать в международных матчах».

Когда же я спросил Чернышева, как меняется внешний рисунок игры, он ответил, что игра стала более сложной, хоккеисты теперь действуют тоньше, хитрее, чем десять лет назад. Наши ведущие команды (как и сборная СССР на международной арене) прежде заметно превосходили соперников и в скорости передвижения хоккеистов и в их выносливости. Но сегодня все главные претенденты на медали тренируются так же, как и мы, все освоили «секреты» физической подготовки. Теперь команды Чехословакии или, скажем, Швеции не уступают нашим мастерам в скорости, в умении поддерживать высокий темп до последней минуты матча. Скорости хоккея растут, и потому победа приходит только к тому, кто умеет играть тактически более разнообразно — против одного соперника не так, как против другого.

Подводя итоги сказанному специалистами о современном хоккее, замечу, что в их размышлениях — ответ на вопрос, в каком направлении меняется популярнейшая игра. И в этих же наблюдениях — опровержение всех сомнений скептиков.

Мы с удовольствием, но и с печалью вспоминаем, «какими мы были». Вспоминаем охотно и часто ушедшее, бывшее, то время, «когда деревья были большими», и в этих воспоминаниях дни нашей молодости кажутся чаще всего необыкновенно радостными, светлыми, насыщенными яркими красками и по-особому привлекательными. Тем большего уважения заслуживают знаменитые люди, достигшие в свое время громких побед и у кого тем не менее достает сегодня сил трезво воспринимать успехи тех, кто сменил их, кто занял их место, придя в большой спорт «на новенького», как говаривали когда-то мальчишки нашего двора.

Анатолий Владимирович Тарасов, авторитетнейший специалист, тренер, которого американская и канадская печать называет «отцом советского хоккея», человек, влюбленный в свое дело и в тех, кто вместе с ним, рядом с ним служил этому делу, писал минувшим летом в «Советском спорте», повторяя едва ли не дословно рассуждения его давнего друга и единомышленника Чернышева: «Было время, когда мы опережали главных соперников лишь в отдельных компонентах и все же добивались успеха. Так, нашим исконным преимуществом был высокообразованный атлетизм, что позволяло добиваться превосходства и в сумме скоростного маневра и в игровой выносливости. На этом основывались и командные тактические построения». В ту пору у нас не было, по мнению Тарасова, — и об этом он прямо писал в книге «Хоккей грядущего», — «звезд» такого масштаба, как в НХЛ. Автор книги признавал: «Канадские профессионалы в игре один на один наверняка переиграют наших лучших мастеров». Сегодня же, считает Анатолий Владимирович, наша сборная в дни «Кубка Канады-81» опережала канадцев «даже по количеству выдающихся игроков, хотя у канадцев, по сути дела, весь состав был из «звезд», «звезд» по крайней мере по североамериканским понятиям».

Так нет ли в этих словах маститого тренера ответа еще на одно утверждение скептиков, жалующихся, что в нашем хоккее не стало «звезд»? Мне кажется, что Тарасов имеет право на любые сопоставления — в конце концов в его, Тарасова, команде играли Александр Альметов и Эдуард Иванов, Вениамин Александров и Анатолий Фирсов, Владислав Третьяк и Валерий Харламов — хоккеисты, которых мы с гордостью именовали выдающимися.

Зряшная это затея — сравнивать хоккейные асы прошлого и настоящего. И, право же, нет никаких оснований жаловаться, что нет сегодня великих. Есть они, есть. Только имена у них другие, не столь пока громкие в силу одной только причины — молоды они слишком и лишь оттого не стали еще «семикратными» и «десятикратными». Да и игра их непохожа на ту, что воодушевляла трибуны и телезрителей полтора десятка лет назад. Но интересная эта игра. Сложная. Умная. Более жесткая, силовая, более плотная, чем прежде.

Есть «звезды», есть, но их величина создана и измеряется их временем.

Алексей СОФРОНОВ

Земля

Берегите Землю,
она прекрасна и маленькая.
Юрий ГАГАРИН

За ночью
наступает день —
красная зоря к багряному закату.
Само собой...

Почки тугие
превращаются в пахучие листья —
зеленая оболочка жизни.
Само собой...

Выглянули
из подтаявшего снега
глаза весны —
синие-синие подснежники.
Само собой...

Вспыхивает над полем
миниатюрная радуга —
бабочка.
Само собой...

Земля
дарит нам неземное чудо —
любовь.
Само собой...

Взгляды столкнулись,
словно лучи прожекторов
ночных пограничных дозоров, —
ссора.
Само собой...

Весна.
Гудят радостно пчелы —
избыток жизнетворного нектара —
свадьба.
Само собой...

Рождается ребенок,
очень бережные руки акушерки —
человек родился.
Само собой...

Мир притих:
малыш произнес слово:
— Мама!
Само собой...

Резец,
ведомый гениальной рукой
скульптора,
высекает из камня одушевленное —
Венера Милосская.
Само собой...

Взмывает высоко Сокол;
взвизгивает Раскольников,
спокойный Каратаев —
Толстой,
Достоевский, Горький.
Само собой...

Склоняет
всегда человечество
голову —
гиганты:
Бетховен,
Бах, Чайковский.
Само собой...

В
уже незагадочном космосе
светло —
улыбка Гагарина.
Само собой...

А
гремят где-то взрывы,
раня землю,
убивают по-прежнему
пулей
на земле человека —
Человека!
Не само собой!
Не само собой!
Не само собой!

А ЧТО У ВАС?

ГДЕ БЫЛА
БИТВА НА КАЛКЕ?

●
**Барьер
браконьерам**

творческий
отпуск
рабочего

●
Снегоболотоход—
транспорт
северян

ГИПОТЕЗЫ

**Калка —
Конка!..**

У кого в памяти при упоминании 1223 года не вспыхнет красной строчкой: «...первая битва русских воинов с полчищами Орды на реке Калке»? Однако вот вопрос: где она, эта таинственная Калка? И по сей день среди историков нет единого мнения о том, где искать «место каменисто», на котором был расположен боевой лагерь киевского князя Мстислава.

— По летописным данным, — рассказывает запорожский краевед, член археологической секции общества охраны памятников истории и культуры В. Архипкин, — мы с моим коллегой Владимиром Шовкуном выяснили, что русские князья, помогая половцам в борьбе против орды, собрали свои рати на Днепре вблизи острова Хортица. Разбив у Протолчего брода передовые вражеские отряды, русские полки двинулись в степь и через восемь дней достигли Калки, где позже и разыгралось сражение.

Распространена версия, будто бы битва произошла в районе Каменных могил на территории Запорожской и Донецкой областей, а река Калка не что иное, как сегодняшний Кальчик. Однако трудно предположить, что войско орды, выступив из Крыма и двигаясь на север Руси, повернуло от плавневой части Днепра в опустошенную ею же половецкую степь. И для чего? Чтобы стать там лагерем у пересыхающей речушки?..

Кроме того, — продолжает рассказ В. Архипкин, — нам здорово помогла и топонимика. Мы проанализировали древние названия местных рек. По всей вероят-

ности, Калка — древнеславянская транскрипция половецкого названия Калкан-Су, что означает «Водный щит». Эта же река по-татарски именовалась Йолкинсу — «Конская вода». И, значит, можно предположить, что современная наша Конка и есть та самая загадочная Калка, а «место каменисто» — холм у реки в двух километрах от села Юльевка, что вблизи Запорожья.

Догадки местных краеведов подтверждаются и «вещественными доказательствами», обнаруженными в здешних местах. И сегодня тут время от времени находят «куски ржавого железа»: наконечники стрел, однажды на берегу был случайно выкопан древний железный якорь. Недавняя экспедиция нашла рукоять меча, бронзовую печать с изображением льва периода Киевской Руси, некоторые другие памятники старины. Но детальное исследование археологами этой местности, именуемой Саурмогилой, еще впереди.

Юрий СУШКО

**ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО
Женьшень
по-белорусски**

Ученые доказали, что корень женьшеня, выращенный на плантации, по своим целебным свойствам не уступает дикорастущему. У нас, в Белоруссии, Василий Александрович Боросевич на своем приусадебном участке выращивает богатую плантацию корня жизни: двадцать грядок, около двух тысяч корней возрастом до десяти лет. Корни крупные — иные тянут до 330 граммов.

Ян КУРАКИН

ке, завоевавшие призовые места на фестивале документальных лент.

Гость вечера — агитбригада географического факультета, один из лучших самодеятельных коллективов МГУ, выступила с оперой-эпопеозой «Армагеддон грядущий, или Среда, которую мы выбираем». А кантри-группа «Интер-куррьер» юридического факультета исполнила цикл песен на тему охраны природы.

**Елена САМОЙЛОВА,
студентка
факультета журналистики**

УВЛЕЧЕНИЯ

ПЯТНАДЦАТЬ ЖИЗНЕЙ СЛЕСАРЯ ПОЖИДАЕВА

Сам он так и говорит: «У меня всю жизнь было стремление сниматься в кино». И бывший шахтер, монтажник-верхолаз, а ныне слесарь Артемовской мебельной фабрики в Донбассе Владимир Пожидаев мечту свою осуществил.

За пять лет на семи киностудиях страны он сыграл пятнадцать ролей. Среди них — мастер цеха дядя Коля в фильме «Утро вечера мудренее», шахтер Сыркин в «Фактах минувшего дня», охотник Фомушкин в ленте «Два долгих гудка в тумане», водитель

микроавтобуса в «Осеннем марафоне» и т. д.

Как правило, администрация фабрики, где работает актер-любитель, предоставляет Пожидаеву творческий отпуск, необходимый для съемок в очередной картине. В последний раз творческие дни понадобились слесарю прошедшим летом: тогда Одесская киностудия приступила к съемкам фильма по мотивам рассказа В. Короленко «В дурном обществе».

Елена ВАСИЛЬЕВА

**ФОТО
ИЗ ПОЧТЫ
МЕСЯЦА**

Из Вилегодского района Архангельской области вернулась экспедиция юных мастеров прикладного искусства городского Дворца пионеров. Ребята встречались в деревнях с опытными народными художниками, учились у них искусству видеть, овладевали различными приемами работы.

На нашей фотографии — будущий мастер художественной обработки бересты Илья Иванкин.

А руководитель кружка прикладного искусства Владимир Николаевич Бурчевский мечтает о том — видимо, уже скоро — времени, когда на базе кружка откроется во Дворце пионеров музей прикладного детского творчества.

Фото Владимира МАШАТИНА

ИСПЫТАННОМУ — ВЕРИТЬ

**ПО ВОДЕ,
КАК ПО СНЕГУ,
И ПО СНЕГУ,
КАК ПО ЗЕМЛЕ**

Широкому кругу читателей знакома машина, уже много лет работающая на Крайнем Севере, — снегоход. Преиму-

щества снегоболотохода — широкие обрешиненные гусеницы, мощный мотор. Скорость по снегу — 30 километров в час. Корпус сделан в форме лодки с широким днищем, материал — легкие сплавы, движитель — те же гусеницы, которые при движении по воде работают как гребные колеса. Закрытая кабина и крытый кузов качественно изменили условия труда водителя — даже в пургу и сильные морозы в кабине тепло. Кроме того, можно взять на буксир передвижной домик, в котором стоят печь, стол, кровать, что в условиях Крайнего Севера удобно.

Машина сконструирована в городе Норильске, в Институте сельского хозяйства Крайнего Севера.

**Анатолий ЛЕЛЬЕВР.
Фото автора**

«СМЕНИ»

На вопрос читателя отвечает старший юрист-консультант Госкомтруда СССР Александр Киселев

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Я хочу перейти на работу в другую организацию, но не знаю, смогу ли получить отпуск летом. В прошлом году я не отдыхал, поскольку устроился на работу только в начале 1982 года.

**Л. БОГДАНОВ,
г. Орск**

Отпуск за первый год работы предоставляется через одиннадцать месяцев непрерывной работы на данном предприятии.

По общему правилу, при увольнении работника должен быть произведен полный расчет, в том числе выплачена компенсация за неиспользованные дни отпуска. Если же работник переведется на другое предприятие (в учреждение или организацию), так и не успев отгулять отпуск по прежнему месту работы, администрация может пойти ему навстречу и дать отдохнуть в удобное для него время, предоставив отпуск авансом.

При этом отпуск должен быть полной продолжительности и с полной оплатой, а не даваться пропорционально отработанному времени или с частичной оплатой, как это практикуют некоторые руководители. Пропорциональное исчисление отпуска допускается только в случаях, специально оговоренных в законодательстве, а именно: для учителей, преподавателей и некоторых других категорий работников.

Как правило, отпуска предоставляются в любое время рабочего года по утвержденному графику.

ОТ РЕДАКЦИИ: Юридическая консультация «Смены» продолжает работу. Ждем ваших вопросов. На каждый из них будет дан ответ — или на страницах журнала, или отдельными письмами.

ЭКОЛОГИЯ

ДРУЗЬЯ ПРИРОДЫ

Молодежный совет МГУ по охране природы организовал вечер на тему «Человек — общество — природа».

В фойе и залах Дворца культуры университета демонстрировалось оружие и снасти, отобранные у браконьеров во время рейдов и операций факультетских дружин по охране природы. Были показаны научно-популярные фильмы по экологической темати-

Впервые услышал и эти слова от старого кольского промысловика Андрея Ивановича Шиннова: «Камень человека затягивает, что твое болото. Один поднял, другой, а там, глядишь, и забыл обо всем, одна мысль тобой овладевает — найти такой, чтоб по чуднее, подиковнее прочих». Показывал мне Шиннов редкие по красоте опалы и сердолики, дметисты и агаты, с точностью вспоминая, где и когда нашел тот или иной камень и как он ему тогда «глянулся». И в бледно-голубых глазах его вспыхивал радостный огонь, быллой удачи, когда касался он пальцами особенно дорогой для него находки.

А ведь когда-то Шиннов был едва ли не самым добычливым охотник-промысловик. Много брал белки и соболя, ходил один на медведя. Но подняв как-то со дна мелкой реки несколько голубоватых опалов, ощутил вдруг страсть по сильнее охотничьей, затянул Шиннова камень, околдовал. И стал он искать камни. Сдавал промысловик найденное государству, и весело у него на душе — кого-то из людей обрадуют, покорят его находки, вот только откроют их подлинную красоту мастера-обработчика.

Давно была та наша встреча. Не знаю, промышляет ли еще Шиннов... Но слова его насчет камня, который затягивает, помнились. И вдруг услышал их вновь от человека, никогда не знавшего Шиннова, но тоже

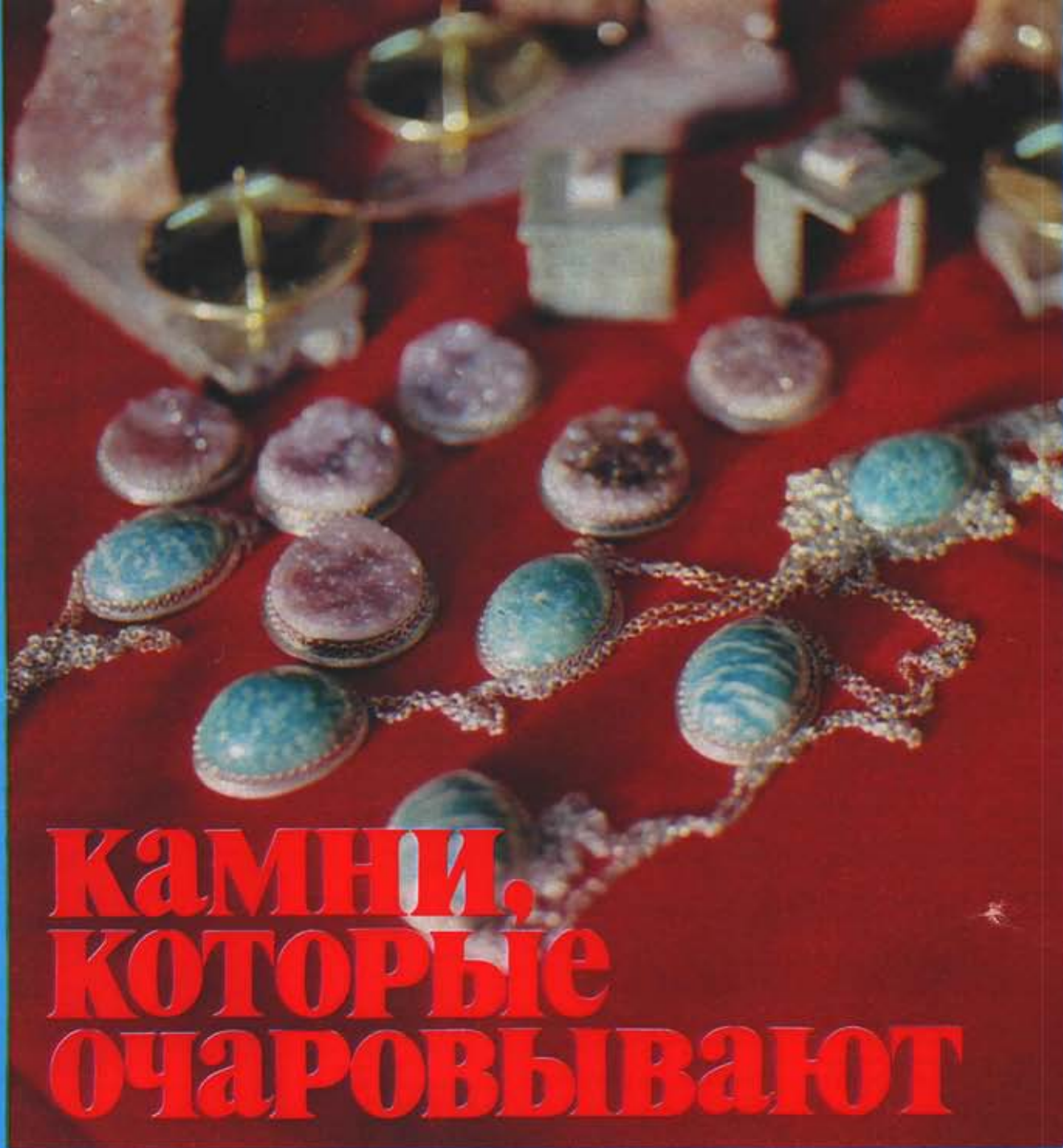

по-своему влюбленного в камни. Было это уже в Мурманске на художественно-экспериментальном предприятии «Кольский сувенир», выпускающем разнообразные, покоряющие изяществом изделия из оленьего рога, меха, карельской березы. И из кольских камней.

Обойдя немало пехов, зашли мы наконец на участок камня (так он и называется) и остановились изумленные. В щиках, на стеллажах, на подоконниках, просто на полу покоились богатства кольских недр во всем их многообразии и красочности. Каких только камней здесь не было — белый и черный доломит, голубовато-зеленый с розовыми прожилками амазонит, осколки эвдиалита, известного больше под именем лопарская кровь, разных оттенков хибинит, апатит, отдельно в специальной вазе сверкали гранями знаменитые аметисты — от чернильного, почти черного, до алого.

Работало в тесном, небольшом пехе совсем незного людей, кто камни по цвету и размеру сортировал, кто скалывал крошечным молоточком с камня инородную породу. Но более всего заинтересовал нас молодой еще совсем мастер. Легким поворотом рукоятки управлял он алмазным диском, который у нас на глазах, бешено крутясь, рассекал амазонитовую глыбу. Крошка изпод твердешего в мире резца голубоватой пылью оседала на руки резчика, на железные бортики ограждения. Кончив дело, Владимир Коробов, так звали мастера, выключил мотор камнерезки, поднял диск и взял в руки еще горячий амазонит.

— Чудный камень. Податливый, легкий, радостный, благодарный. А ведь раньше бросовым считался, пока не попробовали его обрабатывать.

Камни, которые очаровывают

— Что значит благодарный?
— Откроешь его, отполируешь, так он и благодарит мастера своей игрой и лучезарностью.

Тут и спросил Владимира Коробова о том, как он стал резчиком, не наследственное ли в нем это.

— Нет. Попал в камнерезы случайно. Попробовал одно, другое, загорелся было электротехникой. Но не прошел по конкурсу в техникум. И чтобы как-то год скоротать, пришел в «Кольский сувенир». И пропал во мне электротехник, камни очаровали. А теперь уже я отсюда никуда, мне моя работа дорога.

Рассказал нам Владимир многие секреты обработки кольских камней, каждый из них требует от мастера своего подхода. И самое удивительное, нет одинаковых камней, они

**КРОПОТЛИВЫМ ТРУДОМ
МАСТЕРОВ — РЕЗЧИКОВ
И ЮВЕЛИРОВ ПРЕОБРАЖАЮТСЯ
КОЛЬСКИЕ КАМНИ,
ОТКРЫВАЯ ЛЮДЯМ
СВОЙ ИСТИННЫЙ
СВЕТОНОСНЫЙ ЛИК.**

разнятся друг от друга — как люди. И открыть истинную красоту камня не легче, чем нарисовать портрет человека.

Но мало открыть. Уже отполированный, тот же амазонит воссияет, удивит богатством лазоревых красок только в достойной оправе. А сделать хорошую оправу — для этого надо знать металл, уметь сплести из него тончайшее кружево, вычернить, а то и оставить белым, своего цвета. Опытные филигранщики, работающие на предприятии,

ищут свои рисунки, свой почерк. Подчас долгие дни бьются они над решением одного звена оправы, узла, как называют они сами, не всегда даже приметного с первого взгляда: оправа должна подчеркивать достоинства, своеобразие камня.

Богаты недра Кольского полуострова. Одних камней насчитывают специалисты здесь около 600 разновидностей. На предприятии, о котором идет речь, обрабатывают не больше двух десятков. Это пока. Разгадывают художники, технологи секреты обработки новых камней. Но и те, что успели здесь освоить, превращают руки кольских мастеров в удивительные по красоте украшения, которые теперь уже соперничают со знаменитой работой их уральских собратьев.

ЗВУЧАЩИЕ ЛИЦА АВТОГРАФЫ ПАНОРАМА

Московская синтез-группа «Панорама» — единственный пока что в нашей стране профессиональный вокально-инструментальный ансамбль политической песни.

Лауреат премии Московского комсомола, победитель и призер многих международных и всесоюзных конкурсов политической песни, ансамбль «Панорама» успел завоевать симпатии любителей и знатоков современной популярной музыки. Хотя и невелика биография ансамбля, зато гастрольным маршрутам синтез-группы могут позавидовать многие их коллеги по эстраде. В составе «поездов дружбы», организуемых ЦК ВЛКСМ, ансамбль объехал всю страну, побывал на гастролях в Венгрии и ГДР, а в дни Олимпиады-80 принял самое активное участие в ее культурной программе.

— Четыре с лишним года мы выступаем перед молодежной аудиторией. И не было, пожалуй, такого концерта, где бы нас не спрашивали, что означает «синтез-группа» и каков смысл названия «Панорама», — рассказывает руководитель ансамбля Михаил Томлин. — Поэтому мы взяли себе за правило строить так свою концертную программу, чтобы ответы на эти вопросы были очевидны без лишних справок.

Популярная музыка во многом синтетична — раз.

Фото
Владимира
ВАСИЛЬЕВА

НЕТ «ЛЕГКОЙ» МУЗЫКИ

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ:

О проблемах песни, о современном ее слушателе — на эти темы с известным советским композитором беседует специальный корреспондент «Смены» Лариса КУДРЯВЦЕВА.

— Микаэл Леонович, ваше мнение о популярной песне...

— Скажу сразу: понятие «популярная песня» очень спорное. Действительно, что это такое? Какие произведения можно отнести в этот разряд?

Есть песни, которые сразу становятся известными, их играют везде, они, как говорится, на слуху. Но песни эти иногда бывают далеко не того качества, они неинтересны, нехороши, банальны, даже пошлы. И все же они... популярны.

А есть песни другие — высокого класса. В них есть новое, оригинальное: и музыкальное, и гармоническое, и в подходе к обработке материала; они окрашены особым, своеобразным талантом. Многие из них постепенно входят в жизнь и становятся популярными не сразу, а гораздо медленнее.

Скажем, что популярнее: грандиозная, на мой взгляд, одна из самых лучших песен — «Нежность» Александры Пахмутовой или, не желая ничего плохого сказать об авторах, — «Пора-пора порадуемся»? Какая больше известна и больше играет? Конечно, «Пора-пора порадуемся». Вопрос только — где: в аудитории серьезной или неприятельской? А лучшая из них — конечно, пахмутовская: по классу, по мысли, по структуре материала. Это общепризнанно, бесспорно.

Критерий в определении качества песни только по ее популярности ни в коем случае не может стать единственным. Нельзя забывать, что песня является произведением искусства, частью общей музыкальной культуры.

Некоторые же рассматривают назначение песни лишь как средство обслуживания музыкальных потребностей масс: мол, это не более чем модный мотылек. Возникла целая отрасль коммерческой музыки, целый жанр так называемой «ресторанной» музыки. Мы объединили танцы и еду. Хотя должен сказать, что в ресторанах вовсе не обязательно играть такую музыку, из-за шума которой невозможно спокойно есть и разговаривать с соседом по столику. Мне такая музыка не близка, и потому, надеюсь, мы не станем о ней говорить.

Так как же написать такую песню, которая затронула бы сердца? Любой, кто вам скажет, что есть определенные секреты ремесла, открывающие дорогу к популярной песне, вас обманет. Таких рецептов нет. Правда, есть шаблоны, их предостаточно. Тут все очень просто: в песне должна быть та интонация, которая вчера была уже слышана, но не совсем она, должен быть «запах» ее, элемент этой интонации. Она и похожа и непохожа. В таком случае она «падает в уши» гораздо легче.

В песню сознательно вводятся два-три элемента уже слышанных интонаций, два-три элемента текстовых оборотов, она замешивается на ритме, который моден сегодня. Вот вам и «произведение», которое имеет больше шансов обрести популярность. Но имеет ли оно какое-либо отношение к искусству? Ни малейшего.

Истинные композиторы вкладывают в песню свою жизнь. И высшей наградой тогда — признание народа. Но не любое признание и не любой ценой. Успех «Дня Победы» и «Как прекрасен этот мир» Давида Тухманова или «Я шагаю по Москве» Андрея Петрова — это высокий успех. Эти песни, как и все настоящие произведения искусства, не умирают.

Песни-мотыльки умирают мгновенно. На это они в принципе и рассчитаны.

— Как вы думаете, приближает ли увлеченность легкой музыкой к пониманию серьезной?

— В последнее время появилась очень неприятная тенденция, которая беспокоит и меня и моих друзей-музыкантов. Тенденция резкого, жесткого разделения аудитории. В одном лагере люди, любящие, понимающие, воспринимающие серьезные жанры музыки: камерную, симфоническую, балетную, оперную, и песенную тоже, отчего бы и нет. В другом — люди, воспринимающие только развлекательную музыку. Тех, кто ходит в Малый зал консерватории, редко увидишь на эстрадных концертах.

Интерес к рок-операм Алексея Рыбникова «Звезда» и смерть Хоакина Мурьеты и «Юнона» и «Авось» отнюдь не исключает интереса, скажем, к операм Родиона Щедрина и Андрея Петрова. Интерес к хорошему джазу, к примеру, группе Алексея Козлова «Арсенал», не исключает интереса к классической музыке.

Вот еще о чем мне хотелось напомнить: музыка

требует вслушивания. Невозможно понять гениальную, но простую «Лунную сонату» Бетховена, начав прослушивать ее с середины. Она идет в развитии, она идет в драматургии. Непременно от начала и до конца нужно слушать и рок-оперы того же Рыбникова. Примеров можно привести множество.

В последнее же время происходит странная метаморфоза: музыка становится фоном! Мы приучаем себя к этому. Сегодня мы живем среди огромного звукового фона. Даже в самолете нет от него покоя. Да-да, я говорю о том нововведении Аэрофлота, когда на протяжении всего полета сквозь рев турбин хрипло пробивается что-то непонятное. Студенты занимаются под музыкальный аккомпанемент, хозяйки готовят обед под музыку, научные работники пишут диссертации на звуковом фоне. Чем это грозит? Человеческий слух в конце концов ко всему адаптируется. Если у вас за окном день и ночь гудит циркулярная пила, то на третий-четвертый день слух перестает воспринимать эти звуки и автоматически «вырезает» этот шум. То же получается, когда фоном становится музыка.

Сведение музыки на уровень фона мне кажется большой бедой для людей. Музыка, и серьезная и легкая, требует внимания, сопереживания, вслушивания.

— Каковы, по-вашему, пути воспитания музыкальной культуры молодежи?

— Первый путь и самый главный — надо начать постоянно делать то, что мы, к сожалению, пока делаем эпизодически: прививать музыкальную эстетику со школы. Я считаю, что первоочередная задача и комсомола и Союза композиторов СССР — активнее воспитывать музыкальный вкус юных.

В школе мы занимаемся литературой, родным языком, математикой... Но музыкой мы почти совсем не занимаемся. А сегодня, и это нужно иметь в виду, с развитием каналов средств массовой информации: радио, телевидения, грамзаписи — именно музыка является важнейшим звеном в воспитании эстетической культуры.

Я не призываю к тому, чтобы все обычные школы превратились в музыкальные. Нет. У нас довольно широко развита сеть музыкальных школ, училищ. Те, кто увлекается музыкой, пытаясь овладеть знаниями, близкими к профессиональным, получают все необходимое там. Ну, а как быть с остальными?

А мы исполняем композиции в разных стилях — «рок», «кантри», «диско». В нашем оркестровом арсенале синтез современных музыкальных средств от чистого и нежного голоса флейты до мощного голоса электронного синтезатора — два. Без всего этого подчас невозможен крепкий контакт со сложившейся молодежной аудиторией. Отсюда и произошла «синтез-группа». Вполне оправданно и название «Панорама». На наших концертах звучит исключительно политическая песня, поэтому мы стремимся развернуть перед слушателями широкую панораму проблем, актуальных и злободневных вопросов, волнующих прогрессивную молодежь планеты. Зрители становятся как бы участниками сценического действия, мы же, находя ответную реакцию, ведем концерт дальше. Наконец, мы постоянно включаем в программу лучшие песни протеста, принадлежащие перу известных музыкантов разных стран мира. И, конечно же, исполняем их на языке оригинала.

Не забыть участникам ансамбля, какой экзамен по поводу «языка оригинала» устроил им однажды Леонид Осипович Утесов.

Как-то после концерта синтез-группы за кулисы пришли несколько молодых музыкантов из знаменитого эстрадного оркестра РСФСР, руководил которым Утесов. И кто-то из них предложил:

— Хотите, познакомим вас с нашим «батей»?

Ну кто же из эстрадных артистов, а тем более начинающих, откажется от такого? Утесов в назначенный день приехал на репетицию ансамбля посмотреть, «что это за «Панорама» такая и с чем ее едят».

Пожалуй, ни на каком концерте или конкурсе ребята не волновались так, как в этот день. Шутка ли сказать, сам Утесов будет слушать их! И сгоряча решили показать ему всю программу, на добрых три часа. Вот только громкость поубавили — знали, что «батя» лишнего шума не любит.

Утесов слушал молча. По его лицу трудно было догадаться, что он думает об исполнявшейся музыке и самих музыкантах в частности. На всякий случай сделали еще потише. Но вдруг где-то посреди программы Леонид Осипович вдруг потянулся в кресле и сказал:

— А вот это мне нравится!

В общеобразовательные школы, по моему глубокому убеждению, должны прийти специалисты по музыкальной эстетике. И тогда мы получим людей грамотных, не профессионалов, конечно, но просто образованных, которые могли бы отличить в море музыки яркое, новое, интересное; могли понять, когда играют фальшиво и громко, а когда нет.

Это первое.

Второе. В настоящее время на телевидении и радио недостаточно музыкально-образовательных программ. Иные «срабатывают» на развлекательность, причем, на мой взгляд, очень сомнительную. Чаще всего они сведены в один большой, довольно нудный концерт. Развлекательность нужна, я не спорю. Но сводить только к ней мне кажется большой ошибкой.

— **Что вы скажете о проблемах вокально-инструментальных ансамблей?**

— Сегодня у нас в стране огромное количество ансамблей. Огромное. И очень мало ансамблей хороших. Что значит для меня хороший ансамбль? Это ансамбль, имеющий свое лицо, непременно свой язык, свою позицию. К таким я могу с полным правом отнести «Песняров» (правда, в последнее время они выступают меньше). «Рок-ателье» при московском театре имени Ленинского комсомола, ансамбль несколько иного направления — «Арсенал» под руководством Алексея Козлова, еще пять-шесть, ну, пусть десять — и все. А ведь только в одном «Росконцерте» их работает почти сто.

К сожалению, многие наши ансамбли подражают тому или иному западному коллективу. И не лучшему чаще всего. Где уж тут до поисков своего лица...

А мировая тенденция — резкое снижение интереса к вокально-инструментальным ансамблям. Это я могу сказать с полной ответственностью. Люди устали от шума, от бессмысленных текстов, им хочется смысла, музыки, стихов! Сейчас, и это прекрасно, возвращается интерес к джазу, шансонье.

— **Какой, по-вашему, станет «легкая» музыка ближайшего будущего, скажем, лет через десять?**

— Я думаю, что развлекательная музыка достигла своего потолка. Она исчерпала свои возможности в поиске массовых аудиторий. И так будет по мере роста музыкального вкуса слушателей.

У меня оптимистические позиции, и я считаю, что музыка будет возвращаться к смыслу, к мелодии, к драматургии. Ибо, когда мы говорим «легкая» музыка — это ошибочно, это нужно брать в кавычки, в ней ведь столько серьезного!

Еще мне хочется обратить внимание вот на что. Во все времена были таланты и их подражатели. Основоположники различных стилей в современ-

Что нравится — песня? Манера исполнения? Аранжировка? Да мало ли что еще... Однако Утесов будто воды в рот набрал и молча дослушал программу до конца. А потом, пройдя в наступившей тишине на сцену, подошел к солисту группы Михаилу Ганееву и... заговорил на чистейшем французском языке. Миша, исполнявший по-французски несколько песен (как-никак диплом института иностранных языков обязывает), вступил в диалог.

— Молодцы! Люблю, когда понимаю, о чем поют! — закончил, смеясь, «экзаменовку» Леонид Осипович. И пригласил синтез-группу в полном составе в свой оркестр.

Надо ли говорить, какой школой профессионального мастера, высокой требовательности, принципиальности и взыскательности, без чего не может состояться настоящий эстрадный артист, была для «Панорамы» работа с таким замечательным артистом и удивительным человеком!

Говорит солист синтез-группы «Панорама», лауреат премии Московского комсомола и лауреат XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване Михаил Ганеев:

— «Панорама» — это прежде всего ансамбль политической песни, и в этом его коренное отличие от прочих ВИА и групп, предпочитающих главным образом лирическую тематику. Наш коллектив взрослеет, более серьезным и вдумчивым становится отношение к аранжировкам исполняемых песен, шире диапазон применяемых средств музыкальной выразительности, строже режиссура постановок. Все это позволяет, на наш взгляд, более активно воздействовать на восприятие слушателей, причем не в ущерб главному — актуальности и социальной направленности политических песен.

С 1978 года отсчитывает «Панорама» свой путь. Были неудачи, потери, неизбежные в искусстве, но зато были и заметные успехи молодых московских музыкантов. Тот же 1978 год: первое место и звание лауреата на проводимом ежегодно смотре-конкурсе самостоятельных вокально-инструментальных ансамблей столицы. 1979 год: почетный титул лауреата международного фестиваля политической песни «Соколово-79» (Чехословакия). Здесь, на первом

эстрадной музыке обладают, на мой взгляд, множеством истинных достоинств, даже при некоторой спорности их поисков. Но подражатели дальше копирования не идут, а талант не скопируешь.

— **Не считаете ли вы, что репертуар некоторых наших эстрадных певцов однообразен? Чем это вызвано?**

— Да, я так считаю. К сожалению, сегодня очень много делается в расчете на невысокие запросы, невоспитанный вкус.

Пахмутова и Тухманов не могут выдавать в год по пятнадцать произведений, каждая песня рождается у них, что называется, кровью. Не случайно они пишут по одной-две песни в год. Понимаете? Они Мастера. А рядом толчется довольно много людей, которые делают то, да не то. Или просто выдают на-гора музыкальный ширпотреб.

Мы живем в век массовой информации, и никакая редакция радио и телевидения не может иметь в запасе сто шедевров. Это понятно. К сожалению, просачиваются в эфир и такие песни, о которых нельзя сказать, что они ужасно плохи, но и не скажешь, что они прекрасны — так называемые «проходные» песни. Середняк заполняет эфир.

Дело еще вот в чем. Есть такое понятие — «фильтр». Суть его? Пожалуйста. Ерунда писалась во все времена. Скажем, раньше любой гардейский офицер умел играть на гитаре и петь романсы. Любая девица, окончившая гимназию, слогала довольно милые стишки. Но никому в голову не приходило выдавать это за произведения искусства...

Но появилось радио, потом телевидение, и по ним тиражируются в миллионах экземпляров и прекрасная песня и любая другая, оказываются соседями полная ерунда и грандиозное произведение... И уходит все это не в малый зал, а в огромный — на много миллионов человек. Вот и певцы, именитые даже, со вкусом, вынуждены считаться с этим потоком — не хотят плыть против течения. Редко кто на это отваживается...

— **Какие у вас основные требования к исполнителю?**

— Есть два подхода к решению проблемы исполнителей. Первый подход — не мой. Если считается, что в серьезной музыке исполнитель обязан донести замысел композитора, безусловно, внося свою индивидуальность, что он является как бы посредником между автором и публикой, то в песенной музыке, на эстраде критерии иные. В эстрадной музыке исполнитель якобы является даже не просто соавтором — скорее автором. Автор должен дать ему просто материал, некую схему, которую он имеет право расшифровать как ему угодно. На мой взгляд, эта позиция неправильная, порочная, отбрасывающая эстрадную музыку в раздел второ-

своем международном музыкальном состязании, советский самодеятельный коллектив составил достойную конкуренцию многим известным профессиональным ансамблям из разных стран мира. Музыкальные критики и молодежная пресса в своих отчетах о фестивале отмечали успешный творческий поиск «Панорамы» в области политической песни, серьезность исполняемых текстов и звучность музыкальных решений.

1980 год. Новая победа на фестивале «Соколово-80» и звание дважды лауреатов этого представительного песенного форума. В этом же году «Панорама» успешно выступала на международном фестивале молодежной песни и музыки «Прага-80».

Наконец, в 1981 году ансамблю выпала честь представлять нашу страну на международном фестивале политической песни в Берлине. Александра Николаевна Пахмутова доверила «Панораме» свою новую песню-плакат «Моя страна — мой верный друг». Выслушав аранжировку, сделанную ребятами, композитор сказала: «Интересный вариант. Мне нравится!» И не ошиблась, поскольку за исполнение именно этой композиции ансамбль был награжден специальным призом Союза композиторов РСФСР. А ко всем своим титулам синтез-группа прибавила еще и звание лауреата Берлинского фестиваля.

— Нам просто посчастливилось участвовать в столь грандиозном празднике политической песни, — вспоминает руководитель «Панорамы» Михаил Томиллин. — Слова «мир», «солидарность», «разрядка» стали символом творческого состязания молодежи из 33 стран мира. На заключительном концерте фестиваля тысячи юношей и девушек из всех уголков земли в едином порыве скандировали «Нет!» войне, гонке вооружений, империализму и реакции! Такое забыть невозможно.

Евгений МОСПАНОВ.
Фото Виктора ПОЛУКЕЕВА

сортных жанров. Распространение этой позиции связано с тем, что на Западе существует сегодня высокоразвитая система развлечения, где все ставится на «звезду», на делание «звезды». Под нее подбирается музыка, которая «причесывается» так, как «звезде» будет удобно. Конечно, и на Западе есть звезды, я говорю о певцах, ставших явлениями культуры: Жак Брель, Эдит Пиаф, Лайза Минелли, Элтон Джон, Элла Фицджеральд, Шарль Азнавур... Это другой разговор.

Нашей сильной стороной всегда было другое. Духовность — вот что лежит в основе нашей культуры. Необходимо внести идейность и одухотворенность в «легкую» музыку, и тогда все критерии, которые мы прилагаем к прекрасным нашим исполнителям оперной, балетной, симфонической музыки, — они перенесутся на эстраду.

Я считаю, что исполнитель должен донести замысел автора в любом жанре, включая эстраду. А если автору грош цена, то его музыку тиражировать не стоит — вот и все решение вопроса. Сегодня же многие исполнители берут любую музыку, «причесывают» ее под себя, а так как сами исполнители чаще всего «причесаны» друг под друга, то возникает удручающее однообразие.

И как же свежим ветром повеяло, когда на заключительном концерте «Песня-81» выступили лауреаты V Всесоюзного конкурса молодых исполнителей советской песни в Днепрпетровске, когда появилась молодая Тамара Гвердцители, и как это было непохоже на все остальное, какая приятная была певица из Литвы Гинтаре Яутюкайте, какие приятные были Ольга Пирагс, Эрна Юзбашян, трио «Меридиан». Они были все разные и — новые. Те самые новые голоса, о которых мы заботимся, ждем.

Думается, певец должен находить себя в песне, а не переделывать песню под себя. Если же песня не его, он ее не должен исполнять. Певцы должны быть разными. И петь разную музыку. Индивидуальную.

Сегодня мы живем в век стандартов. Стандарты — это очень хорошая, нужная вещь в экономике, промышленности. Но очень плохо, когда стандарты проникают в искусство. Нужно помнить об этом. Помнить, если ты не только музыкант, а именно гражданин, деятель искусства.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Возможно, некоторые мысли известного композитора, высказанные им в беседе, покажутся читателям и музыкантам-профессионалам спорными. Приглашаем к откровенному разговору о нелегком «легком» жанре музыки.

Мирей МАТЬЕ:

Иногда мне кажется, что все это только сон — карьера, успех. Когда-то я и мечтала не могла об этом...

Но в глубине души Мирей Матье все же мечтала. Родные ее говорили, что в доме не было необходимости в радио — Мирей пела беспрестанно. И эта хрупкая, робкая девушка добилась своего. Французский институт общественного мнения в 1966 году проводил опрос: «Кто ваша любимая певица?» Мирей Матье собрала 39 процентов голосов. Двадцатилетняя девушка из Авиньона завоевала эстрадный Олимп. Французы стали говорить, что вместо «парижского воробья», как называли Эдит Пиаф, в Булонский лес вприхнул «авиньонский воробьишек».

В 1967 году Мирей Матье была провозглашена «певческим чудом Европы». Молниеносная, неординарная карьера, огромный успех. Счастливая творческая судьба? Да, счастливая, но легкая ли? И как вообще случилось, что скромная девочка из семьи авиньонского каменотеса стала известна всему миру?

Мирей Матье родилась на юге Франции, в городе Авиньоне, в 1946 году. В то время ее родители снимали комнату в унылом бараке. Семья Матье быстро разрасталась. У Мирей было тринадцать братьев и сестер. Отец ее занимался тем, что делал надгробия. На этом разбогатеть было трудно, особенно если у тебя такая большая семья. Мирей была старшей из детей и помогала матери как могла: бегала за покупками, мыла посуду, стелила кровати, стирала, возилась с малышами. «В детстве я лишь однажды почувствовала себя счастливой — когда принесла родителям первый заработок. Он был невелик, всего сто франков, и я зарабатывала их пятнадцать дней. Но как я была счастлива и горда!»

В школе Мирей не блистала, возможно, из-за этой «дополнительной нагрузки». Но пела девочка всегда, у плиты и в саду, укладывая братишек спать и провожая их утром в школу. Когда ей было восемь лет, она впервые услышала, как поет Эдит Пиаф.

«Я была зачарована. Мать как раз сидела за швейной машиной. Я забралась к ней на колени и сказала: «Мама, когда я вырасту, я тоже стану петь». Отец, узнав об этом, только грустно покачал головой. Но я была упорной и настойчивой. Каждый раз, когда пела Пиаф, я слушала и училась».

В двенадцать лет Мирей вынуждена была пойти работать. Детство, которого фактически и не было, кончилось. Пришлось помогать родителям кормить семью.

«Однажды я надела свое лучшее платье, отец взял меня за руку и повел на бумажную фабрику. Он представил меня шефу по кадрам, и меня зачислили в подсобные работницы. Четыре года я стояла у машины, делавшей конверты. За час я должна была изготовить шесть тысяч конвертов». Утверждают, что поклонники Мирей Матье сейчас разыскивают по всей Франции конверты, которые когда-то клеила она. Но все это сейчас, когда Мирей Матье — знаменитая певица. А тогда?

Тогда девочка Мирей клеила конверты и пела. Она знала наизусть все песни своего божества — Эдит Пиаф. Время от времени Мирей выступала перед небольшой аудиторией в Авиньоне. Слушатели горячо аплодировали. «Когда я пела в церкви, на свадьбах, на благотворительных вечерах и дома для своих братьев и сестер, я представляла себя знаменитой певицей. Но я была уверена, что моя мечта не сбудется никогда, и плакала от этого по ночам. Мы жили на юге Франции. А чтобы учиться петь, нужно ехать в Париж. Нужны были деньги»...

В Авиньоне ежегодно проводился конкурс песни,

который устраивал помощник мэра города Рауль Коломб. На этом конкурсе разрешалось выступать и самодеятельным певцам. И вот однажды Мирей решила попробовать. «Когда уже исполнилось семнадцать лет, — вспоминает певица, — мать разрешила мне участвовать в конкурсе. При виде публики я оробела, что-то сдавило мне горло. Пела я плохо и, хотя вышла на третье место, в панике убежала с эстрады».

Рауль Коломб обратил внимание на дебютантку. «У тебя удивительный голос, — сказал он Мирей, — но его надо хорошо поставить». Он устроил девушке занятия с профессором Авиньонской кон-

«ЖЕЛАНИЕ ПЕТЬ КАК ЖАЖДА...»

серватории. «Каждый урок стоил семь франков. Целый год я не разрешала себе никаких развлечений, но платила за уроки сама. Через два года я сумела завоевать первый приз Авиньона песней Эдит Пиаф «Жизнь в розовом свете».

Впрочем, это не было еще ступенькой к большому успеху. Первый приз в далекой от Парижа провинции мало что значил.

Для Мирей встал вопрос: что делать дальше? Знала она точно только одно: хотелось петь, этого требовало все ее существо. И вновь помог Рауль Коломб — посоветовал записаться в кандидаты «Теле-диманш» в Париже. Это популярная воскресная передача французского телевидения, в которой могут выступать начинающие. Шесть месяцев Мирей тщетно ждала ответа. В ноябре 1965 года внезапно пришла телеграмма: девушку приглашали в Париж.

«Никогда не забуду дня, когда состоялись съемки для «Теле-диманш». Это было 21 ноября 1965 года в студии номер 102». Ее показали по парижскому телевидению, девушку девятнадцати лет из Авиньона. Журнал «Пари-матч» тогда же написал: «Телевидению хватило двух минут, чтобы открыть новую Пиаф».

Через месяц Мирей Матье уже дебютировала в знаменитом парижском зале «Олимпия», в реву известного исполнителя и конферансье Дистеля. Ее взлет напоминает оказку о Золушке. Но Золушке для счастья всего-то и нужно было, чтобы быть доброй и красивой. Покойей Золушке из Авиньона надо было учиться петь, учиться, отказывая себе во всем...

Во второй передаче «Теле-диманш» 23 ноября 1965 года Мирей Матье услышал крупный американский делец от шоу-бизнеса Джонни Старк, который в то время уже успел вывести на путь славы Джонни Холмдей, Сильвию Варган, Далиду, Франсуазу Арди. «Папа Старк», или «современный Пигмалион», — называет Джонни Старка французская печать. Впервые он обратил внимание на Галатею-Мирей на одном из конкурсов песни в Авиньоне. Старк взял у девушки адрес, но, вернувшись в Париж, забыл о своем «открытии». Только увидев по телевидению, как «его» Мирей поет песни «Джезбэл» и «Гимн любви», Старк решает предложить ей пробный контракт.

Казалось бы, в мире ничто не проходит бесследно, и ничто не возвращается. И потому все считали, что произошло чудо, когда необыкновенный голос Эдит Пиаф словно возродился вновь в девочке из Авиньона. И как был взволнован Париж, когда Мирей в ноябре 1965 года в черном, как у Пиаф, платье исполнила песни умершей, но не ушедшей из памяти «звезды». Джонни Старк, опытный делец, видел, что, несмотря на три года, прошедшие после ее смерти, великая Пиаф по-прежнему оставалась любимой Франции. Потому-то Старк не задумывался, он делает новую Пиаф, которая покорит сегодняшнюю молодежь.

Старк приглашает лучших педагогов по вокалу, ритмике, Мирей учат одеваться, гримироваться, ходить, отвечать на вопросы и даже держать вилку. Не избалованная легкой жизнью, она удивляет всех своей работоспособностью. Уже в первое гастрольное лето Мирей дает 70 сольных концертов.

Для записей Старк приглашает лучших аранжировщиков Франции, известных своим сотрудничеством с популярными певцами. Конец первого года принес свои результаты: успешное турне, две пластинки. В деньгах это выразилось в круглой сумме: 2 миллиона 500 тысяч франков. Впоследствии сотрудничество с Мирей принесло «папе Джо» небывалый доход: 300 миллионов франков...

«Пришедшая из ниоткуда, она добилась кое-чего. Но в каком она ужасном состоянии!» Эта фраза

относится ко всем людям, чьи способности были использованы во имя большого бизнеса», — писала «Юманите-диманш» в короткой реплике по поводу рекламной шумихи вокруг Мирей Матье. Однако певица не стала заводной куклой (как стали многие другие). Красивый, необыкновенного тембра голос, эмоциональность, сценическое обаяние, артистизм — качества поистине драгоценные. Но Мирей отличаются и неутомимость в труде и высокая требовательность к себе.

Мирей Матье не поет лишь тогда, когда спит. На вопрос: «Чего вы больше всего желаете сейчас, на вершине славы?» — она ответила: «Мне хочется

верить, что я не на вершине. Я боюсь вершин. Мне кажется, что во мне, тут, — и она прижимает легкие ладони к груди, — есть много того, что я еще не спела. Не успела или не смогла. Поэтому хочу одного — петь. Чтобы хватило здоровья и сил — петь. Чтобы голос меня не покинул. Желание петь, как жажда».

Миниатюрная Мирей Матье (рост — 153 сантиметра) подходит к микрофону в туфлях детского тридцать второго размера и гордо откидывает голову назад. Она поет о любви, о страсти, о нежности. «Любовь растворена в мире, но она беззвучна. В те моменты, когда я пою песни о любви, я самой себе кажуся ее голосом. Я переживаю сюжет каждой песни вновь и вновь. Будто я сама люблю и очаровываюсь, будто я сама терплю крушение. И не было минуты, когда мне не казалось, что я пою про себя. Я люблю эти песни».

Она снималась в музыкальных фильмах Джо Пастернака в Голливуде, в фильме Клода Лелюша «С Новым годом!», даже записала одну пластинку, где поет в стиле «бит». Но все это не главное для певицы.

«В моем репертуаре есть песня Поля Мориа на слова Боннера «Когда рассвет, товарищ?». Я очень люблю эту песню, она об Октябрьской революции в России. Я славлю своим творчеством освобождение Парижа от гитлеровцев, от фашистов, я пела и пою песни о дружбе. И, конечно, в моем репертуаре — многие песни Эдит Пиаф». Голос и внешность Мирей могут натолкнуть на сравнение с Пиаф. Но нет, Матье не тень великой певицы. Девушка из Авиньона — яркая индивидуальность. На вопрос о том, чувствует ли она себя последовательницей Эдит Пиаф, Мирей ответила: «Пиаф недосытаема. А я просто Мирей Матье».

В мае 1967 года Мирей Матье впервые побывала с концертами в Советском Союзе. Она пела для моряков на палубе легендарного крейсера «Аврора». Пела песни «Товарищ», «Октябрь», песни об освобождении Парижа. Мирей выступала с Красным знаменным ансамблем песни и пляски Советской Армии имени Александра во время гастрольей ансамбля в Париже. В 1976 году Мирей Матье участвовала в концерте в Большом театре СССР вместе с лучшими советскими мастерами, в концерте, который транслировался и на Париж. Мирей — частый гость праздничных «Голубых огоньков». Поет она на английском и немецком, испанском и итальянском, на японском и других языках, и популярность французской певицы во всем мире не угасает, а растет с каждым годом.

В ее исполнении нет надрыва, нет эмоциональных излишеств. Но есть интенсивность чувства. Что бы она ни пела, она всегда создает настроение. Вот Мирей поет «Марсельезу», и зал начинает подпевать...

В 1978 году ее соотечественник скульптор Ален Аслан, которому поручено было изваять новую скульптуру Марианны — символ Французской Республики, предложил певице стать моделью для этой скульптуры (в 60-х годах прототипом девушки во фригийском колпаке была известная киноактриса Бриджит Бардо).

В 1981 году Мирей Матье получила приз «Мольер», присуждаемый в Бразилии за высшие достижения в области актерского искусства.

Мирей Матье, этот «новый воробьишек Парижа», олицетворяет Францию. Ее голос узнаешь сразу среди многих тысяч голосов. И когда этот голос вырывается из случайного транзистора, звучит с телевизора или разносится в праздник над гбором, мгновенно видятся Франция и хрупкая девушка, гордо вскинувшая голову.

Материал подготовила Юлиа ГРИГОРЯН.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ГИГАНТ МИРА ПЕРНАТЫХ

Внешний вид этой птицы был восстановлен недавно по скелету, найденному археологами в Аргентине. Она получила название «Аргентариус Магнифицус». Размер крыльев птицы равен 760 сантиметрам, а длина от клюва до хвоста — 330 сантиметрам. Еще точно не установлено, к какому периоду следует отнести этих гигантов мира пернатых, далеких предков ныне живущих андских кондоров. Некоторые ученые считают, что «аргентариусы» парили в воздушных просторах Земли 5—25 миллионов лет тому назад и вымерли задолго до появления человека.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ»,
США

НАДУВНАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

Изображенная на снимке надувная подводная лодка может развивать скорость свыше 25 узлов в час на поверхности воды. Лодка построена из прочных материалов, на бортах закреплены резиновые емкости со сжатым воздухом. Перед погружением члены экипажа (два человека) надевают акваланги и выпускают воздух из емкостей. Через 30 секунд лодка уходит под воду и плывет со скоростью два узла в час — благодаря двум электродвигателям. Надувная подводная лодка имеет различное целевое назначение: контроль за кабелями, уложенными на дне моря, корректировка места для морского бурения и т. д. После выполнения намеченных работ в емкости снова нагнетается воздух и лодка всплывает на поверхность.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

КАТАЛОГ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В Лондоне выпущено уникальное издание: самый подробный каталог всемирной литературы за четырехсотлетний период (1556—1956 годы). Каталог состоит из 754 томов по 527 страниц в каждом и содержит 11340 названий литературных произведений. Над составлением каталога большой коллектив литературоведов работал в течение 15 лет.

«ТАЙМС», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Сигареты и асфальт

Какая может быть связь между сигаретами и асфальтом? Шведский врач С. Симонс, проводивший исследования по программе борьбы с курением, которая получила одобрение и широкую поддержку общественности, отметил, что за один только год курильщики страны вдыхают вместе с дымом 108 тонн гудрона. Этого количества достаточно для асфальтирования 800 квадратных метров автомагистрали.

«ДАГБЛАДЕТ», НОРВЕГИЯ

САМОЕ ОПАСНОЕ В МИРЕ МЕТРО

Когда разговор заходит о достопримечательностях Нью-Йорка, его жители избегают упоминать свое метро, хотя оно и имеет самые длинные в мире линии, самые большие в мире станции и все прочее из разряда «самого-самого». Метро в городе охраняет самое большое полицейское подразделение, и это не случайно — здесь постоянно происходят кражи, ограбления, убийства. А что же блюстители порядка? До настоящего времени их наиболее успешной акцией считается... разработка «Правил безопасности при нахождении в метро».

Пассажирам в соответствии с этими правилами рекомендуется:

— не входить в пустые вагоны, а выбирать те, где побольше людей; не демонстрировать наличие драгоценностей, бумажников, кошельков и т. п.; не становиться у дверей, ибо жулики, вырывающие у пассажиров сумочки и портфели, чаще всего «работают» именно в этой зоне; по возможности вообще не пользоваться метрополитеном.

Последний пункт в 1983 году будет весьма актуальным — плата за проезд возрастет втрое, и метро получит невеселую привилегию считаться самым дорогим в мире....

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

НЕ УМЕЮТ ЧИТАТЬ...

Когда строительный рабочий Ксавер Цюгель заходит пообедать в харчевню, то в меню он смотрит, как говорится, «вполглаза», а потом заказывает то, что видит на соседнем столике. В чем дело? Он не умеет читать.

Когда кровельщику Францу Трайберу приходится заглядывать в какое-либо учреждение, то он обязательно перебинтовывает совершенно здоровую правую руку: а вдруг нужно будет заполнять какой-нибудь бланк? Лучше попросить сделать это какого-то случайного посетителя, чем демонстрировать свою, увы, полную безграмотность. Иногда Трайбер в такой ситуации беспомощно похлопывает себя по карманам — забыл, мол, очки.

«Когда я вижу все эти буквы, меня охватывает панический ужас», — признался один из взрослых неграмотных.

Все эти и другие примеры — сегодняшний день ФРГ. И глубоко ошибаются те, кто полагает, что неграмотные — это прежде всего иностранные рабочие: греки, португальцы... Нет, на курсы по ликвидации неграмотности записываются только граждане ФРГ. Все они, как правило, являются жертвами несовершенной системы школьного обучения. Полагают, что число людей в стране, практически не умеющих читать и писать, составляет не менее 300 тысяч.

«ШПИГЕЛЬ», ФРГ

РУБЕНС ИЛИ НЕ РУБЕНС?

Самое неожиданное применение имеет, как оказалось, метод определения возраста дерева по годовым кольцам на стволе. Так, например, ученые из Гамбурга произвели недавно сенсацию, заявив, что картина Рубенса, находящаяся в картинной галерее западногерманского города Касселя, написана... вовсе не Рубенсом! Они утверждают, что оригинальная рама, в которую была вставлена картина при ее создании, сделана из дерева, спиленного уже после смерти великого фламандца.

«ПАРАЛЕЛИ»,
БОЛГАРИЯ

«СЕКРЕТ» ЗИМНЕЙ СПЯЧКИ

Важное открытие: в крови животных, впадающих в зимнюю спячку, обнаружено вещество, идентичное по своим свойствам гормонам. Под воздействием этого вещества температура тела животного понижается почти до нуля градусов, а сердцебиение замедляется на 98 процентов. По сообщению миланского издательства «Панорама», группа ученых занята изучением состава этого вещества.

Использование его в космических путешествиях позволит членам экипажей межпланетных кораблей находиться в полете свыше 20 лет. За это время можно преодолеть расстояние до ближайшей к Солнечной системе звезде — Альфа Центавра. Кроме того, вновь открытое вещество можно применять при хирургических операциях, когда необходимо понизить температуру тела человека.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

КОГДА ПОЯВИЛИСЬ СТУЛЬЯ?

Стулья стали входить в быт примерно 400 лет тому назад. В XVI веке в Европе стульями и креслами пользовались только аристократы, а простые люди обходились табуретками и скамьями. Во дворцах устанавливались стулья, соответствующие титулу и, естественно, состоянию владельца.

Прошло время париков и кринолинов, во многих странах в моду вошел фрак. Тогда-то и появились стулья с узкой спинкой и без подлокотников. С течением времени форма и размеры стульев существенно изменились. Трудно сказать, где находится самый маленький стул, а вот самый большой сделан в Швеции, на мебельной фабрике в Эдисберкенсе. Он имеет высоту 16 метров...

«ЛАНД ОФ ФОЛЬК»,
ДАНИЯ

Разговорные языки — сколько их?

Французская Академия наук сообщила, что народы нашей планеты говорят на 2796 языках и используют 7000—8000 диалектов.

«ЮМАНИТЕ»,
ФРАНЦИЯ

ИЗОБРЕСТИ ВЕЛОСИПЕД...

Популярность этого вида спорта, не обременяющего владельцев тратами на бензин и дающего возможность «укатить» от болезни века — гиподинамии, растет повсюду. И соответственно бурно расцветает творческая фантазия изобретателей велосипедов — дело это стало весьма прибыльным. Фирмы и конструкторы-одиночки разрабатывают новые и новые модели. Вот, например, две любопытные. Предлагается, как видите, «горизонтальный вариант» для водителя. Ложитесь — и крутите педали...

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ»,
ГДР

Неожиданный Мамыч

Пьер НЕМУР

РОМАН

Перевод
с французского
Надежды НОЛЛЕ

ГЛАВА V

В Центральном управлении по борьбе с бандитизмом комиссар Паскаль Кро считается крупным специалистом по всякого рода похищениям. За многие годы службы этот пятидесятилетний, спортивного вида полицейский накопил опыт и документацию, которые столь же ценны, сколь эффективна и небольшая команда его сотрудников, подключающаяся к работе каждый раз, когда совершено такого рода преступление.

Комиссар Кро разработал для себя нечто вроде теории на тему «Психология похищения». Оно может быть террористического порядка, обусловленное политическими мотивами или с целью наживы, когда преступников привлекает только возможность заработать. Но и в том и другом случае существует нечто общее: жертва никогда не бывает случайной. Ее всегда выбирают в предвидении результатов, которых ждут похитители от своего преступления. Акция предпринимается, когда изучены, с одной стороны, политическое влияние или финансовые возможности близких или родственников жертвы, с другой стороны — условия проведения этой акции.

Итак, утром еще до визита в кабинет префекта комиссару Кро были известны основные данные этого дела, переданные дежурной службе комиссариатом VIII округа: мальчик Фабиен Лефевр, десяти лет, похищен в 8 часов 30 минут, перед началом занятий, возле своей школы, на глазах у целой дюжины человек, похищен двумя африканцами на машине, принадлежащей дипломатическому корпусу. Женщина-полицейский, пытавшаяся помешать похитителям, увезена вместе с ребенком.

Выбор времени и места на первый взгляд абсурден. Но комиссар Кро научился остерегаться этих «на первый взгляд». Он проверил, предпринята ли важнейшая в таких случаях мера: взят ли телефон родителей жертвы на прослушивание.

Когда префект, отняв у комиссара драгоценное время, закончил свою речь, Кро поспешил вернуться на Ке-дез-Орфевр, где его ждал помощник — инспектор Амедей Видалон, старший офицер полиции.

— У вас есть что-нибудь о родителях?

— Да, комиссар, — отвечает молодой человек, заглядывая в карточку. — Отец: доктор Винсент Лефевр, хирург в больнице, сорок один год. Мать: Арлетта Фонжен, тридцать два года, не работает. Адрес: улица Берже, 45. Это с обратной стороны парка Монсо по отношению к улице того же названия. Ребенок, Фабиен... родился... 25 апреля... Смотри-ка, сегодня день его рождения. Десять лет. Бедный малыш, ну и подарок...

— Похитители... — сухо прерывает его комиссар.

— Двое чернокожих. Это подтверждено. Машина дипломатического корпуса, «пежо» или что-то в этом роде. Свидетели утверждают разное, а номер не запомнил никто.

— Ладно. Я иду к родителям, — решает Кро. — Но сначала запросите компьютер. Посмотрите в карточке. Проверьте, не занимается ли доктор политической деятельностью, не жил ли в Африке или в Южной Америке. Все, одним словом.

— Вы думаете, похищение по политическим мотивам? — Видалон скорее утверждает, чем спрашивает.

Кро пожимает плечами.

— Что я могу думать на этом этапе? Собираю сведения и все.

— Да, шеф... Что будем делать с прессой? Радио уже сообщило о происшествии. «Европа-1», как обычно.

— Болваны, — произносит комиссар со вздохом, но без особой злости. — В конце концов они делают свое дело, как и мы. Скажите Брекару, пусть

соберет журналистов. У меня нет времени встретиться с ними. Пусть поговорит о лояльном сотрудничестве. Им сообщает все, что не подвергает опасности жизнь ребенка.

Вскоре после половины одиннадцатого комиссар Кро звонит в дверь квартиры Лефевров, расположенной на четвертом этаже богатого особняка на улице Берже. Комиссар VIII округа поставил у входа двух полицейских, чтобы держать журналистов на расстоянии, но одна машина радиостудии уже стоит на углу улицы.

Винсент Лефевр, высокий мужчина с энергичным лицом, сам открывает дверь.

— Я только что приехал из больницы, господин комиссар, — объясняет он. — Прислуга тоже вернулась после того, как дала показания в комиссариате, но она в таком состоянии, что не может выполнять свои обязанности. Страшно у нас несчастье...

— Поверьте, я сочувствую, доктор, — заверяет комиссар. — Мы сделаем все возможное, чтобы как можно скорее вернуть вам вашего маленького Фабиена. — Он делает паузу. — Особенно, если вы согласитесь сотрудничать с нами, ничего не утаивая.

— Что вы хотите сказать, комиссар?

Кро как будто различает в тоне хирурга нотку вызова. Он пожимает плечами.

— Ну... по-человечески это понятно, — говорит он. — Большинство семей похищенных уступают шантажу преступников и ничего не сообщают полиции. В данном случае, конечно, дело обстоит иначе, поскольку вместе с вашим сыном похитили и нашу коллегу.

В гостиной, куда его приглашает хозяйин дома, комиссар замечает прекрасный старинный рояль, несколько дорогих китайских безделушек. Он мысленно делает вывод: хирург в больнице плюс частные пациенты... доктор Лефевр в пособии на бедность не нуждается.

— Доктор, — внезапно спрашивает комиссар, — как вам сообщили о похищении?

— Я как раз делал операцию, когда это... произошло, — говорит Лефевр. — Жена позвонила мне, как только я вышел из операционной. Ей сообщила дирекция школы Сен-Блез.

— И с тех пор похитители вам ни разу не звонили?

— Ни разу, — заверяет доктор.

Полицейский долго молчит, словно обдумывает его ответ, затем спрашивает:

— Доктор, у вас есть враги? Среди иностранцев вообще, среди африканцев в частности...

Винсент Лефевр, разумеется, ожидал этого вопроса.

— Никаких, — заявляет он. — Когда мне сказали, что речь идет о двух чернокожих, я был просто поражен. Я в Африку никогда и ногой не ступал и не помню, чтобы мне приходилось оперировать африканца, по крайней мере какого-либо африканского деятеля.

— Значит, вам пришла в голову мысль о мести какого-нибудь пациента? — замечает комиссар мимоходом.

— Ненормальные, неуравновешенные люди попадают часто, — отвечает хирург, пожимая плечами. — Но обычно они начинают с угроз.

— Итак, у вас нет никакой догадки, никаких подозрений относительно личности похитителей или их мотивов?

— Абсолютно никаких, комиссар, — уверяет Лефевр.

«Еще немного, — думает Кро, — он поклялся бы на Библии и плюнул на ковер».

— Мог бы я повидать маму Лефевр?

— Моя жена страшно переживает, мне даже пришлось дать ей успокоительное, когда я вернулся. Но я позвоню ей.

Двумя минутами позже Кро говорит себе, что было бы обидно упустить такую встречу. Арлетта

Лефевр — одна из самых красивых женщин, каких ему приходилось видеть. На ней длинное домашнее платье зеленого цвета, которое красиво оттеняет нежный цвет лица и волосы с бронзовым отливом, распущенные по плечам. Она протягивает ему тонкую, красивую руку. Другой рукой она вытирает глаза, покрасневшие от слез.

— Господин комиссар, — произносит она умоляющим тоном, — возвратите нам нашего маленького Фабиена. Это наш единственный ребенок, господин комиссар. Мы готовы сделать все что угодно...

Ее горе непритворно, но последние слова настораживают комиссара.

— У вас уже потребовали что-нибудь? — спрашивает он.

Ему кажется, что, чуть растерявшись вначале, Арлетта Лефевр быстро берет себя в руки.

— Увы, нет, господин комиссар, но я предполагаю, что люди, похитившие Фабиена, вот-вот дадут о себе знать.

Кро качает головой. Прошло два с половиной часа после исчезновения мальчика и Мари-Клод Жанье. Он пристально смотрит доктору в глаза.

— Могу я рассчитывать, что вы поставите меня в известность, когда это произойдет?

Винсент Лефевр печально качает головой.

— Я не могу вам этого обещать, комиссар.

— Я вас понимаю, — бурчит Паскаль Кро, прощаясь.

Визу у дома Видалон ждет комиссара в машине с радиотелефоном.

— Картолку смотрели?

— Люди на местах, шеф, — докладывает инспектор, — а я изучил все данные. Доктор Лефевр безупречен. Придраться не к чему. Никакой политической деятельности. Не числится в досье спецслужб.

Короче, надо начинать с нуля. А что у вас, каково ваше впечатление?

— Трудно сказать, — отвечает комиссар. — Пока я склоняюсь в пользу версии похищения с целью вымогательства. Мать, разумеется, в отчаянии. Ее я видел совсем недавно. Муж дал ей успокоительное. Чертовски хороша, однако. Почти на десять лет моложе, чем он. Я понимаю: дождался, пока достигнет положения, чтобы жениться на королеве красоты.

— А он что думает? Никого не подозревает?

— Никого. Он узнал о похищении от жены, которой сообщили из школы. Вернулся домой, как только смог. Похитители еще вестей о себе не подавали. И я ему верю, поскольку телефон прослушивается с 9 часов 15 минут. Но все-таки...

— Все-таки?

— Не знаю, — произносит комиссар в нерешительности. — У всех у нас в конце концов происходит профессиональная деформация. Но мне кажется, что в ответах эскулапа прозвучала какая-то фальшивая нотка.

— Это не исключено, — соглашается Видалон. — Послушайте-ка Гибера.

Он знаком подзывает инспектора Гибера, крепкого парня с цепким взглядом, в замшевой куртке и таких же ботинках.

— Гибер, — объясняет Видалон, — расспросил господина Распинеяка, директора школы Сен-Блез. Давай, Гибер.

— Неплохой парень, — начинает Гибер. — Переживает, потому что еще не знает, навредит ему эта история или сделает рекламу. Ему сказал о том, что случилось, через несколько минут после похищения старший надзиратель, а тому — привратник. Он быстро спустился из своей квартиры и позвонил в дежурную службу полиции. Это первое, что пришло ему в голову. Прислуга Лефевров подняла гвалт, причитала на португальском, тогда он решил позвонить в больницу.

— В какую больницу? — спрашивает Кро.

— Ла Питье. Там он режет... э... оперирует. Но он не смог с ним поговорить, потому что у хирурга была операция. Тогда он позвонил матери.

— Подождите, шеф, это не все, — вмешивается Видалон. — Что ему сказали в больнице, Распинеяку?

— Ну, он, конечно, настаивал, — продолжает инспектор, — сказал, что дело срочное и касается сына доктора. Но телефонистка сказала: «Ему уже звонили по этому вопросу четверть часа назад».

— А? — подсказывает Кро. — Это в котором же часу?

— Ну, конечно же, шеф, — важно произносит Гибер, — я попросил его уточнить время. Похищение произошло где-то в 8 часов 28 минут. Распинеяка известили в 8 часов 35 минут. Пока он разобрался... В дежурную службу полиции он позвонил в 8 часов 45 минут. Так он полагает, поскольку постоянно на часы не смотрел. А в больнице — спустя пять минут. Во всяком случае, он уверяет, что девяти не было.

Комиссар грустно улыбается.

— Итак, — говорит он, — эскулапа оповестили через пять или десять минут после похищения. Ну,

как видите, не такие уж они идиоты, наши клиенты. Они хорошо обмозговали дело, можете мне поверить. Гибер, отправляйтесь в больницу и расспросите телефонистку. Узнайте все об этом звонке. А мы вернемся на Ке-дез-Орфевр. Поищем в наших архивах хитреца, который мог бы организовать такую операцию. И попытаемся, если возможно, ответить на ключевой вопрос.

— Какой, шеф? — с любопытством спрашивает Видалон.

— Ну, если, как мы склонны думать, это похищение с целью вымогательства, то преступники потребуют деньги. Что я говорю! Они уже потребовали деньги. Но я прикидываю, сколько может выложить семья Лефевров. Хирург, работающий в больнице... Он живет, несомненно, в достатке. Я понял это, побывав у него дома, но в Париже наверняка есть сорок или пятьдесят тысяч семей, располагающих такими же средствами, как он.

— Значит, ключевой вопрос таков: почему доктор Лефевр?

ГЛАВА VI

После темноты, царившей в кузове, Мари-Клод Жанвье щурит глаза, глядя на открывшуюся ее взору картину. Если, конечно, это можно назвать картиной: каменная стена и канистра для бензина. Машина задним ходом въехала в гараж, и тяжелая дверь с противовесом закрылась за ней с глухим стуком.

Фабиен Лефевр уже прыгнул на землю, не обращая никакого внимания на пистолет, которым поигрывает чернокожий в голубом костюме. Мари-Клод спускается, в свою очередь, заботясь, чтобы юбка не обнажила колени, и стараясь двигаться с максимальным достоинством. Псевдоафриканец тихо хихикает под своей маской. Он без излишней грубости хватает Мари-Клод за руку.

— Прошу сюда, господин полицейский, — шутит он.

Они идут вдоль фургона к двери в стене гаража, выходят на узкую лестничную площадку, откуда ведут наверх деревянные ступеньки. Еще одна стеклянная дверь выходит на улицу, но стекла тщательно замазаны белой краской. Они пропускают лишь сероватый свет — единственное свидетельство того, что за ними есть свет настоящий.

— Поднимайтесь! — приказывает Арсюл, указывая на лестницу дулом пистолета.

Фабиен идет первым, перепрыгивая через ступеньки. Наверху — еще более узкая площадка, чем на первом этаже, и слева открытая дверь. Мари-Клод, которая следует за Фабиеном, понимает, что прямо над гаражом оборудовано помещение для шофера или дополнительная комната для случайного гостя.

Когда Арсюл, в свою очередь, входит в комнату, внизу хлопает дверь и разражается ссора. Начинает ее визгливый женский голос:

— Вы совсем с ума спятили, привезли эту бабу с собой! Легавую к тому же. Что мы с ней будем делать?

— Эй, слушай, оставь нас в покое, а? — отвечает мужской голос с акцентом южанина. — Ты же видела, что иначе нельзя было. Она цеплялась за парнишку, эта идиотка. И потом, ты ведь должна была им заниматься. Ну, а теперь будет она. Все меньше забот, правда?

Спор прекращается так же внезапно, как и начался, вероятно, потому что спорящиеся поняли, что их слышат.

— Усекла? — Арсюл развязно обращается к Мари-Клод. — Ты о нем позаботишься. Только конурку готовили для одного мальчика. Теперь придется вам устроиться здесь вдвоем.

Стоя на пороге перед тем как закрыть за собой дверь, он считает нужным сказать что-нибудь успокаивающее.

— Не волнуйся, — говорит он, — помереть вам не дадим. Это не в наших интересах.

И, словно опасаясь, что сказал лишнее, поспешно выходит из комнаты. Хлопает дверь. Два раза поворачивается ключ в замке. Слышны удаляющиеся шаги. Молодой, спортивный Арсюл быстро сбегает по ступенькам.

Мари-Клод Жанвье отмечает эту деталь с профессиональной точностью полицейского, желающего оказать максимальную помощь своим коллегам в розыске опасной банды. Но до сих пор примет, замеченных ею, мало. Похитителей было трое: двое в машине и один, который ждал у фургона в Булонском лесу. Она слышала голоса лишь двоих. У одного акцент южанина, у второго голос низкий, довольно приятный, но вульгарный, как и у первого. Язык примитивный. Теперь еще добавилась женщина, сварливая и писклявая.

Это все, что касается слуховых впечатлений. Очень немного. Прodelав полуторачасовой путь за пределами Парижа, фургон скрылся в неприметном гараже, вероятно, отделенном от жилого дома,

поскольку лестница, идущая вдоль его стены, выходит наружу. Надо будет запомнить каждую деталь в их тюрьме. Она состоит из одной довольно тесной комнаты с кроватью длиной в 120, самое большее 130 сантиметров, шкафом, старым креслом, двумя стульями, вращающимся табуретом и шатким столом — обычная мебель среднего качества, какую приобрели бы в комнату для прислуги.

На окне, которое должно быть расположено над дверью гаража, занавески, но стекла также замазаны краской. Шпингалет заделан намертво. Может, они и ждали одного лишь ребенка, но трезво оценивали способности Фабиена Лефевра: ничего не упустили из виду.

Шум спускаемой воды заставляет Мари-Клод обратить внимание на вторую дверь комнаты. Там с довольноным видом стоит Фабиен: это вход в ванную комнату, выложенную кафелем с голубой сантехниккой — умывальник, душ, унитаз. Приготовлены полотенце, мочалка и мыло.

Фабиен устраивается в кресле, бесцеремонно прихватив две книжки с картинками, лежавшие на столе. Он недовольтно морщится.

— Видишь, они и об этом подумали, — замечает Мари-Клод, сев на кровать, — но тебе, кажется, это не нравится...

— «Астерикс» я читал, а «Мики» уже не для моего возраста, — отвечает мальчик с пренебрежением.

Мари-Клод слегка теряется. Она пытается измерить пропасть, отделяющую ее от десятилетнего ребенка, особенно такого. Фабиен ее смущает.

— Что ты читаешь обычно?

— Книжки, разумеется, К. М., Н. Ф. особенно.

— Не понимаю.

— Н. Ф. — научная фантастика, ну! К. М. — комиксы научной фантастики. — Он теряет терпение. — Ты что, совсем темная?

Она уже собирается ответить со всей строгостью, но спохватывается. Этот мальчуган под ее защитой. Незвестно, на какое время. И чем все закончится. Она должна узнать его получше.

— В каком ты классе?

— В сентябре пойду в шестой.

— Тебе нравится в школе? Ты хорошо учишься?

Он опять презрительно пожимает плечами.

— Это легко. В этом месяце я опять первый!

— Замечательно! — искренне хвалит она. — Твои родители должны быть довольны.

— Мои родители! — фыркает Фабиен. — Плевать им на это.

Он произносит эти слова тем же тоном, каким спросил ее: «Ты что, совсем темная?» Агрессивность, протест, презрение? — пытается анализировать Мари-Клод.

— У тебя не лучшие отношения с родителями? — Она старается поддержать разговор. — А ведь твой отец хирург. Это что-то значит.

— Кажется, — говорит он равнодушно. — Я не знаю. Он уходит каждое утро в семь часов, потому что операции начинаются рано. Потом до обеда консультирует в больнице. Во второй половине дня принимает частных пациентов. Возвращается вечером, усталый до полусмерти. Играет в шахматы с компьютером. Никогда не разговаривает.

— А твоя мать?

— Моя мать? Она жутко красивая, знаешь. Может, даже красивей тебя, а это о чем-то говорит. Но она встает только к обеду, а вечером занимается любовью...

Мари-Клод с трудом глотает слюну.

— Она... что?

— Ну, что... — произносит он с холодной трезвостью. — Не понимаешь, что ли? У нее есть друзья и подружки. Она в гостях почти каждый день.

— А что говорит об этом твой отец?

— Ему это до лампочки... Он только рычит, когда она слишком поздно возвращается. Но, кроме хирургии и шахмат, моего отца ничего не интересует. Так что, понимаешь, мои занятия...

Он делает красноречивый жест рукой. Взволнованную Мари-Клод охватывает какая-то незнакомая доселе грусть. Она понимает, что похищение — лишь неожиданное развлечение в монотонной жизни Фабиена, для него это куда интереснее, чем возвращение после школы домой. Вдруг она поднимается, подходит к сидящему в кресле Фабиену, становится рядом с ним на колени, гладит его по голове.

— Это ужасно, — шепчет она. — Ты такой красивый, такой милый...

Вначале он реагирует довольно странно: подается назад, как будто молодая женщина хотела его ударить. Но она продолжает гладить его волосы со словами: «Ты такой красивый, такой милый». И он смягчается:

— Ты тоже ничего. В Сен-Блез все так считают.

Она удивляется:

— Вы разговариваете обо мне?

— Еще бы... На перемене. С мальчишками.

Знаешь, те, которые постарше, хотели бы быть

мальшами, чтобы целовать тебя утром. Тебя считают красивой, вот.

Она смеется, стараясь скрыть волнение. Мари-Клод Жанвье, незамужняя молодая женщина, вызывает восхищение у детишек... А у нее мог бы быть ребенок того же возраста, что Фабиен...

Внизу опять хлопает дверь. На лестнице раздаются шаги. Мари-Клод поднимается, поправляет волосы, глядя в зеркало гардероба. Слышно, как в замке поворачивается ключ.

— Я принесла жратву, — объявляет появившееся в дверях существо.

ГЛАВА VII

В 11 часов утра пришлось перекрыть движение на улице Берже, заполненной машинами радио и телевидения, осажденной журналистами. Много полицейских: регулировщики, инспектора уголовного розыска, сотрудники комиссара Кро...

В доме № 45, в квартире на четвертом этаже, доктор Лефевр, выведенный из себя звонками журналистов и разных неуравновешенных личностей, которые всегда обнаруживаются в подобных случаях, отключил телефон. Арлетта плачет в спальне то ли над судьбой Фабиена, то ли над своей. После поспешного возвращения Винсента Лефевра из больницы у них произошел долгий и бурный разговор. Теперь им, вероятно, нечего сказать друг другу. Доктор заполняет свой вынужденный досуг, ухаживая за Флорой, у которой нервная депрессия.

Ровно в полдень закончились переговоры между тремя телевизионными студиями, с одной стороны, и доктором Лефевром — с другой, которые велись через подстредство Видалона, оставленного в квартире комиссаром Кро. Иль-де-Франс записывает интервью, которое будет передано по всем программам. Арлетта Лефевр поспешно наводит красоту, чтобы изобразить все отчаяние и боль истерзанной горем матери и обратиться к похитителям Фабиена с патетическим призывом. Отец значительно сдержаннее, но чувствуется, как он взволнован и напряжен. Призыв заканчивается заверением, что, каковы бы ни были требования бандитов, они будут выполнены, пусть только скорее возвратят Фабиена.

Радио и телевидение неистовствуют. Такое происшествие, случившееся в половине девятого утра, редкая удача: она позволяет электронным средствам информации в выпусках новостей в 13 и 20 часов опередить завтрашние утренние газеты.

Берут интервью у Распийяка, который характеризует Фабиена как ребенка чрезвычайно одаренного, многообещающего. Преподавателю французского тоже отведена соответствующая роль. Вовсю распространяются насчет Мари-Клод Жанвье, превратившейся в своего рода Жанну д'Арк из полицейской префектуры. Начальство говорит о ней как о полицейском с высоко развитым чувством профессионального долга. Распийяк же (опять он) вспоминает, как детишки школы Сен-Блез полюбили ее за те два года, что она несла свою скромную, но необходимую службу.

Вся эта информация обрушивается на затаившую дыхание Францию в тот момент, когда Рауль Фанжен, отец Арлетты, прибывает из небольшого городка, где он живет, и присоединяется к брату Винсента Лефевра Эдуарду, приехавшему ранее.

— Нет, господин министр, в настоящий момент я не располагаю никакими данными, которые позволили бы мне ориентировать поиски в том или ином направлении. Все, кто, по нашему мнению, мог бы совершить подобное похищение, проверены...

В 16 часов комиссар Кро докладывает ситуацию министру внутренних дел на площади Бово.

— Это по меньшей мере неприятно, — сердится министр. — Раз вы не попали на след, вы вынуждены ждать, когда похитители изложат свои требования... Это очень досадно.

— Ждать нечего, потому что свои требования они уже сообщили доктору Лефевру.

— Ах, так! — недовольтно восклицает министр. — Откуда вас об это известно?

— Избавлю вас от подробностей, господин министр. Вот основные данные... Двое мужчин, чернокожие или в масках чернокожих, посреди улицы на глазах у всех похищают ребенка. Они подъехали на украденной машине. Об этой краже нам сообщил советник посольства Руанды в 11 часов. Незадолго до этого полицейский патруль обнаружил автомобиль у ворот Дофин, в нескольких сотнях метров от дома упомянутого дипломата. На улице Монсо среди свидетелей похищения находится соучастник, который сразу же звонит хирургу в больницу, сообщает о происшедшем, называет ему сумму выкупа и условия его передачи. Таким образом, у бандитов в принципе нет больше нужды звонить, и прослушивание телефона Лефевра ничего не дает.

— Вы уверены в том, что говорите? — спрашивает министр.

Рисунок Вячеслава ТАРАКАНОВА

— Да,—подтверждает полицейский.—Когда я вышел от Лефевров, у меня было смутное подозрение, что он что-то скрывает. Я уверился в этом, когда мы узнали, что ему позвонили в больницу по поводу сына в 8 часов 35 минут.

— Разумеется, что ему сказали, неизвестно?

— Конечно, нет. Телефонистка соединила его, и у нее не было никаких причин слушать разговор. Все, что мы знаем,—это то, что голос был женский.

— В любом случае,—заявляет министр,—это дело надо закончить как можно скорее. В наши дни мнение о полиции не слишком высокое, и со всей этой шумихой, которую устраивают радио и телевидение...

— Не говоря уже о завтрашних газетах, господин министр. Но этот ажиотаж входит в намерения похитителей. Это—прямое давление на семью ребенка, а также способ нас нейтрализовать. Вся страна внимательно следит за нами.

— Вот именно. Что вы собираетесь делать?

Паскаль Кро отвечает не сразу. В сущности, ему не очень хочется раскрывать свои карты перед министром. Но в том-то и дело, что министр есть министр.

— Если я прямо скажу доктору Лефевру, что он солгал, и попрошу назвать сумму выкупа, он откажется отвечать, и это естественно. Все в таких случаях поступают одинаково.

— Да, но вам известна позиция правительства: любыми способами помешать выплате выкупа в подобных ситуациях.

— Я знаю. И выбора у меня нет. Я незаметно установлю тщательное наблюдение за доктором Лефевром и всеми, кто, вступая с ним в контакт, мог бы служить посредником для того, чтобы передать деньги. Как, например, его тесть, приехавший из Дре, или его брат, живущий в Париже.

Теперь наступил черед министра задуматься.

— Знаете,—говорит он,—в этой истории меня удивляет, что выбор пал на простого врача. Ведь хватает миллиардеров...

— И я об этом думаю, господин министр,—подхватывает Паскаль Кро.—Вот почему я параллельно веду тщательное расследование жизни его и его близких. Уже изучены его доходы. Уж не говоря о том, что он наверняка утаивает половину от налоговых инспекторов, доктор хорошо зарабатывает. Частная, богатая клиентура, гонорар устанавливает сам...

— Как вы думаете, сколько он мог бы собрать?

— Ну, он же не один. Будучи из семьи не очень состоятельной—его родители работали в системе образования,—он женился на дочери преуспевающего промышленника. За очень короткий срок—я чувствую, что быстрота—важный фактор в этом деле,—они могли бы, думаю, собрать три-четыре миллиона.

— Это, разумеется, сумма,—признает министр,—но ничего особенного.

Комиссар хватается за эту фразу, чтобы изложить свою точку зрения.

— Вот именно. Поэтому с самого утра я спрашиваю себя: почему выбрали доктора Лефевра среди многочисленных потенциальных жертв? Это и является причиной расследования, о котором я вам говорил. Пока оно ничего мне не дало. Винсент

Лефевр всегда был работягой, что и объясняет его успешную карьеру. Это человек довольно строгих правил. За ним не знают ни одного порока и только одно увлечение—шахматы.

Помолчав, он продолжает:

— Что касается его жены, тут все не столь ясно. Арлетта Лефевр, урожденная Фанжон,—прекрасное создание, но легкомысленное. Ей тридцать два года, то есть почти на десять лет меньше, чем мужу. Она ведет светский образ жизни. Ей приписывают массу романов, но вы знаете, как люди злы... Однако полиция иправов утверждает, что в прошлом году ее имя фигурировало в одном некрасивом деле.

— Ах, вот как!—восклицает министр.—Вы думаете, имеет место... шантаж?

— Нет,—решительно отвечает полицейский.—Для этого не было необходимости похищать ребенка. Впрочем, мне не кажется, что тут есть какая-нибудь связь. Вот так обстоят у меня дела, господин министр, но похищение произошло всего восемь часов назад.

Министр встает, давая понять, что аудиенция закончена.

— Я на вас полагаюсь, комиссар Кро, любая помощь, которую вы потребуете, будет вам предоставлена. Но, ради бога, поторопитесь. Все эти сведения информации осложняют наше положение. Мне уже звонили из Елисейского дворца, вы понимаете?

— Понимаю, господин министр. Через полчаса я буду на пресс-конференции вместе с префектом. Что касается рекламы, нам не следует очень уж жаловаться. Эта молодая женщина-полицейский уже почти что стала национальной героиней. Разве она не демонстрирует высокое чувство долга, присутствие нашей полиции?

ГЛАВА VIII

Мари-Клод Жанвье и Фабиен Лефевр одновременно поворачиваются к двери. Этот обед—первое событие в жизни узников, что усиливает их любопытство, к тому же желудок требует свое.

Обед доставлен девицей с писклявым голосом, которая уже дала о себе знать во время ссоры на первом этаже. На ней джинсы, обтягивающие широкие бедра, полотняная мужская рубашка, застегнутая до подбородка, на голове—шерстяной капюшон с прорезями для глаз. Роста она среднего, пухленькая.

За ней на пороге стоит высокий элегантный чернокожий с пистолетом в руке. Франк Арсюл наблюдает за узниками, пока женщина ставит поднос с обедом на стол.

Мари-Клод автоматически прикидывает, какие действия можно было бы предпринять в этот момент. Но Арсюл не спускает с нее глаз и, кажется, читает ее мысли.

— Ты, легавая,—произносит он угрожающе, помахивая пистолетом,—без глупостей. Если ты носишь юбку, это не значит, что с тобой будут церемониться. Так что сиди смиренно, если хочешь, чтобы все хорошо кончилось.

Мари-Клод терпеть не может, когда с ней разговаривают таким тоном.

— Как бы там ни было, подонок, уже сейчас могу

тебе сказать, что все это плохо кончится для тебя и твоих друзей. Ты знаешь, что полагается за похищение ребенка?

Бандит собирается ответить, но тут Фабиен добавляет:

— И полицейского!

Женщина с подносом в ярости орет своим визгливым голосом:

— Ну, погоди, сопляк, сейчас ты у меня заработаешь!

— Вот-вот,—усмехается Мари-Клод,—усугубляйте вашу вину избиением. Я свидетель, не забывайте.

Хоть он и главный, Арсюл чувствует, что события выйдут из-под его контроля. Он хватается за руку.

— Ладно, Мюриэл, иди. Она права. Нам ни к чему терять хладнокровие.

Та, которая зовется Мюриэл, нехотя выходит. Пока чернокожий запирает дверь, Мари-Клод слышит, как девица ворчит:

— Как же, права... Только этой дуры нам не хватало.

— Ах ты, стерва!—кричит оскорбленная Мари-Клод.

Она поворачивается и видит, что Фабиен тихо смеется в своем кресле, словно все это и в самом деле очень забавно.

— Слушай,—говорит он с восхищением,—ты жутко храбрая, Мари-Клод. Ты что, не боишься гангстеров? Жалко, что ребята из школы тебя не видят.

Какое-то мгновение она не находит, что ответить на эту похвалу, потом строго выговаривает ему:

— А ты?! Честное слово, можно подумать, что тебя это забавляет. Ты, наверное, не отдаешь себе отчета в том, что происходит?

— Да ладно,—говорит он, вставая.—Ничего здесь нет особенного. Все это сто раз по телевизору показывали. Но здесь с тобой мне не так скучно, как дома с Флорой. Ну что, будешь ты меня кормить?

Не дожидаясь ответа, он приподнимает салфетку, покрывающую поднос.

— У! Гениально! Бифштекс с лапшой. Обожаю!

И он, этот маленький мужчина, привыкший, чтобы его обслуживали, возвращается в свое кресло. Мари-Клод раскладывает на столе салфетку вместо скатерти, ставит два прибора, хлеб, бутылку минеральной воды. Она сознает, что переживает драму, в которой на карту поставлена ее жизнь, понимает, что она и Фабиен—главные действующие лица трагедии, к которой приковано внимание всей Франции. Но беззаботность мальчугана ее обескураживает. Может быть, он играет сам с собой

в сына миллиардера, попавшего в руки безжалостных гангстеров, как показывают в телевизионных фильмах? Нет, иначе бы он еще более драматизировал создавшееся положение. Истина, которая напрашивается сама собой, проще, и она приводит Мари-Клод в растерянность: Фабиен не имеет ничего против такого приключения, потому что все это куда забавнее, чем то, что ждет его в школе и дома, и к тому же все происходящее изрядно насолит его родителям.

У Мари-Клод были счастливое детство и отрочество, простые, но внимательные и любящие родители. Она вдруг обнаруживает пропасть, которая разделяет этого ребенка из богатой семьи и его отца и мать, и угадывает за этим кажущимся легкомыслием бесконечную тоску.

— Ну вот, все готово. Можешь садиться.
— Не откажусь! — заявляет он, садясь за стол. Но она смотрит на него строгим взглядом:
— Ты же не вымыл руки.
— О, перестань, — ворчит он. — Ты что, будешь нудить, как Флора?

Однако, как ни удивительно, он быстро направляется в ванную.

— Послушай, Мари-Клод, ты думаешь, твои друзья нас ищут? — спрашивает Фабиен с полным ртом.

— Какие друзья?
— Ну, другие полицейские, а?
— Можешь не сомневаться, — отвечает Мари-Клод, улыбаясь, поскольку сама она об этом еще не думала. — Еще бы, нас похитили посреди улицы. Было много свидетелей. О нас, наверное, говорят по радио и телевидению...
— Мы герои фильма, — комментирует он с удивительным видом.

— Да? Я бы прекрасно обошлась без этого, честное слово.

— Чем ты недовольна? — удивляется Фабиен. — После такого тебя наверняка повьют. Даже наградят. Ведь ты влипла в эту историю, защищая меня, разве нет?

— Такого вредного мальчика... Лучше бы я воздержалась.

Это сказано с нежностью, шутливым тоном. Но она добавляет уже серьезно:

— Вначале надо бы выпутаться из этой истории...
— Ты думаешь, мы сбежим? — спрашивает он в восторге.

— Спокойно, — сдерживает его Мари-Клод. — Не следует фантазировать. Их по меньшей мере четверо, трое мужчин и одна женщина. И они все время настороже. Нет, знаешь, мы должны набраться терпения и внимательно наблюдать за всем, что нас окружает. Это позволит нам потом отыскать эту комнату и опознать наших похитителей. Важна каждая деталь. Переодевание...

— Точно. Это не настоящие негры.
— Конечно, нет. Еще есть голоса. У одного из них акцент южанина.

— Правда. У шофера. А потом женщину, которая принесла обед, зовут Мюриэл.

— Правильно. Имя, должно быть, случайно вырвалось у типа в голубом костюме. И у этой Мюриэл примечательный голос.

— Не говори! Визгливый. Будто мой приятель Бернар на скрипке играет.

— А ты заметил: из дырки в ее капюшоне вылезла светлая прядь?

Так они разговаривают некоторое время. Игра в улики. Однако список небогат. Около 15 часов, когда девица в капюшоне приходит за подносом и тарелками, которые Мари-Клод с грехом пополам вымыла в раковине, Фабиен, не церемонясь, обращается к Арсюлу, стоящему на пороге с пистолетом в руке:

— Слушай, долго ты собираешься нас муржить в этой комнате?

Арсюл уже привык к непринужденности своего юного пленника.

— Это зависит в первую очередь от твоего предка, — отвечает он. — Еще двадцать четыре часа, если все будет нормально.

— Здесь скучно, знаешь. Комната маленькая и занюханная.

— Не сравнится, конечно, с твоей квартирой, а? Может, ты хочешь, чтобы вам еще машину дали покатайся? Соображаешь, парень...

Фабиен прекрасно соображает. И доказывает это.

— Ну ладно. Дай нам по крайней мере какую-нибудь игру.

— Какую игру? — Арсюл несколько удивлен.

— Откуда я знаю? Не очень идиотскую. Этого Мюриэл выдержать не может.

— Нет, ты... послушай его, — взрывается она. — Это надо... раз в жизни похитили сопляка, а он строит из себя невесту что!

— Сопляка?

Прежде чем Мари-Клод успеет его удержать, Фабиен кидается на Мюриэл и пытается пнуть ее в ногу коварным приемом. Арсюл, фальшивый чернокожий, вынужден вмешаться. В рукопашной схватке его движения затрудняет пистолет. Не долго думая, Мари-Клод хватается за оружие и вслепую бьет его по голове. Потеряв равновесие, бандит отлетает к стене, ударяясь о нее спиной.

— Давай! Мари-Клод! — вопит Фабиен в восторге, вцепившись в рубашку Мюриэл.

Следует короткая схватка, победа в которой остается все же за тюремщиками. Мари-Клод отброшена на кровать, Фабиен, получив от Мюриэл обещанную ранее оплеуху, смотрит на нее из угла ненавидящим взглядом, а пистолет Арсюла вновь контролирует ситуацию.

— С ума сойти! — говорит он, поправляя маску, приоткрывающую нижнюю часть подбородка, украшенного небольшой темной бородкой. — Прямо две язвы. Скорее бы от них отделаться.

— Будь моя воля, — скрипит Мюриэл, — я бы это быстро сделала.

— Ну, ладно, пока ничего не меняется. Они остаются здесь. Дай им, что ли, карты. Пусть играют, по крайней мере не будут морочить нам голову.

— Нет, правда? Ты не умеешь играть в карты?

— Ну... — признается Мари-Клод, — дома у родителей мы играли немножко в белот...

Фабиен мешает колоду, изрекает безапелляционно:

— Белот — игра для дебилов. Ты не умеешь играть в вист?

— Нет.

— Тогда сыграем в покер. Я тебя научу. За пятнадцать минут.

Молодая женщина быстро схватывает правила игры, сравнительную ценность пары, фулла, флеша, каре.

— Кто тебя научил играть в покер? Твой отец?

— Отец? Он никогда и не пытался узнать, во что я играю, — отвечает Фабиен пренебрежительно. — Я научился у моих двоюродных братьев во время последних рождественских каникул.

— Послушай, мне кажется, ты в большой обиде на родителей.

— Ну... — Он пожимает плечами. — Я полагаю, они не единственные в своем роде. По крайней мере они ко мне не пристают... Я ставлю два миллиона.

В ящике стола они нашли спичечный коробок и играют на спички. Одна спичка — миллион. Фабиен выигрывает. Он смеется:

— Эй, Мари-Клод, если будем играть так до вечера, у меня будет чем заплатить выкуп.

В очередной раз циничный юмор этого десятилетнего мальчугана ставит ее в тупик. Она начинает спрашивать себя, нормальный ли он или сверходаренный.

— Фабиен... у твоего папы есть деньги. Он заплатит выкуп.

— Зависит от того, какая сумма, — размышляет мальчуган, почесывая нос. — Я часто слышу, как папа говорит о деньгах. Он любит их зарабатывать, но и любит их беречь. Да еще учитывая, сколько тратит мама...

— И все же... А потом у тебя есть бабушка и дедушка.

— Ага... Точно, они меня любят. Но они не так уж богаты. Говорю тебе... все зависит от того, сколько запросят эти типы. — Он с хитрым видом добавляет: — Потом ты все время говоришь обо мне. А ты... Ты не думаешь, что и легавым придется заплатить, чтобы ты вернулась на улицу Монсо?

— Уж на это не рассчитывай, — отвечает она, слегка обеспокоенная. — Они, должно быть, уже делают все, чтобы никто не заплатил, такова позиция министерства внутренних дел. Они запрещают платить выкуп. Они говорят, что это поощрило бы других похитителей.

— Ну, что же... Ясно... Не их ведь похитили... Но это меня не удивляет, взрослые — все кретинны.

Он высказывает свое мнение так энергично, с такой убежденностью, что на Мари-Клод это производит впечатление. Она неловко пытается его смягчить:

— Да нет же, уверяю тебя. Ты увидишь, когда вырастешь. Есть очень хорошие люди.

Он смотрит на нее, и впервые с тех пор, как их объединило это приключение, его лицо озаряется настоящей детской улыбкой, улыбкой десятилетнего ребенка.

— Это правда, — признает он. — По крайней мере есть ты.

Продолжение следует.

ПОВТОРЯЕМ УСЛОВИЯ КОНКУРСА «ЮМОР-83»

«Смена» повторяет условия объявленного в № 1 конкурса юмористических рисунков. Авторы могут присылать рисунки в течение года, до 1 ноября 1983 года, по адресу: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена», с пометкой «Юмор-83». Тематика и количество рисунков не ограничиваются, их размер — 15×20 см, техника свободная. Лучшие рисунки, отобранные членами жюри, будут публиковаться в течение года. Итоги конкурса жюри подведет в конце 1983 года.

Рисунки, присланные на конкурс, не рецензируются и не возвращаются.

Победителям будут вручены дипломы «Смены» и призы.

Ждем ваших работ, друзья!

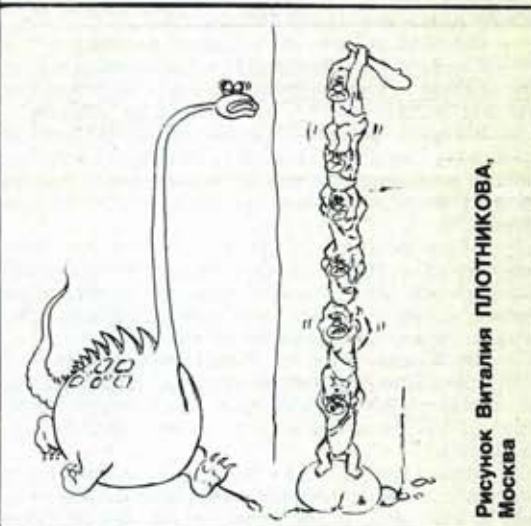

Рисунок Виталия ПЛОТНИКОВА, Москва

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО, Москва

Рисунок Игоря СУРОВЦЕВА, Воронеж

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 06.12.82. Подписано к печати 17.12.82. А 07580. Формат 70×108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 115000 экз. Изд. № 54. Заказ № 3612. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КОНКУРС ЭРУДИТОВ «ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО»

Повторяем условия конкурса.

Читатели «Смены», участвовавшие в проведенных редакцией журнала конкурсах эрудитов, единодушно высказали пожелание сделать их постоянными. Учитывая это, «Смена» в первом номере объявила новый конкурс эрудитов. Его тема — «Литература и искусство». Он состоит из трех туров, читателям будет предложено 10—15 вопросов. Победители определяются по каждому туру отдельно. Призы — книги, альбомы, почетные дипломы, подписка на журнал «Смена».

Вопросы для конкурса мы предлагаем, по традиции, задать самим читателям. Необязательно присылать сразу много вопросов. Можно прислать один, но интересный. Вопросы могут касаться всех

сторон литературы и искусства, всех времен и народов. Предлагаем для примера один такой вопрос: «В тридцатые годы известный индийский писатель посетил Москву. Он написал тогда книгу, в которой назвал нашу страну духовно богатой державой мира. О каком писателе и какой его книге идет речь?» Обязательна ссылка на первоисточник. Из самых интересных вопросов редакция и составит три тура. Имена авторов вопросов, как и прежде, мы опубликуем.

Последний срок отправки вопросов для первого тура — 14 февраля, для второго тура — 31 марта, для третьего — 30 апреля.

Ждем ваших вопросов, дорогие читатели!

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

25^я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Поэзия шахмат

Как мы говорили в материале «Смены» № 1, в ходе шахматной олимпиады и на заочных занятиях в шахматной школе журнала читатели познакомятся с композицией — особым жанром шахматного искусства.

Шахматную композицию издавна называют поэзией шахмат. Известно, кто первым сделал столь лестное и ко многому обязывающее сравнение, но оно емко и точно выражает суть композиции, ее назначение. В своих произведениях композиторы в яркой художественной форме стремятся со всей полнотой раскрыть богатство и разнообразие шахматных идей, подлинную красоту шахматной мысли.

Некоторые шахматисты-практики нередко скептически относятся к композиции, особенно к задачам. Если решение этюдов, позиции которых близки к практическим окончаниям, они признают полезным для совершенствования игры в эндшпиль, то отыскивать мат в заданное число ходов в задачах с

огромным, скажем, материальным перевесом у белых им представляется бессмысленным. Такое отношение — результат непонимания сущности композиции и недостаточного знакомства с ней. Да и аргументация типа «зачем искать мат, когда черным пора сдаваться!» грешит откровенным практицизмом. Ведь решить задачу — это не просто найти последовательность ходов, ведущих к цели, это и понять авторский замысел, его внутреннее содержание. Что же касается неравенства шахматных сил, то именно благодаря изучению возможностей, заложенных в самом различном соотношении материала, композиция смогла открыть совершенно новые шахматные идеи, ранее не встречавшиеся в турнирных партиях, где достижение даже небольшого материального перевеса одной из сторон ведет, как правило, к прекращению борьбы.

Несомненно, изучение композиции не только повышает шахматную культуру, но и развивает комбинационное чутье, способность быстрой оценки позиции, будит творческое воображение, прививает чувство прекрасного. Вот что писал по этому поводу в одной из своих статей первый чемпион мира В. Стейниц: «...изучение этой прекрасной области нашего искусства весьма полезно для развития и усиления практической игры. В особенности способность к точности должна быть развиваема в изучении задач... Некоторые из величайших игроков, как, например, Морфи, Андерсен, Блэкберн и прочие, уделяли много внимания

этому предмету, который возрос почти до отдельного искусства, и особенно достойно замечания, что более блестящий стиль игры обыкновенно приобретает теми мастерами, которые совмещают практическую игру и изучение задач».

Это было написано в 1891 году. Сегодня такой перечень выдающихся гроссмейстеров, совмещавших в своей творческой деятельности два рода шахматного искусства, еще более впечатляющ: Эм. Ласкер, К. Шлехтер, Р. Рети, О. Дурас, М. Ботвинник, Д. Бронштейн, В. Смыслов, П. Керес, Л. Любоевич, Я. Тимман и многие другие. Это не просто тонкие и взыскательные ценители шахматной композиции, но и авторы замечательных этюдов и задач. Достаточно вспомнить знаменитый пешечный этюд Р. Рети, который при своем появлении в 1921 году произвел подлинную сенсацию, обошел всю мировую печать. Вот эта позиция.

Белые начинают и делают ничью.

Задание кажется невероятным, так как белый король не может задержать черную пешку. Но... Впрочем, излишне комментировать этот широко известный этюд. Метод борьбы «на два фронта», представленный здесь впервые, знаком ныне каждому грамотному шахматисту.

1. Kpg7 Kpb6 2. Kpf6 h4 3. Kpe5! h3 4. Kpd6 h2 5. c7 Kpb7 6. Kpd7, ничья.

Задания сегодняшнего тура взяты из творчества гроссмейстеров, оспаривавших в свое время мировую шахматную корону. Первая задача составлена Д. Бронштейном (совместно с В. Чепижным), вторая — К. Шлехтером.

Тур второй

1

Белые: Kpb1, Фг5, Ле2, Сg2, Кf1 (5).

Черные: Kpg1, Лg8, Лh1, Cf7, пп. d4, e6, h5 (7).

Белые начинают и дают мат в 2 хода (1 балл).

2

Белые: Kph8, Фg8, Сb7, Kd6, пп. a3, g2 (6).

Черные: Kpe5, пп. b4, b5, c4, e6, e7 (6).

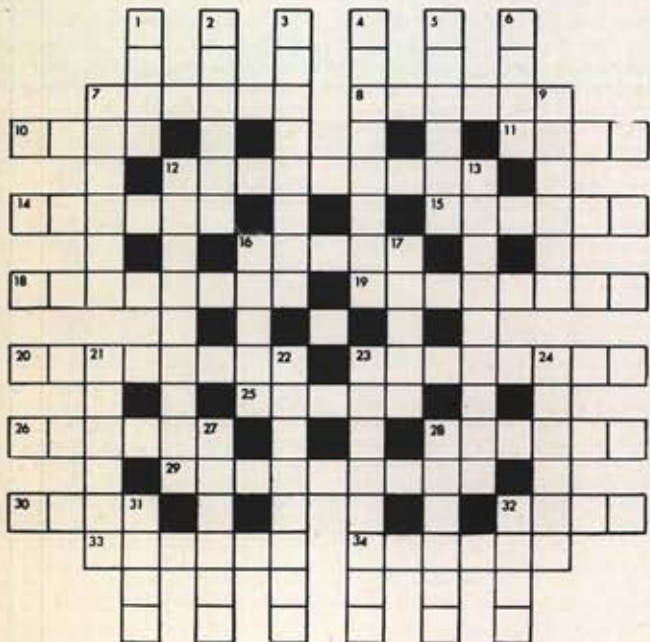
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

Ответы на задания второго тура присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «25-я шахматная олимпиада. 2-й тур». Последний срок отправления ответов — 15 апреля с. г. (по почтовому штемпелю). Обращаем ваше внимание, что этот срок продлен на месяц с тем, чтобы участники первого тура успели получить от нас свой регистрационный номер, который необходимо будет указывать на открытках с ответами на задания каждого тура.

Приглашаем участвовать в нашей олимпиаде и тех читателей, кто по каким-либо причинам не смог начать соревнование с первого тура. Они также получат регистрационный номер.

КРОССВОРД

Составил П. ГОРБУНОВ,
г. Бугуруслан
Оренбургской обл.

По горизонтали:

7. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 8. Часть цветка, из которой образуется плод. 10. Большое парусное судно. 11. Аппарат для исследования верхних слоев атмосферы. 12. Балет А. Крейна. 14. Тугоплавкий металл. 15. Основоположник революционной литературы Югославии. 16. Крупное нагорье в Центральной Азии. 18. Трагедия В. Шекспира. 19. Астрономический угломерный инструмент. 20. Ягодный кустарник. 23. Распространенное в тундре растение. 25. Овощ. 26. Род оптического стекла. 28. Государство, окруженное территорией другого государства. 29. Художественные изделия из обожженной глины. 30. Химический элемент. 32. Река на границе Азии и Европы. 33. Выдающийся русский мореход XVII века. 34. Государство в Африке.

По вертикали:

1. Легкоатлетический снаряд. 2. Среднеазиатский духовой музыкальный инструмент. 3. Персонаж романа В. Липатова «И это все о нем». 4. Насекомоядное растение. 5. Морская птица. 6. Декоративная полоса в верхней части стены. 7. Спортивный судья. 9. Небесное тело. 12. Красивая австралийская птица. 13. Героиня оперы А. Бородина «Князь Игорь». 16. Азиатское и американское животное с небольшим хоботом. 17. Логическое утверждение, требующее доказательства. 21. Электронная лампа. 22. Лесная птица. 23. Материал для обивки стен. 24. Лососевая рыба. 27. Разметочный слесарный инструмент. 28. Дипломатический ранг. 31. Плотная шерстяная или шелковая ткань. 32. Опера Д. Энеску.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
в № 1

По горизонтали:

9. Горелки. 10. Иллюзия. 11. Перби. 12. Чернеть. 13. Эльбрус. 14. Хомяк. 16. Универсал. 19. Нормандия. 22. Ротан. 24. Альберти. 25. «Стрекоза». 26. Тракт. 27. Фламинго. 28. Анфилада. 29. Нитон. 32. Альбатрос. 36. Стегозавр. 40. Вахта. 41. Шницель. 42. Цимбалы. 43. Укроп. 44. Татария. 45. Моноисто.

По вертикали:

1. Модерн. 2. Дежнев. 3. Скутер. 4. Тремоло. 5. Любляна. 6. Слалом. 7. Тюрбан. 8. «Жигули». 14. Харитонов. 15. Константа. 17. Иньшань. 18. Ежевика. 20. Аретино. 21. Диорама. 23. Траат. 30. Исаакян. 31. Острога. 33. Ленбах. 34. Боцман. 35. Туллий. 37. Грифон. 38. Зяблик. 39. Волюта.

КАЛЕНДАРЬ ДО 2000 ГОДА

Начало в № 1.

1989

ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30
МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АВГУСТ
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31
СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31

1991

ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30
МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АВГУСТ
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31
СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31

1993

ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30
МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АВГУСТ
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31
СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31

1990

1992

1994

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820